

АГАГЕЛЬДЫ АЛЛАНАЗАРОВ

РАДУГА

*Переводы из трёх книг
Вторая книга*

| РОМАН,
| НОВЕЛЛЫ,
| РАССКАЗЫ,
| СКАЗКИ

Ашхабад
ТГКП - 2014

UOK 894.361

A.48

А. Алланазаров. Радуга - 2 (Роман и новеллы). ТГКП
- 2014

Во второй том трехтомника писателя Агагельды Алланазарова “Радуга” вошли его произведения, переведённые в разные годы на разные языки и опубликованные в книгах, журналах и газетах.

Кроме русских переводов, часть книги занимают новеллы писателя, переведённые на венгерский, эстонский, таджикский и языки фарси.

Книга будет пособием для изучения творчества писателя Агагельды Алланазарова.

ТГКП №32

КБК 84.Tür 1
© Алланазаров 2014

ТЮЛЕНЬ

РОМАН

“Небо скажет, земля скажет, скажет ветер ...”

Махтумкули

“И в любви как на войне всё возможно.”

Немецкая пословица

УММАН

Еще какие-то полгода назад для старого Балкана, уже довольно давно живущего на свете, мир казался достаточно светлым. У него был сложившийся быт, подспорьем к их со старухой ежемесячным пенсиям была рыба, которую он время от времени сетями вылавливал в море, да птица, которую добывал на охоте. Словом, жили они по-стариковски размеренно и однообразно.

Старый Балкан был из тех счастливичков, кто прошел всю войну 1941-1945 годов и остался цел и невредим, на своих плечах вынес все тяготы войны. Он был солдатом, дожившим до завоеванной с такими огромными потерями Великой Победы.

В те дни, когда советские войска наступали на Берлин - последнее прибежище фашистов, командир батальона капитан Балкан Чапаков был одним из туркменских воинов-танкистов парней, принимавших участие в тяжелых боях...

Старый Балкан был человеком сдержанным, терпеливым, он умел довольствоваться малым и быть благодарным судьбе; как правило, такие люди ни в чем не знают нужды, а если им чего-то и не хватает, они не относятся к этому так болезненно, как молодые.

И потом, когда у тебя есть старуха, которая еще в состоянии ухаживать за тобой, а ты уже далеко не молод, а вернее, даже стар, то и старость не кажется такой уж и

плохой порой жизни. Старик довольно давно убедился в этом на собственном примере.

Если на то пошло, он уже давно уверовал в то, что вот так и будут они жить со старухой до конца дней в родовом гнезде, из которого один за другим выпорхнули и разлетелись в разные стороны их дети-птенцы. Судя по тогдашнему состоянию здоровья жены, своих собственных сил, старик сделал вывод, что до конца жизни времени еще предостаточно.

Но потом вдруг оказалось, что с приходом болезни рубеж жизни не таким уж и далеким становится.

В начале весны неожиданно заболела Умман мама, Балканова старуха (мама - бабушка детей по матери). Первые два дня она держалась обеими руками за грудь, говорила, что у нее там печет, а потом ей с каждым днем становилось все труднее заниматься привычными домашними делами, сходить куда-то.

Поначалу она связывала свою болезнь с сезонными простудами, с недомоганием, которое бывает при смене погоды и перепадах температур, верила, что болезнь отступит так же неожиданно, как и пришла, что пройдет неделя-другая, и она, как и прежде, вернется к своим обязанностям домашней хозяйки. Собственно, раньше так всегда и было.

Но на сей раз Умман мама ошиблась. Прошли неделя, десять дней, а потом и месяц, а она все не могла оправиться от болезни. И так, стало ясно, что нынешнее недомогание вызвано не какой-то там простудой и ничего общего не имеет с простой болезнью. Но даже и тогда Умман мама, чтобы не пугать мужа и не причинять ему лишнего беспокойства, поначалу, как могла, скрывала от него свое состояние, про себя же думала: “Эх, старый, похоже, за мной пришел-таки Азраил, который рано или поздно приходит ко всем. Но

что же будет с тобой, когда я уйду, а ты останешься один в пустом доме, хорошо, если дети заберут тебя к себе...” Позже Умман маме стало тяжело выполнять даже самую простую домашнюю работу, которую она всегда делала с легкостью, походя. Тело перестало слушаться ее, а с некоторых пор она и вовсе слегла.

Как ни мужалась Умман мама, быть рядом с ней и не заметить ее страданий было невозможно. Несмотря на преклонный возраст, Умман мама хорошо сохранилась, была женщиной крепкой, в теле, ее немолодое лицо не было лишено женской красоты. Она была еще в состоянии совершать дальние поездки, бывать, где ей хочется. Но болезнь быстро взяла над ней власть. Теперь и старый капитан понял, что его старуха не просто капризничает, как это бывает с женщинами иногда, что настигший ее недуг вступил в спор с жизнью и смертью.

Несмотря на то, что стоящий у самой кромки моря дом старика построен без малого лет двадцать, а то и тридцать назад, был он одним из лучших в округе. Этот дом ему поставил сын, чтобы иметь возможность каждое лето с женой и детьми приезжать к родителям на отдых. Окончив Губкинский нефтяной институт в Москве, он недолго работал по распределению в Тюмени, а потом его как специалиста пригласили на хорошую должность в Небитдаг. Помимо сына у старика и Умман мама было еще две дочери, старшая из дочерей в годы учебы в красноводском медучилище познакомилась с парнем и вышла за него замуж. Теперь и она уже стала пожилой женщиной, у нее были сыновья и дочери, внуки, а жила дочь рядом с родственниками мужа в Казанджике. Младшая из дочерей вышла замуж в соседнее село. Именно она то и дело навещала стариков, справлялась

об их житье. Глядя на младшую дочь, старуха мечтала: “Эх, если бы и остальные жили поблизости, они бы тоже каждый день забегали к нам”. Она очень скучала по своим детям. Реже всех сюда приезжал их сын-нефтяник, был очень загружен работой и навещать родителей почаще у него не получалось. Когда становилось особенно тоскливо, старики сами ехали к сыну, чтобы повидаться с ним. Зато для внуков самым желанным был дом деда с бабушкой. В школьные годы они проводили здесь все каникулы, жили до тех пор, пока за ними не приезжали родители. Перед отъездом всегда крепко обнимали стариков и обещали приехать еще: “Мы обязательно приедем еще, дедушка, мы снова приедем, бабушка!”.

Время неумолимо движется вперед, и вот уже и внуки один за другим обзавелись семьями. Пару лет назад вышла замуж и девочка младшей дочери, которая с малых лет воспитывалась у стариков, после этого их дом и вовсе опустел, как пустеет берег моря зимой. Таков закон природы, с ним не поспоришь: птенцы вырастают и улетают из родного гнезда, а тем, кто их растил, воспитывал, не остается ничего иного, как желать своим отпрыскам здоровья и счастья, где бы они ни были.

С тех пор так вдвоем и коротали свой век старики, напоминая героев “Сказки о рыбаке и рыбке”.

Нежданно свалившаяся беда обозначила начало нелегкой, беспокойной и для Умман мама, и для старого капитана жизни. Для начала старик показал жену сельскому врачу, потом повез ее в город, тамошним врачам показал. Не желая беспокоить детей, всюду бегал сам, всюду возил ее на своей машине. Шутил, как и прежде: “Садись рядышком, жена, пусть все завидуют нам, считают нас молодоженами”, -

шутил, вспоминая прошлые счастливые дни и пытаюсь хоть немного поднять настроение больной жене.

Но как нельзя скрыть болезнь от врача, так не удалось ее скрыть и от детей. Однажды внук старика Аман, по делам оказавшийся в их краях, надумал первым делом провести деда с бабкой. Но дверь дома была заперта. Решив, что старики могли быть у младшей дочери, он отправился к тетке в соседнее село. Узнав от нее, что бабушка вот уже больше недели лежит в городской больнице, поспешил туда.

Войдя в палату, Аман увидел свою еще больше состарившуюся, исхудавшую бабушку. Когда они обнимались, из глаз старой покатились слезы. Неожидающему появлению внука бабка обрадовалась, как ребенок, она словно защитника своего увидала.

На следующий день спешно приехали сын и невестка. Внимание детей и внуков радовало больную и вместе с тем пробуждало в ней желание поскорее встать на ноги и еще пожить среди своих родных. Через несколько дней в расчете на сильных врачей и скорое выздоровление внук Аман повез бабушку в Ашхабад.

А здесь ее взяли под свое покровительство муж, живущей в Ашхабаде внучки Сонаджемал и его отец - известный в стране врач, профессор Рахманов. Бабка никогда не была в Ашхабаде, но знала, что ее внучка училась здесь, а потом вышла замуж и осталась жить в столице. Сонаджемал не раз приглашала их к себе в гости, а Умман мама все мечтала навестить внучку и поздравить ее с новорожденной, порадовать девочку. Но вышло по поговорке: "Человек предполагает, а Бог располагает".

Рахмановы поместили Умман маму вначале в одну больницу, а затем перевели в другую, усиленно лечили ее.

Однажды утром, когда после проведенного курса лечения ей стало получше, Умман маме показалось, что она уже где-то видела молодого доктора, который то и дело подходил к ней и справлялся о состоянии здоровья. “Хороший парень, где же я его видела? Может, это кто-то из друзей моих внуков?” - размышляла она. Когда он в очередной раз подошел к ней справиться о здоровье, Умман мама решила спросить у него, откуда она его знает. Но молодой человек опередил ее:

- Ну, как дела, бабушка? - ласково спросил он.

- В эти дни я чувствую себя лучше. И ночью спала хорошо.

- И мы так думаем. Теперь пойдете на поправку.

- Дай-то Бог.

- Я сейчас уйду домой. Мое дежурство закончилось. Что вам принести из еды, может, вам чего-то хочется? - спросил юноша, и в эту минуту Умман мама поняла, что этот молодой человек не просто один из ее лечащих врачей, а муж ее внучки Сонаджемал.

- Ой, пустая моя голова! Ты ведь супруг моей Сонаджан, да, сынок? А я-то думала, что ты один из здешних врачей.

- Да, - смущенно улыбнулся молодой доктор.

- Мне ничего не надо, сынок. Скажи Соне, пусть не беспокоится! Вот только там мой старик должен быть, присмотрите за ним. Нечего ему тут болтаться, пусть он лучше едет домой. Если надумает поехать, вы, сынок, с Сонаджемал, непременно проводите его! Мне уже намного лучше...

Спустя какое-то время благодаря стараниям врачей и уходу родных у старой улучшился цвет лица, просветлел взгляд, стало ясно, что она пошла на поправку. Чувствуя, как

с каждым днем к ней возвращаются силы, старая выписалась из больницы с желанием как можно скорее вернуться вместе со стариком домой, с верой, что со временем, когда из плоти ее выветрится запах принятых лекарств, наступит окончательное выздоровление.

После возвращения из ашхабадской больницы Умман мама в течение трех-четырёх месяцев чувствовала себя неплохо. Она снова стала выходить из дому и по мере сил заниматься привычными домашними делами. Окружающим показалось, что состояние старой улучшается день ото дня, и они поверили, что она наконец-то выздоровела.

9 мая большинство родных Умман мама и старого Балкана собрались в их доме, чтобы поздравить с Днем Победы своего деда, ветерана войны. В этом доме было заведено встречать День Победы в тесном семейном кругу. Но поскольку семья увеличилась, то вот уже несколько лет с праздником Победы старого Балкана поздравляли не только сын и дочери, внуки и правнуки, но и зятя, по-сыновнему принятые в семью. Все получали от таких встреч огромное удовольствие, заряд бодрости. Гости съезжались отовсюду, Умман мама и старого Балкана окружали самые родные им люди. Дочери и невестки, внучки и внуки под радующие голоса детишек начинали дружно готовить угощение для праздничного стола.

Мужчины во главе с Эльханом, который ходил с перекинутым через плечо полотенцем, обычно готовили шашлык, до поздней ночи общались, гуляли у моря. Получались очень приятные прогулки.

Так было в праздник Победы и на этот раз. На следующий день после приезда старшего внука Амана с семьей прибыла и живущая в Казанджике старшая дочь с

несколькими детьми, ее Умман мама про себя звала “моя дальняя дочка”. Ближе к обеду подъехали не очень-то ожидавшийся сын старика с женой, а также их живущая в Ашхабаде дочь с зятем-доктором, они впервые привезли в дом предков свою малютку, чем очень обрадовали стариков. Вот вам и маленький той.

Бабушка Умман, сидевшая за праздничным столом в окружении внучат, одного гладила по голове, другого целовала в щечки, третьему, взяв его на руки, что-то ласково нашептывала. Сейчас она была похожа на клушку, приготовившуюся вместе со своим выводком клевать зерно.

Каждый раз, приезжая поздравить старого Балкана с Днем Победы, дети привозили подарки и Умман мама. Поздравляя с праздником деда, они вместе с ним поздравляли и бабушку. Старый Балкан, с улыбкой глядя на довольную подарками жену, шутливо произносил: “Эй, ребята, понятно, почему вы мне везете подарки. Я все-таки солдат Победы. Вот только непонятно мне, за что вы одариваете бабку свою? Спрашивается, где и с каким немцем она воевала?..” - подтрунивал он над своей старухой.

Когда старик отпускал такие шутки, на мгновение по лицу Умман мама пробежала легкая тень. Было ясно, что слова мужа смущают ее. Но она очень быстро брала себя в руки и отвечала улыбающемуся, довольному своей выходкой мужу в таком же тоне:

- Ой, да вы только посмотрите, что он такое говорит?! Тоже мне еще Героглы в железных латах. Вы-то вильнули хвостом да ушли отсюда, сказав, что на войну. А кто выносил все мучения здесь? Мы и выносили. Доверху набивали продовольствием суда и отправляли вам, одежду отсылали

вам, если у кого-то было две кошмы, то одну отдавали на ваши нужды, а сами пахали тут до полусмерти, от голода пухли. А эта проклятая война все никак не кончалась... Если бы вы были такими смелыми, разве война шла бы так долго? Знаете, кто вы? Вы те, кто прятался по углам, ел то, что присылали из дому, да еще русской водкой головы дурманил, вот вы кто...

Произнося эти слова, Умман мама окидывала взглядом собравшихся и видела, что ее дети, невестки и зятя всем своим видом поддерживают ее.

Поначалу казалось, что болезнь навсегда отступила от Умман мама, однако это оказалось не так. К концу лета она стала все чаще кряхтеть и стонать от вновь появившихся болей, стало ясно, что болезнь снова вернулась к ней. Еще через считанные дни она и вовсе слегла, было видно, что она страдает, больная начала стремительно худеть. Делать нечего, дети, которые радовались исцелению матери, снова стали вызывать к помощи врачей. Старик вновь вспомнил об Ашхабаде, внучке Сонаджемал и ее свекре враче Рахманове, подумал было ехать к ним, но, поразмыслив, не очень-то поверил, что тамошнее лечение может до конца победить болезнь жены.

Умман мама сейчас была похожа на тонущего, который ради спасения хватается за все, что попадает под руки, и даже за соломинку.

Некоторые из тех, кто приходил проводить больную, советовали обратиться к целителям, имена которых были у них на слуху. Старик вплотную занялся этим вопросом. Посадив старую в свою машину, он объездил всю округу, посетил всех знахарей, которых ему рекомендовали как лучших целителей. Вернувшись домой, старательно исполнял

все их рекомендации. Верно говорят, пока душа не отлетела, надежда еще остается... Как знать...

Прослышав, что в Джанге живет очень сильная целительница казашка, старик, разузнав ее адрес, повез к ней свою старуху. Осмотрев Умман маму, женщина упрекнула старика: “Ах ты, туркмен, вот про таких, как ты говорят: пока не ткнешь, не почувствует, ну где же вы были до сих пор, почему ты раньше не привез свою жену, вы ведь и живете-то совсем рядом, в двух шагах от меня... Когда мужчина стареет, у него вся надежда на жену, жена, конечно, и в молодости нужна, но в старости особенно. Надо заботиться о здоровье жены, вот умрет она и увидишь, тебе и жены не найдется, разве что на мне женишься!” - полушутя-полувозмущенно говорила она.

Женщина-табип тут же приготовила снадобье из нескольких трав и подсказала старику еще один способ лечения: надо выловить в море тюленя и пару раз накормить больную его сырой печенью, пока она еще горячая, и в ней не застыла кровь. “Бог от каждой болезни дает человеку лекарство, а чтобы ему было легко его добыть, растит траву в тех краях, где он живет. Вот чего много вокруг вас? Воды много, есть море, а раз есть море, то в нем и тюлени водятся”, - напутствовала она напоследок.

Балкан не очень-то поверил в брошенные походя слова о лечении тюленьей печенью, но, чтобы потом в случае чего не раскаиваться, не жалеть о том, что не сделал всего, что должен был, ему пришлось согласиться со знахаркой.

После этого старик в течение нескольких дней обходил всех живущих на побережье рыбаков, расспрашивал, не попался ли ненароком кому-нибудь в рыбачью сеть тюлень. Но где же те тюлени, которые бы так просто запутывались

в сетях рыбаков? Всего лишь раз в одном из таких мест ему показали дохлого тюленя. А ему нужен живой тюлень, которого можно было бы вскрыть и тут же вынуть из него горячую печень. В итоге старик понял, что никто ему не поможет, придется ему самому отправиться за тюленем в море.

В один из таких дней, когда они, два старика, утром завтракали вместе, Умман мама с жалостью посмотрела на мужа, который из-за ее болезни вот уже сколько времени не сидел спокойно на месте, все где-то носился: "... Ты больше не старайся найти для меня лекарство, чему бывать, того не миновать... Вот уже шесть-семь месяцев ты не знаешь покоя, совсем вымотался. Ты лучше за собой посмотри, а я буду принимать снадобье, которое приготовила для меня знахарка - казашка, как знать, вдруг оно мне поможет",- сказала она мужу.

Умман мама произнесла эти слова с такой нежностью, столько любви в них вложила, что старик был тронут. После этого желание вылечить свою жену, помочь ей стало у него навязчивой идеей. Глядя на море, он стал все чаще думать об усатых красавцах-тюленях, живущих где-то среди этих вод.

* * *

Когда старый Балкан подошел к берегу, где была причалена его еще накануне подготовленная лодка, вся округа находилась во власти предрассветной мглы. Еще не рассвело, но это уже было время перехода ночи ко дню, когда земля и небо сливаются воедино, напоминая заблудившихся юношу и девушку, спрятавшихся под покровом ночи в укромном местечке и стоящих, тесно прижавшись друг к другу. Мир делится на горы и моря, небо и землю, пустыню

и долины только после того, как полностью рассветет и все вокруг окажется во власти света. Сейчас вокруг стояла тишина, с моря дул легкий утренний ветерок, доносивший запах соленой воды и предвещавший бурю в ближайшие дни, которая будет гонять с места на место громадные волны и все вокруг перевернет.

С того дня, как старик задумал выйти в открытое море, он время от времени тайком от жены приходил к своей лодке, потому что знал: заподозри она что-то такое, ни за что не согласится с его решением, будет упрекать: “Эй, старый, не забывай о годах своих, не сходи с ума, тебе ли в твои восемьдесят гоняться в море за тюленем!”

Он потихоньку перетаскал в лодку все, что ему могло понадобиться во время плавания - весла, моторное масло, веревку и длинный шест с крюком на конце.

На поиски тюленя старик мог бы и раньше отправиться, но все надеялся, что кто-нибудь из тех, к кому он обратился за помощью, сообщив, что это надо для лечения больного, однажды придет к нему и скажет: “Вот, отец, этот тюлень запутался в моих сетях, я принес его вам, потому что вы сказали, что для больного это лекарство” или “Он грелся на солнышке на берегу, я незаметно подошел сзади, оглушил его и, не дав опомниться, прибрал к рукам...” Но тюленя, на которого он так рассчитывал, все не было и не было. А ведь это народ, который отдаст последнего верблюда, кормильца семьи, если он понадобится для спасения другого человека...

Рыбачья лодка, словно вступив в схватку с морем, плывет, разрезая носом встречные волны. Прикрепленный сзади, насквозь пропахший бензином мотор, сейчас был похож на вислоухого охотничьего пса, радующегося выходу

вместе с хозяином в море и готового при первом же выстреле броситься в воду, найти и притащить подстреленную птицу.

Старик греб веслами до тех пор, пока не ушел далеко от берега, поэтому сейчас его лодка была похожа не просто на обычный рыбачий баркас, а на какую-то дивную птицу, которая, хлопая крыльями по воде, вдруг резко устремляется ввысь. Двигатель лодки работал ровно. С того дня, как надумал отправиться на поиски тюленя, старик тщательно несколько раз просмотрел его, заменил новыми детали, которые могли подвести во время плавания, словом, привел свою лодку в боевую готовность, в то состояние, про которое рыбаки говорят, что при виде воды она рвется плыть по ней. Мотор был в полном порядке, просто старому Балкану не хотелось разрывать предутреннюю тишину ревом моторки, нарушать покой людей, а главное, он не хотел, чтобы шум мотора взволновал его больную жену.

Старик и раньше неплохо относился к спутнице своей жизни, но с тех пор, как она заболела, он стал ценить ее еще больше. Если кто-то один из двоих, проживших долгие годы вместе и вырастивших детей и внуков, вдруг заболевал, тревога охватывала спутника его жизни: “Если он (она) уйдет, я останусь совсем один (одна)...” В последнее время такие же болезненные мысли все чаще приходили в голову старого Балкана. Он не находил себе места, ему все время казалось, что должно случиться что-то непоправимое.

На днях он сказал жившей по соседству младшей дочери, которая несколько раз на дню прибегала проведать свою мать, что хочет отправиться на охоту, если, конечно, погода будет хорошей, дав ей тем самым понять, что кое-что задумал. “Ты присматривай за матерью, не оставляй ее

одну!” - наказал он дочери.

Поэтому сейчас он подумал: “Скоро придет дочка и будет рядом с матерью до самого моего возвращения”. А на случай, если вдруг дочь по какой-то причине задержится, он перед самым выходом из дома приготовил все, что может понадобиться жене, поставил рядом с нею еду и термос с ее любимым черным чаем. И все равно его не покидали тревожные мысли о жене, они, словно серогрудые чайки, бились в его голове, не давали успокоиться.

Отплыв от берега на приличное расстояние, старик включил двигатель, его лодка, словно ненароком разбуженный от сладкого сна в лесу кабан, взревела и начала выписывать круги по воде, раскачиваясь из стороны в сторону, а после, встрепенувшись, молнией рванула вперед и стала похожа на закусившего удила необъезженного жеребца. Некоторое время в воздухе висел знакомый запах бензина.

Еще пару дней назад море было похоже на недовольную своим избранником молодку, оно бурлило, пенилось и Бог знает что вытворяло. Бешеные волны, взмывая в небо и плюясь брызгами, готовы были поглотить любого, кто встретится на их пути.

Но то было в характере моря - время от времени вскипать белой пеной, особенно, когда в воздухе запахнет приближающейся осенью, но каждый раз, спустя дней пять-неделю после таких штормов, море успокаивается и снова превращается в бескрайний простор тишины и спокойствия. Сейчас именно такое время, море спокойно, настроение у него благостное. С его поверхности поднимается серовато-белесая дымка, она тонкими нитями вкручивается в небо.

Если внимательно осмотреться вокруг, можно увидеть, что море, словно пристыженное своим недавним хулиганским поведением, стоит притихшее, стыдливо опустив глаза и прикусив, как яшмак, свое зеленое покрывало.

Представший его глазам морской пейзаж старик сравнивал то с ковровым занавесом, которым в последнее время стало модно украшать двери домов и который придавал им своеобразную красоту, то с просторным покрывалом, под которым море скрывало свой таинственный мир.

На мгновение ему почудилось, что очень скоро из-за этого занавеса покажется Берта в длинной белой ночной рубаше с рассыпанными по плечам белокурыми локонами, его Берта, она появится оттуда, как из-за кулис. И это будет все еще та Берта, его несчастная Берта. Он вспоминал ее каждый раз, когда выходил в открытое море и окидывал взглядом его бескрайние просторы...

* * *

К началу войны Балкан уже вышел из подросткового возраста, ему исполнилось семнадцать. К этому времени он уже почти три года жил в Красноводске у старшего брата и учился в техникуме на судового механика. Теперь уже недалеко то время, когда он начнет работать на одном из судов Красноводского морского порта. Он всегда с завистью смотрел на плывущие издалека огромные морские лайнеры. В мыслях он представлял себя всезнающим, суровым и гордым капитаном одного из таких судов. Да и старший брат, вспоминая их утонувшего во время шторма лет десять-двенадцать назад отца, мечтал о том, чтобы Балкан, как и их отец, стал морским капитаном. Брат внушал Балкану: “Если

хочешь стать капитаном, надо вначале хорошо освоить технику, а уж потом будешь постепенно расти до капитана”. Он заботился о завтрашнем дне своего младшего брата.

Каждый раз, когда Балкан приезжал из города в родное село на острове, односельчане с восхищением и завистью смотрели на его одежду - бескозырку с надписью и двумя лентами сзади, морскую форму, из-под которой выглядывала полосатая тельняшка, она очень шла ему. И всякий раз, когда он маленьким капитаном приезжал на побывку, к нему домой, чтобы повидаться с ним и поздравить его мать с приездом сына, сказать ей несколько приятных слов, вместе с двумя-тремя подругами непременно приходила одноклассница Балкана по имени Умман. В последний раз он приезжал домой за неделю-дней за десять до начала работы помощником мастера на одном из судов в порту Красноводска, куда он был направлен по окончании техникума. На судне, время от времени доставлявшем из города товар для островного магазина, он и приехал поздно вечером в родное село.

Возле магазина стояла небольшая толпа мужчин и женщин, ребятишек. Местные жители всегда собирались возле магазина в ожидании интересного товара, не хотели отставать от других.

Поздоровавшись со взрослыми, Балкан, взвалив на плечи свой багаж, прошел было мимо, но в этот момент услышал приятный женский смех и остановился. Оглянувшись, он увидел двух своих одноклассниц, Айтувак и Умман. Стоя в сторонке, девушки делали вид, что наблюдают за тем, как идет разгрузка нового товара, на самом же деле весело и с удовольствием разглядывали его. В свою очередь и он радостно улыбнулся в ответ, давая понять, что узнал девушек.

- А, подруги, вы ли это?!

- Что, уехал на два дня и уже своих перестал узнавать? - первой проворковала Айтувак. Накручивая на палец кончик косы, она раскачивалась из стороны в сторону, словно желая выяснить, на твердом ли месте стоит и удержит ли ее земля.

- Ну, конечно, зачем ему нас узнавать, он ведь теперь городским парнем стал, - с упреком в голосе поддержала подругу Умман, всем своим видом давая понять, что и они тоже были бы непрочь стать горожанками.

Балкан не сразу нашелся, как реагировать на неожиданные нападки своих одноклассниц, что им ответить. Но про себя отметил, что со времени их последней встречи девушки заметно повзрослели и похорошели. Сквозь небольшой вырез ворота платьев он увидел округлившиеся груди девушек, они на глазах Балкана с каждым годом наливались соком и теперь подчеркивали красоту и стать девушек.

- Раз уж на то пошло, привез бы ты ее в аул, чтобы и мы могли посмотреть на нее!

Случайно встреченные одноклассницы разговаривали с Балканом так, словно он в чем-то провинился перед ними, в их улыбках таился упрек. Похоже, они пришли к магазину вовсе не за каким-то товаром, а просто так, чтобы показать себя, а заодно и на других посмотреть. Они задавали ему вопросы и сами же на них отвечали, причем, говорили то, что им хотелось. "Эй, парень, когда надумаешь жениться, не забывай, что мы тоже есть!"

Балкан все еще стоял на том же месте, на котором остановился, увидев одноклассниц, с улыбкой выслушивал все их шутки-прибаутки, мысленно соглашаясь с ними. "Однако, ваши слова не лишены смысла..." - говорил его вид.

- Вон сын Тувакмаммеда, тот, что с вечно засученными рукавами, будто к чему-то приготовившийся, исполняя на свадьбах кушт-депди, поет:

- Друзья, а я женюсь на русской,
Лицо, глаза ее прекрасны!

Так вот, в конце концов напел - женился-таки на русской!

- Что ж, добился того, чего хотел.

По тону девушек было ясно, что они никоим образом не одобряют этот брак, чувствовалось, что каждая из них в душе рассчитывала на внимание женившегося юноши.

Айтувак была вправе возмущаться, были у нее на то причины. В ауле уже давно ходили разговоры о том, что Айтувак встречается с сыном Тувакмаммеда, что, как ни стараются они скрыть от посторонних глаз свои отношения, они уже давно стали достоянием гласности.

Обращаясь к Балкану как к своему однокласснику, она протянула руку и в шутку попросила:

- А ну, парень, если у тебя есть фотография невесты, и нам ее покажи, красива ли она?

- В следующий раз привезу.

Балкан и сам не знал, как у него вырвались эти слова.

И в этот раз, приехав домой, среди других пришедших поздравить его мать с приездом сына Балкану хотелось видеть и сверкающие глаза Умман, но она почему-то не пришла. Надежды парня не оправдались, у него даже настроение немного испортилось. Вечером, лежа в постели, он снова думал о ней: "Неужели она считает достаточной ту нашу случайную встречу? А может, у нее появились какие-то неотложные дела, все же она теперь деловой человек".

Балкан слышал, что Умман вот уже несколько месяцев

работает в сельсовете, делопроизводителем у своего дяди Гартагана, занимавшего пост председателя сельсовета. Он продолжил свой мысленный разговор: “А может, я что-то не то сказал и обидел ее?”. Балкан начал вспоминать подробности разговора, состоявшегося возле магазина. Мысленно перебирая каждое произнесенное слово, сейчас он был похож на молодую женщину, разложившую перед собой все свои наряды и не знающую, какой из них выбрать, чтобы быть еще красивее. В конце концов он нашел те слова, которые могли показаться Умман обидными.

- Если есть фотография, покажи и нам, красива ли она?

- В следующий раз привезу...

Балкан был уверен, что именно эти слова отвратили девушку от него.

Однако он и сам не мог понять, с чего вдруг разговор зашел о русской невесте, ведь он никакого повода для таких шуток не подавал.

Через пару дней после приезда Балкан привел в порядок оставшуюся от отца рыбачью сеть, кое-где закрепил ее, кое-что в ней подправил, после чего вышел в море. Бросив сеть, он вернулся на берег и встретил там одного из своих сверстников - Араза узына (узын - длинный, высокий). Привязав на берегу лодку, на которой только что вернулся с моря, он достал из нее весла, напоминающие крылья ощипанной гигантской птицы, и стал связывать их веревкой, чтобы взять с собой домой.

- Приехал, капитан? - спросил Араз и хитро улыбнулся, о чем-то вспомнив при виде Балкана. Потом одноклассники постояли немного на берегу, поболтали. Беседуя с Балканом, Араз с завистью разглядывал полосатую матроску своего

товарища, надетую набекрень бескозырку с двумя лентами сзади, и про себя отмечал, как тому идет эта форма.

Прощаясь, Араз узын снова, как и при встрече, многозначительно улыбнулся. Не выдержал, спросил: “Ну и когда же свадьба?”

Этот неожиданный вопрос застал Балкана врасплох, он не знал, откуда взялся этот слух.

- Что за свадьба?

- Ай, до моих ушей один слушок дошел. Говорят, “Капитан женится, там, где он учился, встречался с девушкой, и теперь они скоро сыграют свадьбу. Сейчас Балкан приехал, чтобы сообщить о своем решении матери”.

Вспоминая разговор с Аразом, Балкан сразу же понял, откуда у этого слуха растут ноги. Такое могла сказать только девушка, тайно влюбленная в Балкана и ревнующая его ко всем девчонкам на свете. В первую очередь, это могла быть Умман.

Видя, что брошенная в шутку фраза о русской невесте начала гулять по свету и обрастать подробностями, Балкан, размышляя над этим, никак не мог понять, почему это случилось, все время думал об этом.

Он еще ни разу не встречался с Умман наедине в укромном месте, ему не доводилось подставлять лицо под возбуждающе горячее девичье дыхание, но он мечтал о том, чтобы это когда-нибудь случилось.

Юноша давно понял, что Умман самолюбива. На этот раз, уехав из села, Балкан как-то особенно часто думал об Умман. Ему даже казалось, что из обычной одноклассницы девушка постепенно становится одним из самых близких ему людей.

Теперь, отправляясь домой, он думал о том, что там

есть девушка по имени Умман, он намеревался улучшить удобный момент и дать ей понять, что она ему небезразлична. Он тешил себя этими мыслями, они согревали ему душу, поднимали настроение.

Как бы то ни было, до самого своего отъезда Балкан надеялся, что встретит Умман и спросит с нее за пущенный ею слух, а она, смущаясь, словно невестка, впервые переступившая порог дома свекрови, ответит: “Да что ты, парень, ничего такого нет...” и, волнуясь, посмотрит на него виновато, а потом попросит прощения за свое озорство. Но дни шли, а ему так и не довелось увидеться с Умман, и можно было подумать, что девушка, стыдясь своей шалости, прячется от Балкана, не показывается ему на глаза.

В день возвращения в город Балкан понял, что не сможет уехать, хотя бы на минуту не повидавшись с Умман.

Отправившись на пристань в сопровождении матери и гелнедже (жена брата отца или старшего брата), Балкан, как только они поравнялись со зданием сельсовета, подумал о том, что сейчас Умман находится там, на своем рабочем месте, и у него тут же созрело решение забежать туда и на ходу переговорить с девушкой. Он остановился, сунул в руки гелнедже свой вещмешок: “Вы тихонько идите, я просил в сельсовете одну справку, быстренько возьму ее, она нужна мне по месту работы”, - произнес он с видом человека, только что вспомнившего о своей нужде.

В помещении сельсовета находился Гартаган ага, он сидел за столом, выложив на край стола свою высокую мохнатую папаху, и что-то писал. Увидев неожиданно появившегося Балкана, он удивленно посмотрел на него, в его взгляде читался вопрос: “А ты что тут делаешь?”

- Эй, парень, ты ли это?

- Не узнаете меня, Гартаган ага?

- Знать-то я знаю и твоего... отца, и мать твою... Тебе справка нужна?

- Да, она...

Балкан даже не успел сообразить, как председатель сельсовета угадал его мысли, а тот, махнув рукой в сторону двери, продолжил:

- Если тебе нужна справка, что ж ты раньше не пришел, парень? Только что Умман еген (еген - племянница) дала мне на подпись справку, которую сама и написала, поставила печать и побежала отсюда со словами: "Скоро отправление судна, а этот парень, похоже, забыл свою справку, я быстренько отнесу ее ему, пока корабль не ушел".- Он велел Балкану поспешить.

Когда Балкан поспешно ушел от него, Гартаган ага, глядя ему вслед, произнес:

- Ну да, справка ему нужна! С тех пор, как племянница стала работать у меня, слишком у многих возникло желание получить справку... Дай-то Бог, чтобы все это добром кончилось...

Балкан не услышал последних слов Гартагана ага и не увидел, как тот, подкручивая усы, хитро улыбнулся.

Когда Балкан прибежал на пристань, пассажиры уже прощались с провожающими и с сумками в руках по очереди поднимались по трапу. Чтобы вручить ему справку, Умман стояла в сторонке среди провожающих, рядом с матерью и гелнедже Балкана.

А солнце уже пошло на закат, тем не менее, оно не спешило поскорее спрятаться, как это бывает зимой. Летом оно будет стоять на горизонте, словно дожидаясь кого-то, его красный шар похож на раскаленное жерло тамдыра. Зной не

отпустит до тех пор, пока все вокруг не погрузится во тьму.

Когда взгляды Умман и Балкана встретились, они оба покраснели от волнения, и тотчас отвели глаза в сторону, чтобы кто-нибудь ненароком не догадался, какая буря бушует в их сердцах. Оба чувствовали себя неловко.

Естественно, Балкан догадался, что девушке, составившей непрошенную справку и под этим предлогом пришедшей проводить его, не так-то просто было решиться на это, он понял, что ею двигали какие-то чувства, желание увидеть дорогого ее сердцу юношу, и он был благодарен ей.

Все стало ясно. Своим поведением Умман сказала больше, чем могла бы высказать словами, она дала понять, что творится в ее душе.

Увидев, что все пассажиры загрузились и ждут только его одного, Балкан стал спешно прощаться с матерью и гелнедже, он также бросил прощальный взгляд на стоявшую рядом с ними Умман.

Балкан, взяв свой багаж, уже вступил на откидной трап, как вдруг раздался несколько озабоченный приятный голос Умман:

- Ой, Балкан, чуть не забыла! Я принесла тебе справку, которую ты просил!

Умман со справкой в руках, которую забыла отдать, пока стояла рядом, догнала его, и их взгляды встретились вновь.

Но сейчас взгляд Умман не был взглядом озорной девушки, которая будто спрашивала: "Ну как я тебя наказала за твои необдуманные слова?!", - теперь эти глаза смотрели с какой-то особой нежностью и теплотой, в них было видно трепетное желание, они будто говорили, как расстроена девушка из-за предстоящей разлуки.

Как только корабль тронулся, в небо взмыла сидевшая неподалеку стайка серогрудых чаек, они летали над судном и о чем-то шумно ворковали на своем птичьем языке. Сейчас они были похожи на сельских ребятишек, забрасывающих камешками свадебный кортеж.

Стоя на палубе и подставив морскому ветру волосы, Балкан жадно всматривался туда, где осталось его село. И лишь когда оно скрылось за горизонтом, юноша вспомнил про справку, которую ему вдогонку принесла Умман и которую он все еще держал в руках.

В ней было всего несколько строк.

СПРАВКА

Дана Балкану Чапак оглы, 1924 года рождения. Сельсовет “Балыкчи” удостоверяет, что этот товарищ является жителем данного села.

***Председатель сельсовета
“Балыкчи”***

Г.Тувакмаммедов

Внизу стояли печать и дата выдачи справки.

12 июня 1941 года.

Вначале быстро пробежав принесенную Умман справку, удостоверяющую его личность, Балкан затем стал читать ее более внимательно. Всматриваясь в листок бумаги, он думал о том, какими находчивыми становятся девушки, когда хотят чего-то добиться. “Да, у этих девушек много уловок”, - с улыбкой подумал Балкан, испытывая в

душе благодарность за то, что Умман, желая проводить его, придумала эту историю со справкой. Он тут же решил при первом же удобном случае приехать домой, встретиться с Умман, которая с каждым днем становилась ему ближе и дороже других девушек, поговорить с ней и поставить ее на место вымышленной русской девушки. Он представил, как похорошеет девушка при этих его словах. Вспомнив о том, что Умман является потомком рода знаменитой Ширван мама, по слухам, очень красивой женщины, Балкан с удовольствием представил, как она будет хороша в наряде невесты.

В селе “Балыкчи” проживала родня Умман по дяде, которая считалась потомками Ширван мама. Говорили, что, рождением своего имени она была обязана прошедшему в давние времена мощному тайфуну. Высокие, могучие волны поднимались из глубины вод, они со всех сторон охватили остров Огурчинский и готовы были оттащить его к берегу и с силой ударить о землю. Именно эти волны в тот раз пригнали и незнакомое судно. Собственно, от судна уже ничего не осталось, волны, бросая из стороны в сторону, превратили его в щепки. На Огурчинский попал лишь кусочек судна, скорее похожий на плот. Так вот, на этом плоту находились старик и девочка лет четырнадцати-пятнадцати. Огурчинцы взяли под свое покровительство потерпевших крушение, и те начали жить среди них, стали своими.

Эти люди тогда рассказали, что они родом из Ширвана, и что судно, на котором плыли, также приписано к Ширвану. После на этой девушке из Ширвана женился местный парень. И произвела она на свет несколько сыновей и дочерей, похожих и на нее, и на мужа.

Именно в ту пору возникла следующая присказка:

“Если ты темненький, женись на светлокожей девушке из племени дуеджи, а если у тебя кожа светлая, женись на смуглой ширванской девушке, вот тогда и сохранишь и красоту свою, и стать”.

Много воды утекло с тех пор, но облик красивой, статной женщины по имени Ширван мама продолжал жить в ее многочисленных потомках - внуках, правнуках, праправнуках...

Гартаган ага и мать Умман были правнуками одного из сыновей Ширван мамы. Поэтому имя Гартагана ага зачастую увязывали с именем его бабушки Ширван и называли его просто Ширван-сельсовет.

Красотой и статью Умман пошла в свою знаменитую прабабку Ширван маму.

* * *

Быстро вернуться назад в село у Балкана не получилось. Он только-только начал работать на рыболовецком сейнере, как вдруг неожиданно грянула война и потрясла весь мир. Пришлось рыболовецким судам переключиться на другую работу. Теперь они ходили в Астрахань, Казань, перевозили туда продовольствие, а оттуда везли в Красноводск размонтированное оборудование эвакуированных предприятий. Причем, теперь суда постоянно спешили. Не задерживаясь в местах доставки грузов, они быстренько разгружались, брали другие грузы и сразу же отправлялись в обратную дорогу. И хотя самих немцев не было видно, чувствовалось, как догоняют они отправленные им навстречу тяжелые советские войска. И теперь суда возвращались в Красноводск, везя в своих трюмах раненых бойцов. Страна, над которой нависла

опасность, призывала на помощь своих сыновей и дочерей: “Вставай, страна огромная!”

Осенью 1942 года Балкан уже учился на краткосрочных курсах младших командиров танковых войск в уральском городе Миасс. Немцы отступили от Москвы, но окружными путями подбирались к Сталинграду. Довольные своими победами, в те дни немецкие солдаты адресовали сталинградским женщинам вдохновенные стихи:

Мы приедем, дамочки,
Подготовьте ямочки!

Танковый полк, в котором служил Балкан, был одним из воинских подразделений, готовых в эти дни сразиться с немцами в калмыцких степях. Но ему не довелось, как он сам о том мечтал, долго защищать Сталинград, город, имя которого в те дни звучало на многих языках мира. В первом же наступлении его танк попал под артиллерийский обстрел и был выведен из строя. Немцам потребовалась всего неделя, чтобы удержать, а затем вступить в бой и отбросить наступавшие советские войска. После этого, казалось, немцы не только до Волги дойдут, но и доберутся до кавказской нефти, до самого Каспия...

Когда пошел слух, что в Сталинграде взяты в плен немецкие генералы с войском численностью почти пятьдесят тысяч человек, Балкан находился в одном из военных госпиталей Омска, где ему извлекли из тела осколок снаряда.

Под Смоленском лейтенант Балкан, вернувшийся в свою часть после выписки из госпиталя, был назначен командиром танковой роты вместо недавно погибшего в бою командира. В эти дни советские танки, вытеснившие

врага из Сталинграда, а перед этим с силой отбросившие его от Москвы и Ленинграда, ощутив теплое дыхание пока еще далекой победы, тиграми набрасывались на немцев, оттесняя их все дальше и дальше. Тогда же, наблюдая в подзорную трубу, как взбесившиеся советские танки давят немцев на улицах Смоленска, догоняют их и растаптывают, генерал Манштейн с грустью записал в своем дневнике: “Русские теперь не только научились воевать, но и после Сталинградской битвы - побеждать...”

Среди тех, кто в те дни, преследуя на своих танках фашистов, двигался на Запад, был и танкист - старший лейтенант Балкан.

БЕРТА

Весной 1945 года капитан Балкан вместе со своим танковым батальоном вел ожесточенные бои всего в 75-80 километрах от Берлина. Немцы сражались за каждую пядь земли, совсем как советские воины под Москвой и Сталинградом. Их игры давно закончились, не сегодня-завтра Гитлер сдастся и попросит пощады. Германия была похожа на огромного дракона, которому отрубили голову, поэтому те, кто сейчас вел последние бои, не зная, что дракон уже обезглавлен, напоминали отчаянно бьющихся за жизнь, из последних сил цепляющихся за нее людей. Воздух вокруг напоен пыльно-пороховым запахом, настоящим на благоухании ежечасно распускающихся цветов. Берлин был похож на загнанного в угол зверя, совершившего страшный проступок и не знающего, куда спрятаться, поэтому те, кто вел последние бои, были настолько озлоблены, что готовы камнями и палками добивать врага.

В середине апреля советское командование срочно отозвало несколько сражающихся за Берлин воинских частей. Стало ясно, что сюда подоспели союзнические американские и английские войска.

Но, по мнению Кремля, Берлин должен быть взят не какой-то только что вступившей в войну страной, а вынесшими на своих плечах все тяготы этой войны советскими войсками. Однако и союзники предпочитали, чтобы их солдаты вошли в Берлин первыми, опередив армию Сталина. Надо было срочно что-то предпринимать, в противном случае может именно так и произойти, потому что немцы отдадут свой главный город скорее англичанам и американцам, чем русским. Советские военачальники, не желая уступать свою победу кому-то другому, пришли к решению окружить Берлин плотным кольцом войск.

Танковый полк Балкана был одним из отступивших от Берлина воинских подразделений. В тот же день они пошли в окружение Берлина и заняли указанное им место в 45 километрах позади города.

Местом, которое должен был занять батальон Балкана, оказался небольшой аккуратный немецкий городок, в который ни разу не попадал снаряд.

Война превратила этот городок в пристанище стариков и детей, женщин и девушек, забывших, какими бывают мужчины, и жаждущих их любви. Они со страхом и недоверием смотрели на солдат, пришедших сюда со своими танками. Они знали, как их собственные солдаты, когда топтали Россию, бесчинствовали там. Поэтому считали, что теперь русские солдаты непременно отомстят за поруганную землю свою, за бесчинства фашистов, и очень боялись этого.

По приказу командиров наши солдаты помнили о том, что, хотя жители городка и являются прямыми соотечественниками тех, кто топтал их землю и причинил народу невероятные страдания, их не было среди воевавших с русскими, поэтому старались вести себя с местными жителями вежливо, не проявляя к ним враждебности. Но раны были свежими, слишком свежими, чтобы можно было все забыть. Да, были среди советских солдат и те, кто, одурманив себя немецким шнапсом, начинали вспоминать своих загубленных войной близких, и тогда они хватались за оружие.

- Вот я вас, фашистов... Вас надо на корню истребить... Вам нет места на этой земле, ваше место - в могиле...

Поэтому командиры частей были вынуждены то и дело одергивать таких парней, напоминать им, что они не банда разбойников, а разумные советские воины, что они солдаты Победы, сумевшие пригнать немцев в Берлин и затолкать в их логово, что от немецких солдат они должны отличаться не просто мужеством и отвагой, но еще и настоящим человеколюбием.

В первые дни жители городка вели себя так, будто их вытащили из укромного места в лесу, где они прятались, привели сюда, поставили перед ними целый котел еды и сказали "Ешьте!", и теперь, когда все съедено, они не знали, что их ожидает, и со страхом думали, что будет с ними дальше. Эти люди переживали непонятные чувства, замешанные на страхе и сомнениях, ведь они были земляками тех извергов, которые истребляли русских на их земле.

Но человек всегда остается человеком, независимо от того, где он находится и в каком положении оказался, какую религию исповедует и на каком языке говорит. Всего, того,

что присуще человеческой природе, не были лишены и эти люди.

Вскоре стало ясно, что солдаты потихоньку привыкают к окружающей их необычной тишине, порядку, к несколько виноватым, но вместе с тем и любопытным взглядам девушек и молодых женщин, к бушующей в природе весне. Теперь их сердца жаждали любви.

Воинам, столько лет шагавшим дорогами войны и забывшим, что такое женская ласка, собственно, у них и возможности помнить о ней не было, в эти дни немецкие женщины с их вздымающимися грудями и жадными взглядами напомнили о существовании любовных утех, которых они были лишены все эти годы.

Впервые Балкан увидел Берту на вечеринке, которую устроил его замполит капитан Астахов, она предназначалась для хорошего отдыха. Астахов как-то говорил ему о своем желании при первом же удобном случае устроить такие посиделки с выпивкой, ему даже удалось уговорить своего друга Балкана, обычно избегающего таких мероприятий, присоединиться к ним. Балкан тогда сказал ему: “Хорошо. Если мы будем устраивать застолье, то я еще раз обойду занятые нами посты, посмотрю, все ли там в порядке, а потом, уж коли так надо, приду”. Правда, при этом предупредил: “Только пусть там не будет лишних людей”.

Астахов устроил вечеринку в двухэтажном доме, перед которым был разбит цветник. По виду этого дома можно было сделать вывод, что человек, которому он принадлежал, когда-то жил здесь в свое удовольствие. Напитки и закуски уже заняли свое место на столе. А из кухни доносился запах чего-то вкусного, приготовленного на основе консервов.

Балкан не заставил себя ждать, пришел очень скоро.

Войдя в дом, он остановился, пораженный видом трех очаровательных женщин в нарядных одеждах. На диване у противоположной от входа стены рядом сидели три красавицы, все они словно невесты были одеты в светлые платья. Конечно, Балкан сразу же сообразил, что это дело рук капитана Астахова. Капитан Астахов отличался не только остроумием и находчивостью, но и умением на самом высоком уровне организовывать подобные мероприятия. Войдя в гостиную, Балкан окинул взглядом собравшихся и по-командирски оценил здешнюю обстановку. Увидев его, сослуживцы вскочили с мест и, одергивая полы гимнастеров, по-военному встретили своего командира.

- Ого, что у вас тут происходит, ребята!

- Сердце жаждет веселья, товарищ комбат!- улыбаясь, ответил Астахов, после чего подмигнул стоящему рядом с ним невысокому крепышу капитану, словно спрашивая его: "Не правда ли?". Капитан молча улыбнулся, а вместо ответа погладил усы, по-своему подтвердив слова Астахова.

- Товарищ капитан, так на чью свадьбу мы пришли?
- этот вопрос Балкан задал, глядя в сторону молодых.

Прежде чем ответить командиру, Астахов радостно засмеялся, потом сказал:

- Товарищ комбат, все ждут вас, проходите, садитесь за стол, ну а с женихом мы как-нибудь потом разберемся.

Когда Астахов, повернувшись к сидевшим на диване женщинам, повторил только что сказанные комбату слова на немецком языке, они восторженно заулыбались, и всем своим радостным видом подтвердили свое согласие с ним.

После этого все дружно перешли за накрытый стол и принялись за еду, женщины переговаривались друг с другом,

улыбались мужчинам, перекидывались с ними нежными взглядами.

Прямо напротив Балкана расположились Астахов и высокая, худощаво-стройная, не уступавшая ему в остроумии, Луиза. Вытягивая свою длинную лебединую шею, Луиза поворачивалась то к одной, то к другой из своих подруг, которые были менее разговорчивы и сидели с видом загнанных в клетки птиц, что никак не соответствовало обстановке, а если и говорили что-то, то им казалось, что их все равно никто не слушает. Луиза всем своим видом подгоняла их: “Ну а вы что притихли, давайте, начинайте!”

После того, как несколько раз подняли бокалы с крепким немецким шнапсом “За Победу!”, “За наступившую буйную весну!”, “За девушек, по которым так сильно соскучились за четыре года!”, застолье, начавшееся так скучно и даже несколько формально, постепенно оживо, стало веселее. Взгляды затуманились, шума прибавилось. Теперь рядом с ним, рассыпав волосы по плечам, сидела средняя из трех девушек с дивана в нарядном белом, как у невесты, платье, ее любознательный взгляд то и дело останавливался то на одном, то на другом. Как только приступили к угощению, Астахов встал с места, взял эту необщительную девушку за руку и усадил рядом с ним. Балкан вначале думал, что его друг избрал эту девушку для себя.

Луиза с легкостью вспорхнула с места и завела стоявший на соседнем столике патефон, комната наполнилась звуками приятной музыки, чувствовалось, как тронула она сердца собравшихся, никого не оставила равнодушным. После этого кавалеры, с трудом подбирая немецкие слова, стали приглашать своих дам на танец. Еще

через какое-то время собравшиеся поверили в то, что они находятся не в обычном доме, а, сидя на широком плоту и оторвавшись от берега, плывут в неизвестном направлении... В комнате, наполненной табачным дымом, девушки, волоча за собой полы просторных белых платьев, довольно улыбаясь, бросая на парней жаждущие взгляды и всем своим видом показывая, что их желания ничуть не меньше, чем у ребят, обнимая их за шеи, извивались в танце.

Положив голову на грудь Балкана и жадно вдыхая исходящий от него смешанный запах табака и пота, тот мужской запах, который не оставляет равнодушной ни одну женщину, Берта мечтательно двигалась в танце, обняв напарника, и сейчас была похожа на женщину, которая наконец-то встретила свою долгожданную любовь. Танцевавшие рядом с ней две другие девушки отпускали в ее адрес шпильки: “Не выпускай из рук капитана, как только ты отпустишь, его у тебя сразу же заберут, или ты уснула, девушка?”

Однажды во время танца Берта вдруг остановилась, приподнялась на цыпочках и спросила у Балкана:

- Ну и чего мы теперь боимся?

Балкан сразу понял, что хотела сказать девушка. Подняв на руки, он крепко прижал ее к груди и страстно поцеловал в губы.

* * *

По обыкновению Балкан проснулся рано утром. Берта еще сладко спала на просторной двуспальной постели, которую они так страстно утрамбовывали всю прошедшую ночь. В комнате стоял терпкий запах мужского и женского тел, ничем не уступавший цветочному, приятный запах

мускуса висел в воздухе. Мускус появляется всегда, когда желания мужчины и женщины совпадают, когда они соединяются друг с другом, как мед и масло. Такая страсть исходит из тел только что нашедших друг друга женщины и мужчины приятный запах цветущего клевера. Но если брать в целом, то эти счастливые мгновения похожи на вспышку яркой радуги на небе после дождя, которая так же быстро и гаснет. Может поэтому опьяненные любовью и сами не замечают этого мгновения. Теперешний сон Берты был похож на сон пьяного от любви человека.

Одевшись, Балкан направился к выходу, мысленно разматывая клубок служебных забот. Перед дверью он остановился. Бросив короткий взгляд на Бертю, подумал: “Как же она хорошо спит! Разбудить ее или не стоит?”

Рядом с Бертой лежало ее вчерашнее платье, просторное белое платье, оно было ей немного великовато, как все свадебные платья, которые, тем не менее, кажутся сшитыми по фигуре. Платье лежало скомканным и было похоже на белую пену, выброшенную морской волной на берег.

Он вдруг вспомнил один шуточный рассказ, услышанный недавно от своего сослуживца туркмена, и подумал, что сейчас и сам он похож на того простодушного юношу, над которым потешались все вокруг. Это воспоминание вызвало у него улыбку.

В том рассказе говорилось об одном сельском парне, который после многих лет войны вернулся домой, а следующим утром, после ночи, проведенной с женой, он на полном серьезе стал ее благодарить: “Спасибо, Алтынджемал!” Да, это было уже время, когда воины, как и тот парень - герой юмористического рассказа, страстно

мечтали попасть домой, встретиться со своими любимыми. Балкан потоптался немного у выхода, но потом, велев себе: “А ну давай, коли ты тоже не собираешься говорить спасибо, двигай отсюда!”, - решительно вышел из дома.

В штабе комбат принял рапорт младшего чином дежурного командира, сообщившего, что ночь в основном прошла спокойно. Как доложил дежурный командир, несколько воинов из второй роты провели шумную ночь с фрау-мадамами, веселились с ними, громко смеялись, и это напомнило Балкану, как они стояли под Сталинградом, как разрывали утреннюю тишину доносящиеся с другого берега Волги веселые голоса девушек, проводших ночь с немецкими солдатами. И хотя он их тогда не видел, но по голосам отчетливо представлял, как они бегают по лесу по-двое, по-трое, босые, с непокрытыми головами и в тонких платицах, вертят хвостами перед своими заморскими кобелями.

В голову Балкана вдруг пришла мысль, как эти события похожи между собой, он задумался: “Да, наверно, это и есть тот случай, когда мудрые туркмены говорят: “Сядешь на ту постель, которую сам же и расстелишь”...

Но сейчас здесь не было большинства из тех парней, которые стояли под Сталинградом, которые были готовы в любую минуту ринуться в атаку после приказа “Вперед!”, они полегли в разных уголках своей земли, навсегда ставших теми, кто так и не дошел до Берлина.

Никогда ему в голову не приходила мысль о том, что спустя несколько лет все может повториться с точностью до наоборот, когда на месте немецких воинов будут советские солдаты, а русских женщин им заменят немки.

Ознакомившись с общей обстановкой, Балкан

не стал задерживаться в штабе, взял с собой Астахова, примчавшегося туда следом за ним, и отправился к занятым танками позициям. Танковая часть стояла на окраине города, боевые машины были спрятаны в небольшом лесочке.

Дойдя до позиции, Балкан выслушал рапорт выскочившего ему навстречу старшего лейтенанта второй роты. Это был приземистый, квадратный человек с покрасневшими глазами и желтой кожей. Здесь положение было неплохим. Воины ждали победы. По мнению танкистов, вырванных из боевых действий, Берлин уже должен был пасть на колени, время пришло. Война еще шла, но уже было ясно, что день ее окончания не за горами.

Балкан неторопливо беседовал у костра со знакомыми воинами 1-й роты, которой командовал до того, как стал комбатом. Говорили о том, о сем, и как-то незаметно темой разговора опять стала победа, которая почему-то задерживалась. Старший лейтенант из Воронежа, бывший воронежский тракторист Евгений Новичихин, считавшийся самым старым солдатом батальона, почесывая только что тщательно выбритую щеку и всем своим видом показывая, что хочет что-то сказать, посмотрел на комбата:

- Товарищ комбат, что-то слишком тяжелой на подъем оказалась победа, о которой так много говорится. Парни генерала Чуйкова до сих пор месят грязь в предместьях Берлина, они, словно вхолостую работающие колеса машины, никак не могут сдвинуться с места!

- Всеу свое время. Потерпите немного!- успокаивающим тоном произнес Балкан, хотя и сам был того же мнения, что и эти воины. Поэтому в голосе его прозвучали тревожные нотки, беспокойство о том, что победа все никак не дается.

- А может, им нужна наша, танкистов, помощь?- включился в разговор и Саша Лисняк, который до сих пор стоял, прислонившись к дереву и молчал, скрестив руки на груди. Как у всех школьных учителей, его вопрошающие глаза излучали доброту.

- Если будет надо, позовут,- коротко ответил ему Балкан, а потом добавил: - Ай, вряд ли мы теперь там очень-то и нужны будем,- тем самым дав понять, что верит в недалекую победу.

* * *

Несмотря на то, что они всю ночь провели в одной постели, вволю натешились любовными играми, говорили друг другу нежные слова, Балкан думал, что это свидание было случайной встречей мужчины и женщины, каких много было на дорогах войны. Так, у костра нечаянно встречаются незнакомые люди, посидев немного вместе и согревшись, они расходятся в разные стороны. У Балкана и в мыслях не было, что он может в скором времени снова увидеться с Бертой.

Однако очень скоро он понял, что ошибается, потому что мысли о Берте не шли у него из головы. Мысленно он представлял девушку в самых разных позах. Вот она сидит на постели, укутавшись легким пледом, подвинулась к самой стене. То он представлял ее в свадебном наряде и про себя отмечал, как он ей к лицу.

Ему хотелось увидеть Берту снова. Странно, но прежде он никогда не испытывал таких чувств. “Ба, неужели же я встретил свою суженую?”- невольно подумалось ему.

На следующий день, вернувшись в штаб поздно вечером, Балкан узнал, что после обеда дважды приходила девушка и спрашивала его, выясняла, когда он вернется, но

конкретного ответа на свой вопрос не получила и ушла. По описанию ребят Балкан понял, что это была Берта.

Однажды вечером Балкан сидел у себя дома и готовился к ужину. Он отправил ординарца на кухню, и именно в это время к нему зашел один из участников той вечеринки Астахов. На краю стола были выстроены в ряд бутылки с красным вином, так полюбившимся ему здесь.

После того, как они по-военному поприветствовали друг друга, Астахов, улыбаясь, обратился к Балкану:

- Товарищ комбат, вас ждут!

- Кто?

- Праздник продолжается. В том же месте...

- А Берта тоже там?

- Все там, в том же составе встречаемся.

Сообщение о Берте обрадовало Балкана, ведь он и без того думал: "Если Берта и завтра придет в штаб и спросит меня..."

Балкан последовал за Астаховым, на ходу снимая висевшую за дверью фуражку и поправляя полы вылезшей из-под ремня гимнастерки, ему навстречу шел круглоголовый ординарец, держа в каждой руке по котелку с едой. Увидев уходящего командира и подумав, что вот опять ему не удастся поесть горячего, он нахмурился.

- Знаю, опять у вас срочные дела.

- Ты сядь и поешь сам!

- Товарищ комбат, кашу надо есть горячей, остывшая она уже не такая вкусная...

Балкан видел, как искренен его ординарец, понял, что тот переживает за него, и был благодарен ему за это.

- Ничего, чтобы вкус еды не пропал, ты съешь и мою долю,- ласково сказал он ему.

- Как вы думаете, товарищ комбат, легко ли будет мне, солдату, поужинать за двоих? Но что делать, хоть это и нелегко, придется подчиниться приказу командира,- держа в руках котелки, пробормотал он вслед уходящему Балкану.

Когда пришли Балкан и капитан Астахов, вместе с девушками уже находился капитан - командир первой роты, они ждали их, чтобы в том же составе повторить ту вечеринку и получить такое же удовольствие.

На всех трех женщинах были те же свадебные платья.

Увидев Балкана, Берта широко улыбнулась, понравившемуся ей парню, вскочила с места, потом, придерживая подол платья, чтобы не запутаться в нем, пошла ему навстречу. В ее лучистых глазах отразилась вся гамма чувств, которые переживала девушка.

- Мой комбат!

- Так точно, он.

Девушка протянула Балкану свои нежные женские руки. Затем, опустив голову, заговорила с упреком в голосе:

- Комбат, я не понравилась тебе?

Балкан сразу же понял, почему ему задан такой вопрос, девушка была обижена, что он так долго не показывался у нее.

Вместо ответа он с удовольствием подхватил девушку на руки и крепко поцеловал ее.

* * *

С этого дня Балкан большую часть ночей проводил с Бертой, они и сами не заметили, как в считанные дни стали близкими друг другу людьми. Правда, поначалу никто и не думал, что так получится. По общему мнению, это была банальная встреча мужчины и женщины, давно не имевших

контактов с противоположным полом, людей, которые встречаются лишь затем, чтобы вместе приятно провести время.

Непонятная все-таки это штука - жизнь. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Казалось бы, разве могут сблизиться люди, еще вчера считавшиеся врагами? О какой близости может идти речь, если по вине этого заклятого врага потеряны твои близкие, а в душе у тебя саднит незаживающая рана? Но для любви не существует никаких преград, она поднимает человека над всеми его несчастьями и открывает в его жизни новую страницу.

Берта жила в добротном доме, оставшемся от деда, вместе со своей теткой Меланией, сестрой матери, дом был благоустроен, в нем имелись все условия для комфортной жизни человека. Дом, выстроенный для большой семьи, сейчас, когда в нем отсутствовало большинство членов семьи, выглядел слишком просторным и безлюдным. Но кроме того, простор дому придавала обстановка, расположенная с немецкой аккуратностью. Советские войска, вступившие на землю Германии и увидевшие здешний порядок, желали иметь его и у себя. Об аккуратности немцев невольно высказался и ординарец комбата Кириченко, всегда находившийся рядом со своим командиром и в любую минуту готовый выполнять его приказы, человек немногословный, открывающий рот только по необходимости:

- Удивительно, что народ, способный навести такой порядок в своей стране и доме, мог на кого-то пойти войной...
- Эти слова тогда пришлось по душе всем, кто уже здесь увидел немцев и столкнулся с их характером и пресловутой немецкой аккуратностью.

Хозяйке дома, старой Мелании, поначалу не понравилось, когда Берта пришла в дом под руку с Балканом. Нахмурившись, она делала вид, что что-то ищет в пустых комнатах, а сама тихонько ворчала себе под нос, но очень скоро, как многое повидавшая на своем веку женщина, все правильно поняла. Она поняла, что Балкан, к которому так по-женски привязана Берта, несмотря на то, что является человеком враждебной стороны, не станет мстить им, не сделает ничего плохого.

И потом, здесь не было ничего непонятного, до полного падения Берлина оставались считанные дни. Гитлер, понимая, что не сегодня-завтра советские воины нагрянут в его бункер и, накинув на его шею петлю, потащат к Сталину, метался словно в огненной рубаше, не зная, где спрятаться.

* * *

Штаб Балкана размещался неподалеку от дома Берты в центре города, рядом с костелом, крышу которого венчали две взметнувшиеся в небо тонкие иглы шпилей. Торжественный вид костела, красотой своей отличающегося от всех остальных зданий и видного из разных концов города, никак не соответствовал стоящей в городе пасмурной погоде. Создавалось впечатление, что этот католический храм, словно забыв о том, что является божьим домом, готов под завыванье ветра закружиться в танце.

Советские воины выбрали это высокое место потому, что отсюда хорошо просматривались все окрестности.

Как только у Балкана появлялась свободная минутка, он хоть ненадолго, да забегал к Берте, чтобы повидать ее. Особенно он любил ужинать в ее доме.

Ординарец Кириченко каждый день приносил сюда

кашу - “ужин комбата”, помимо этого он время от времени приносил в оттопыренных карманах шинели консервы и пару буханок хлеба. Эти продукты были большим подспорьем для Бертиной семьи.

Самих американских солдат здесь не было, но сюда уже начали поступать от них консервы. Ординарец, каждый раз принося с собой несколько банок, затем по одной, будто пересчитывая, выставлял их на стол, старательно разглядывал этикетки, вслух читал надписи на них. А американские и английские солдаты, о которых говорили, что они уже на подходе, все никак не объявлялись. Да они и потом так и не появились.

Теперь и в самом городке был перекинут шаткий мостик солидарности между местным населением и советскими воинами. Многие из жителей городка поверили, что, если не пытаться застать советских солдат врасплох и не нападать на них, если их слушаться и жить спокойно, они не станут никого трогать, не будут мстить.

Все больше немецких женщин с удовольствием принимали участие в устраиваемых советскими солдатами шумных вечеринках с музыкой и песнями.

Несмотря на то, что тяжелые танки все еще утюжили немецкую землю, сюда во всей своей красе пришла ее полноправная хозяйка весна. Согретые теплыми лучами солнца, с новой силой ожили травы и цветы, зазеленели деревья, в воздухе стоял терпкий запах весеннего разнотравья. Озорная весна нашептывала на ушко молодым женщинам что-то очень интимное, волнующее. И то ли потому, что она убеждала их в том, что они стали еще красивее, а мужчины достойнее, то ли заставляла поверить, что теперь им

никакие преграды не страшны, а может, оттого, что вокруг распустилось очень много пахучих цветов, но только все сейчас не могли думать ни о чем другом, кроме любви.

Это была пора, когда на немецкой земле мягкая русская речь звучала вперемешку с немецкими словами. Согретые дыханием весны два этих языка соединялись и звучали как-то особенно приятно. Да и сама одурманенная весенним теплом земля напоминала то гигантский дымящийся котел, под которым тлеют головешки, то беременную женщину, страстно желающую родить сына, похожего на ее возлюбленного. Немцы называли эту пору “порой, когда залежавшийся в углу плут мечтает выйти в поле и пахать землю”.

* * *

Когда из штаба армии поступил приказ “явиться завтра к десяти утра со своим замполитом!”, Балкан подумал, что до командира полка дошел слух о том, что “комбат вместе с несколькими подчиненными ему командирами запутался в женских юбках”, и теперь он вызывает их для разборок. Балкан пытался представить, какими словами выразит свое недовольство командир полка. Может, он будет говорить о том, что миллионы солдат так и не дожили до победы, о которой мечтали днем и ночью, а им вот выпало такое счастье. Потом он вспомнил, что полковник Стрелков лично к нему относится неплохо, всегда оказывает ему большое доверие, когда говорит солдатам: “Если меня тяжело ранят в бою или если я буду убит, запомните, командование полком в ту же минуту, в тот же миг возьмет на себя командир первого батальона Балкан”.

Легковая машина с открытым верхом стремительно неслась мимо деревушек, сквозь лесные чащи, мимо стоящих в укрытии танковых соединений, она словно не ехала, а плыла. Теперь все полностью распустившиеся фруктовые деревья напоминали невест в белых свадебных нарядах. Нежные запахи весеннего воздуха будоражили воображение, казалось, что тысячи букетов приготовлены для встречи советских солдат-победителей.

Командир полка встретил Балкана и Астахова намного приветливее, чем они думали. Пожимая руки обоим парням, он с доселе скрываемым от окружающих простодушием расспрашивал их о делах. Сейчас командир полка, голова которого уже давно была посыпана серебром, не был прежним требовательным и строгим командиром, который мог и голос повысить на своих подчиненных, скорее он напоминал доброго деда, переживавшего приятные чувства от ожидания скорого возвращения домой сына с невесткой и внуками.

Как и было приказано, к десяти часам прибыли все вызванные командиром полка батальонные командиры со своими замполитами.

Собрав прибывших, командир полка объявил, что с ними хочет встретиться комдив. Не успел он закончить фразу, как появился и сам генерал. Увидев его, кто-то с улицы дал команду:

- Полк, равняйся, смирно!

После этого командир полка и сидевшие возле него два его заместителя с легкостью вскочили с мест и поспешили на выход, чтобы встретить генерала.

Генерал был не один, вслед за ним в помещение вошли четыре его заместителя, а также три командира танковых

полков, приписанных к дивизии. Все высшие чины, похоже, собрались здесь для обсуждения важного вопроса. Судя по погонам собравшихся, Балкан стал ждать нового приказа: “А ну, ребята, повернем танки обратно, иначе без нас Берлин так просто не сдастся!”. Потому что танкистам, с нетерпением ожидавшим уже такую близкую победу, все время казалось, что, если бы они были там, Берлин уже давно встал бы на колени. Они считали, что пришло время, когда этот город надо брать не артиллерийскими залпами, а танками. В душе каждого из них теплилась слабая надежда: “Неужели нас повернут назад, и мы заново начнем боевые действия?”.

Генералу Харченко было за шестьдесят, это был загорелый, седой, кареглазый человек, вынесший на своих широких плечах все тяготы войны.

Войдя в комнату, он поздоровался, со всеми, а затем, словно ему этого показалось мало, пошел вдоль строя, за руку здороваясь с каждым по отдельности, тем самым как бы подчеркивая, как он гордится всеми ими.

Все подумали, что, наверно, их командира переводят в другую часть и это его посещение является прощальным. Сейчас генерал совсем не был похож на их прежнего командира, отдававшего решительные приказы: “Ехать туда, захватить такие-то позиции!”

Потом он сел за стол и неожиданно с силой ударил по нему рукой, сжатой в кулак.

- Ребята... Наконец-то враг получил по заслугам...- голос его сорвался и он не смог договорить, нижняя губа задрожала, он всхлипнул...

Собравшиеся не сразу поняли, что хотел сказать генерал, им подумалось, что случилась какая-то беда, несчастье с маршалом Жуковым или даже со Сталиным.

Генерал сделал несколько глотков из протянутого ему стакана с водой, после чего быстро взял себя в руки.

- Ребята, простите, слишком чувствительным стало стариковское сердце. Я хочу сделать для вас одно сообщение, правда, о нем пока нельзя распространяться, но и не сказать я не могу. Вы должны это знать. Только не поддавайтесь эмоциям! Два дня тому назад Берлин пал полностью... Вчера я специально съездил туда и увидел это своими глазами. Наш красный флаг развевается и над Берлином, и над Бранденбургом... Ожидается, что в ближайшие дни Москва известит мир о нашей победе.

Радость накрыла собравшихся горячей волной. Все повскакивали с мест и стали крепко обнимать друг друга.

Балкан понял, что генерал потому расстроился, что двум его сыновьям не довелось дожить до победы. Об этом знали многие. Старшего сына генерал потерял год назад при освобождении Смоленска. А другой его сын, на которого особые надежды возлагал генерал танковых войск Рыбалко, был командиром одной из рот непосредственно ему подчиненных танковых полков, он пал смертью храбрых всего три-четыре месяца назад во время наступления на Кенигсберг. Тогда говорили о том, что генерал Рыбалко направил в Москву представление о посмертном награждении его высшей правительственной наградой.

Балкан хорошо помнит похожего на отца круглого усатого парнишку. Всего два-три месяца назад он вместе с Балканом получал из рук генерала Рыбалко орден Боевого Красного Знамени. Генерал тогда сказал: "Владимир Васильевич Харченко воспитал хорошего сына", напомнив, чьим сыном тот является.

Разделив свою радость с этими парнями, генерал

немного успокоился, однако он видел, какие страсти кипят в душах этих воинов, они были взволнованы, у некоторых на глазах стояли слезы. Было видно, что больше всего им сейчас хочется выскочить на улицу, кидать в небо шапки, обниматься и целоваться, поздравлять друг друга с долгожданной победой, которую они с таким нетерпением ожидали. Но только что генерал предупредил их, что, пока не будет официального сообщения, нельзя распространять эту радостную весть среди воинов.

На несколько секунд генерал задержал свой взгляд на сидящем прямо напротив него Балкане.

- Сынок, ты из каких краев будешь?

Балкан вскочил с места.

- Я из Туркменистана, товарищ генерал.

- Садись, сынок!

Затем он повернулся в сторону сидящего в одном ряду с ним круглолицего, с густым ёжиком волос на голове командира полка подполковника Турдыева, кивнул ему головой, говоря: "Тебя я тоже знаю", после чего вернулся к своей прежней мысли:

- Да, мы вместе со всем советским народом победили фашистов. А ведь это был сильный враг, которого одним-двумя народами было не одолеть. Победить его без Кавказа, Средней Азии, Сибири было бы невозможно. А сколько утрат понес сам немецкий народ! Народ как мать, если у нее достойные дети, она гордится ими, когда же дети бесноваты, они приносят одни несчастья.

Помню строки, вычитанные в одной мудрой книге: "Не задевай, а коль заденешь, будешь сам задет!". Думаю, что Гитлер читать-то читал эту книгу, но если бы он был способен внимать мудрым советам, разве стал бы он Гитлером?

Когда машина ехала обратно той же дорогой, что и утром, капитан Астахов сказал, что если он с кем-нибудь не поделится этой радостной новостью, она разорвет его.

Состояние самого Балкана было ничуть не лучше, чем у Астахова. Он тоже вспоминал одну древнюю легенду, в которой рассказывалось о том, как трудно хранить тайны. Увидев, что у Искандера Зулькарнайна растут рога, человек очень мучался, пытаясь сохранить эту страшную тайну. В конце концов он спустился в колодец и там, где его никто не мог услышать, прокричал в дудку: “Эй, люди, Зулькарнайн рогат!” и только так освободился от мучавшего его груза.

По пути друзья сделали остановку, на ходу перекусили, а потом всю остальную дорогу горланили песни. Астахов пел песни на русском, украинском языках, а Балкан распевал те туркменские песни, которые были ему известны. Они и сами не заметили, что стали похожими на того парня, который колодцу поведал большую тайну.

* * *

Танкисты дольше положенного простояли на месте своей нынешней дислокации. Хотя Берлин уже давно взят, а украшенные цветами нарядные победные составы вернулись домой. Вскоре после празднования Победы среди воинов распространился слух: “Нас теперь отправят освобождать Китай, в Японию пошлют”. Однако эти разговоры так и повисли в воздухе. Воины полностью выполнили поставленное перед ними здесь задание, и не осталось силы, которая бы могла ворваться в Берлин впереди советских войск и отнять у них победу, завоеванную Советским Союзом. Теперь и союзники - американцы и англичане, подбрасывая шапки в небо, встречались с советскими

воинами на Эльбе да на Одере, обнимались и вместе с ними радовались Великой Победе. Поэтому воины считали, что им здесь больше нечего делать, и задумывались над тем, как бы вернуться на Родину, домой.

Но были среди воинов и те, которые привыкли к здешней мирной жизни, с каждым днем становящейся все лучше и лучше, и которым не очень-то и хотелось трогаться с места. Да и местное население привыкло к своей жизни рядом с советскими воинами. Страх и ненависть первых дней постепенно сменились доверием, спокойствием, дружбой. Некоторые из жителей и вовсе хотели бы, чтобы советские танкисты навсегда остались в городке, чтобы их всегда окружали красивые и дружелюбные парни.

В их числе была и Берта, она любила Балкана той страстной женской любовью, которая с каждым днем становилась сильнее и все больше сближала их. Когда он был рядом, она радовалась его присутствию, когда же он отсутствовал, скучала по нему, беспокоилась и с нетерпением ждала его прихода. Появление Балкана вызывало у нее неподдельную радость, она радовалась так, как могут радоваться только дети, получившие свою любимую игрушку.

Внешне близость Балкана и Берты походила на ставшие здесь привычными отношения воинов с фрау-фройляйнками, но вместе с тем она отличалась все возрастающим взаимоприятием обеих сторон, постоянством чувств.

Воины батальона воспринимали Берту невестой Балкана, поэтому поставили на довольствие и дом, в котором они жили. За это семья, познавшая голод и лишения военных лет, была очень благодарна Балкану. С тех пор, как

к ним стал поступать командирский паек, благосостояние семьи значительно улучшилось. Старухи были искренне признательны Балкану, который сошелся с их племянницей и внучкой, теперь они, как это было прежде, не были напряжены, словно натянутая тетива лука, напротив, улыбались ему как близкому родственнику и всячески привечали.

Балкан никогда не приходил в строго определенное время, поэтому ему выдали один из ключей от наружной двери, чтобы он мог приходить и уходить в любое время. Если он задерживался, то открывал дверь своим ключом и сразу же проходил в отведенную им комнату. И некоторое время оттуда доносились негромкие голоса сонной Берты, снимающего верхнюю одежду Балкана. Они говорили полусшепотом, чтобы не разбудить домашних.

- Ты еще не спишь?
- Когда тебя нет рядом, я не могу уснуть.
- Гмм... Ну так вот он я...
- Вот и займи свое место рядом со мной!
- Сейчас, если потерпишь немного, я буду.
- Ты, наверно, голоден?
- Я у ребят поужинал.
- На кухне тебе оставлена еда.
- Аппетита нет...

Как только начинал доноситься шепот молодых, полный любви и нежности, одна из двух живущих в соседней комнате старух вставала и тихо закрывала дверь, оставленную приоткрытой, чтобы слышать, когда придет зять. Последний шепот сладких объятий они оставляли самым молодым.

* * *

Немецкие деревья, встретившие советских солдат буйным цветением по весне, теперь начали приносить плоды, превратившиеся в яблоки, инжир и щедро одаривавшие ими окружающих. В жизни танкистов как будто никаких особенных изменений не было, однако незаметно для глаз, но все же какие-то перемены, то крупные, то мелкие, происходили постоянно. Самым заметным событием тех дней стало то, что младший сержант Фейферов был удостоен чести принять участие в торжественном параде Победы в Москве.

На этот раз крупно повезло парню, который был немного выше многих танкистов, которых обычно подбирали невысокими по росту. К тому же он был неуклюж и вечно ударялся обо что-то, когда садился или вылезал из танка. О нем говорили: иногда и высокий рост может сослужить танкисту добрую службу. Рост Фейферова отвечал всем требованиям, необходимым для участия в параде, помимо этого он был одним из немногих танкистов, на груди которых красовался орден “Славы”.

Радуюсь тому, что война для него полностью закончилась, он стал собираться в дорогу. Сев в специально за ним присланную машину, он с любовью посмотрел на своих командиров, боевых товарищей, с которыми плечом к плечу прошел всю войну.

- Братья-танкисты, будьте спокойны. И вместо вас, и вместо наших танков, помня обо всех вас, я достойно пройду по Красной площади!- торжественно прощался Фейферов с друзьями, которые были тронуты его словами до слез.

Однажды капитан Астахов показал на плюгавого капитана-особиста, который все время вертелся рядом, что-

то постоянно вынюхивая: “Что-то “контра” в последнее время слишком часто стал появляться здесь, что он выискивает?” Спустя какое-то время после этого Астахова неожиданно перевели из батальона в штаб полка, расположенный в соседнем городе.

Астахов в один из своих приездов в городок, куда он наведася, чтобы повидаться с Луизой, сообщил своему другу Балкану, что в своем переводе винит “контру”: “Смотри, будь с ним поаккуратней!” - советовал он. Вспомнил, как почти год назад тот преследовал ребят, выискивая среди них сомневающих в своих силах, тех, кто считал, что немецкие солдаты лучше вооружены и лучше воюют. Так вот, тогда ребята даже задумали расправиться с ним и свалить все на “шальную немецкую пулю”, которая якобы достала его.

Во время войны такие случаи, когда воины, которых незаслуженно преследовали, брали под сомнение их подлинные боевые заслуги, именно так и расправлялись с чересчур рьяными особистами, были нередки.

В тот раз Астахов, почувствовав, что парни уже начали готовиться к уничтожению “контры”, решил не допустить самосуда. Он тогда по-одному отводил парней в сторонку и за сигаретой объяснял им, что этого делать нельзя. Как политик он умел по-дружески внушать ребятам, находить нужные для них слова.

Зато сегодня он очень сожалел о том, что тогда не позволил своим парням расправиться с неудобным особистом, потому что видел, что его добро против него же обернулось злом, а сделай он тогда вид, что ничего не замечает, обиженные ребята быстренько разделались бы с неудобным особистом, и тогда оставалось бы только отправить домой “контре” похоронку: “Ваш сын пал смертью храбрых в сражении с врагом”.

* * *

Третий из батальонных капитанов, командир роты Гладышев после первой неудачной любви теперь встречался с пухленькой голубоглазой немкой, которая, казалось, одна не знала нужды, вдоволь ела и жила беззаботно. Каждый раз, встречаясь с Бертой, эта женщина сердечно здоровалась с ней, расспрашивала о делах, они обе с удовольствием делились своими женскими заботами. Улыбчивые и радостные, они временами оборачивались и смотрели в ту сторону, где курили их капитаны, по всему было видно, что они гордятся ими и что они довольны своей жизнью.

Когда Балкан увидел Гладышева с этой толстушкой, он шутя спросил его: “Где ты отыскал такую упитанную кобылку?”. Капитан тогда подумал, что комбат не просто подтрунивает над ним, а намекает ему: “Две женщины, с которыми ты встречался раньше, по крайней мере были красивее твоей толстушки, уж не променял ли ты шило на мыло?”

Толстушка появилась рядом с Гладышевым пару месяцев назад, после того, как он был ранен в двусторонней перестрелке с немецкими дезертирами на мосту через Эльбу. Вначале Гладышева вместе с другими ранеными направили в госпиталь соседнего города, но не прошло и недели, как он, не долечившись до конца, вернулся в часть, и теперь получал лечение здесь, а ухаживала за ним пухленькая дама, всем сердцем привязавшаяся к советскому капитану. Капитану тогда очень сильно хотелось ответить своему комбату в его же духе: “Товарищ комбат, если послушаете меня, то я бы и вам советовал обзавестись такой пампушкой, по крайней мере спать мягко, никакой перины не надо, а потом, посмотришь на нее и настоящую женщину в ней видишь!”

Но что-то помешало ему, он вдруг вспомнил о чем-то другом, улыбнулся и перевел стрелки на Балкана:

- Товарищ комбат, мне кажется, что в этом вопросе мы с вами примерно в одном положении находимся. Я, может, и похож на рыбу, попавшую в сети толстушки, зато вы по-настоящему запутались в полах свадебного платья фройляйн Берты!

Балкан тогда согласился с Гладышевым:

- Да, Берта все больше привыкает к роли моей женщины...

- Тем более теперь, когда фройляйн Берта приготовила вам такой замечательный подарок...

К ним торопливым шагом подошел гонец и передал какое-то срочное сообщение, не дал закончить их приятную беседу.

Поговорив по телефону с командиром полка, Балкан мысленно вернулся к неоконченному разговору. Когда Гладышев сказал: “Фройляйн Берта приготовила вам замечательный подарок”, первой его мыслью было: “Что за подарок?” Но потом он как-то сразу увязал между собой пару разговоров, которым поначалу не придавал особого значения. Где-то с месяц назад Берта как бы между прочим произнесла: “Теперь мы вдвоем ждем тебя” и счастливо улыбнулась.

Балкан тогда подумал, что Берта радуется тому, что старухи, поначалу так неприветливо встретившие его, теперь относятся к нему как к родному.

Тогда и счастливую улыбку Берты Балкан не смог отличить от тех радостных улыбок, с которыми женщина встречала его каждый раз.

А еще раз, вернувшись домой, он увидел, как Берта, ссорясь со своими старухами в их комнате, чуть не плача

выкрикнула: “Я все равно поступлю так, как считаю нужным!” - и вышла от них расстроенная.

Слова Гладышева встряхнули Балкана, привели его в чувство. Сопоставив события, он понял, о чем речь, и вдруг на душе у него стало так хорошо, счастье захлестнуло его с головой. Он понял, что Берта повздорила со своими бабками из-за того, что надумала рожать, вспомнил, как плохо спала она в ту ночь.

- Что с тобой?

- Да нет, ничего.

- Тогда успокойся!

- Уже успокоилась. Но я все равно сделаю то, что решила, я этого хочу!

- Чего ты хочешь?

- Тебя,- сказала Берта, не желая раскрывать, из-за чего произошел весь этот сыр-бор с тетками и вместо ответа обняла Балкана.

Вспомнив слова Берты “Теперь мы ждем тебя вдвоем”, Балкан понял, что из-за своей невнимательности лишил себя такой радости, и выругался: “Вот уж точно, туркмен, не ткнешь, не почувствует, болван, вот кто я...” Вместо того, чтобы крепко прижать к себе женщину, сообщившую ему радостную весть, он повел себя как самый настоящий бесчувственный чурбан.

Ординарец, пришедший с каким-то делом, увидел своего командира радостным, видел, как глаза его искрились от счастья.

* * *

Однажды, придя к Берте, Балкан застал ее взволнованной, когда же он спросил, что случилось, Берта,

волнуясь, сообщила, что недавно приходил незнакомый офицер, разговаривал вначале с ней, а потом с тетками, задавал очень много вопросов. По описанию, Балкан сразу же понял, что этим незнакомым офицером был тот самый “контра”, который вечно что-то вынюхивал, искал какие-то промахи в поведении воинов и их командиров. Про себя он подумал: “Теперь этот негодяй за меня взялся...” И понял, что Астахов, переведенный в другую часть, не зря негодовал, что он был прав, когда говорил: “Смотри, будь осторожен с этим подлецом, эти люди, если у них получается, обязательно приносят другим зло...”

Оставшись наедине с Балканом, Берта с недовольным видом вспоминала некоторые из вопросов, которые задавал ей “контра”.

- Выходит, вы с первого взгляда влюбились в советского офицера? - с глумливой усмешкой на лице спросил он.

- А разве мало таких случаев, когда люди влюбляются с первого взгляда?

- Бывает, хотя и не часто... но что-то не убеждает, что такая любовь могла вспыхнуть между советским офицером и немецкой девушкой. - Эти его слова можно было расценить однозначно: разве между двумя враждующими сторонами могут возникнуть какие-то человеческие чувства?

- Значит, над вами не было никакого давления? А то ведь бывает и такая “любовь”, которая рождается от приставленного к груди штыка...

- Никто меня ни к чему не принуждал...

- Тогда вам придется изложить мне это письменно.

- Считаю, что нет никакой необходимости давать вам письменные объяснения. Если надо подтвердить, пригласите меня, я здесь.

- Выходит, вы, немецкая девушка, рады, что оказываете женские услуги советскому офицеру...

- Иначе я и не могу представить счастье... И потом, за пять лет, что шла война, разве на советской земле было мало случаев, когда русские девушки находили свое счастье с немецкими парнями?

- Вообще-то говорят, что любовь с первого взгляда не всегда бывает счастливой, чаще всего она обманчивой оказывается.

- А это мы еще посмотрим...

Видя, как расстроился Балкан от услышанного, как задумчив стал, Берта пожалела, что сразу же выложила ему все, надо было сказать потом, перед самым его уходом. Потом она крепко обвила руками его шею, прижалась к груди: "Пусть спрашивают, кто бы ни спросил у меня, ответ будет один и тот же, я полюбила тебя сразу же, как только увидела, а вот и доказательство этого..." - она взяла руку Балкана и положила ее на свой заметно округлившийся живот. Ей очень хотелось разогнать тучи над головой любимого, превратить его в прежнего - веселого, опьяненного страстной любовью парня.

На следующий день, обходя свою часть, Балкан повстречал того особиста, перекинулся с ним парой слов:

- Товарищ капитан, вынюхиваем что-то?

- Работа у нас такая. - Видя, что комбат несколько недоволен его ответом, он хитро улыбнулся, как бы говоря: "Вот этим я и занимаюсь..."

Не прошло и недели после посещения Берты особистом, командир полка после одного совещания со своими командирами задержал Балкана у себя: "Командир первого батальона, задержись ненадолго!". Когда все вышли

из кабинета, и они остались вдвоем, он, нахмутив брови, обратился к Балкану.

- Товарищ комбат, вам не кажется, что вы слишком весело проводите время?

- Но ведь это настроение победившей армии, товарищ полковник.

- Верно,- упоминание победы вызвало в душе у полковника приятные чувства, он продолжил с несколько озабоченным видом. - По сведениям, поступившим ко мне, твои ребята, похоже, потеряли головы от любви. И на танках сверкают голые ляжки этих самых фройляйн. Смотрю я, городок, который ты занял, битком набит женщинами, истосковавшимися по мужской ласке.

- Но они ведь люди, товарищ полковник.

- Хочешь сказать, такие же, как мы? - перебил его командир, соглашаясь с его мнением.

Прощаясь, полковник просил его помнить о том, что это вдохновение может быть вызвано победой, что следует поддерживать прежний порядок и дисциплину, как и прежде, быть готовыми выполнить любой приказ... Он также напомнил о том, что такую любовь, как у них с Бертой, сегодня можно увидеть сплошь и рядом, что среди них есть и справившие свадьбу, это уж как судьба распорядится, но как бы там ни было, не надо забывать о том, что вы являетесь советскими офицерами, значит, надо быть достойными этого звания, стараться избегать лишней шумихи и ненужных разговоров, по-отечески ласково советовал полковник.

Когда же стало известно, что Берта ждет ребенка от советского офицера, многие восприняли это событие неоднозначно. Первой прибыла делегация из трех офицеров, направленных командиром дивизии. Они провели с Бертой

и ее тетками беседу, пытаясь выведать у них, не было ли по отношению к женщинам насилия. Несколько раз посещали их представители общества “Красного полумесяца”. В их группу входили американцы, англичане, немцы и двое русских.

Но и они на свои вопросы получали от Берты и ее близких все тот же ответ о естественных чувствах мужчины и женщины.

Когда представители “Красного полумесяца” стали прощаться, американский офицер, сидевший за столом, закинув нога на ногу и не принимавший участия в беседе, делавший вид, что слушает других, на самом же деле думавший о чем-то своем, встал с места и подошел к Балкану. Дружески похлопал его по плечу и уважительно пожал ему руку:

- Товарищ капитан, мы солдаты, и если на то пошло, солдаты Победы. - Эти слова он произнес с гордостью, как бы призывая окружающих: “И вы тоже знайте это!” - Честно говоря, я завидую тебе. Ты любим. Не знаю, что им всем надо от вас?.. Радоваться надо. Восхищаться... А скоро и ребенок появится на свет. Да что может быть лучше этого? Разве не ради такого счастья мы воевали?

Американский офицер сердечно попрощался с Балканом. А затем озорно пригласил его в гости: “... По ту сторону Эльбы тоже много прекрасных девушек, приезжай, познакомлю!” После этого Балкан поверил: пока этот американский офицер будет в их числе, общество “Красного полумесяца” не пойдет против них, не причинит им зла.

Это было время, когда советско-американские отношения носили особенно дружественный характер.

Не так давно на Эльбе состоялась историческая

встреча американских и советских воинов. Первыми встретились прибывший со стороны Нормандии офицер американской армии Робертсон и с этой стороны офицер советской армии Селивашко, они поздравили друг друга с победой. И теперь всюду разошлась фотография, на которой они радостно обнимаются.

После посещения авторитетной комиссии из общества “Красного полумесяца” Балкан думал, что теперь-то он избавился от головной боли, однако беспокойные дни оказались не за горами. Вскоре по этому вопросу его вызвал командир дивизии.

Балкан увидел, что из взволнованного человека, с пафосом поздравлявшего их с Победой, генерал вновь превратился в прежнего спокойно-решительного командира.

Увидев непроницаемое лицо генерала, чем-то напоминающее бесстрастное изваяние, Балкан подумал, что его ожидает нелегкий разговор, и стал переживать.

Больше всего он опасался, что генерал, не разобравшись до конца, решит вопрос по-военному четко, в приказном порядке. А если вопрос будет решен так, как он предполагает, вполне возможно, что и его, как его друга Астахова, переведут в другую часть и потребуют, чтобы его больше никогда не видели рядом с немецкой девушкой. Но война закончилась, наступил мир, а вместе с ним жизнь начала меняться в лучшую сторону, теперь люди мечтали просто об обычной, нормальной человеческой жизни.

Подписав лежавшие перед ним срочные бумаги, генерал сунул их в руки стоявшему тут же старшему лейтенанту, после чего повернулся в сторону Балкана.

Как только он произнес слово “сынок”, его доселе

непроницаемое лицо пришло в движение, просветлело, будто из-за туч неожиданно выглянуло солнышко. Только после этого у Балкана появилась надежда, что разговор не будет неприятным. Он с надеждой посмотрел на генерала.

- Похоже, твои отношения с этой немецкой девушкой затянулись!.. Для тебя это серьезно или как, товарищ капитан?

- Серьезно, товарищ генерал!

- Это хорошо, если серьезно. Тогда у меня к тебе других вопросов не будет. А если бы и были, они становятся неуместными там, где правит любовь... Но тебе, дорогой, теперь нужно кое-что сделать.

- Я готов, товарищ генерал.

- Свадьбу надо сыграть, свадьбу, дорогой.

Поскольку сам генерал поддерживал их, то вопрос о свадьбе Балкана был решен очень быстро. Больше всего этому радовались бабушка и тетя Берты, мечтавшие о том, чтобы они наконец-то соединили свои судьбы и были счастливы, а сами бы они избавились от ненужных расспросов, которые в последнее время лишили покоя как Бертю, опасавшуюся, что ее разлучат с любимым, так и их самих.

В день свадьбы на Берте было все то же похожее на белую пену платье, в котором она была при первой встрече с Балканом, тогда оно ей было великовато, но сейчас, когда она немного поправилась и округлилась, оно было ей в самую пору - свадебное платье с длинным шлейфом.

Теперь, выходя с Балканом на танец, она вела себя степенно, двигалась медленно, помня о третьем, который был между ними, с гордостью упиралась выпирающим животом в Балкана и любяще улыбалась, она танцевала, веря, что стала самой счастливой женщиной на свете.

Через два-три месяца после свадьбы Балкана перевели на новое место службы - в местечко Карл-Хос в предместье Берлина, где были сосредоточены советские войска, которым надлежало остаться в Германии. Здесь через три-четыре месяца у Балкана и Берты родился первенец. Поскольку его мама была девушкой с Эльбы, а отец советским воином, ушедшим с Эльбы, мальчика назвали Эльманом. Радость не приходит одна. В мае 1946 года, в первую годовщину Великой Победы, срок службы Балкана подошел к концу и он был уволен в запас.

ТЮЛЕНЬ

В последнее время старый Балкан не очень-то любил выходить в открытое море, уходить далеко от берега. Честно говоря, ему и сегодня не хотелось ни свет ни заря выходить из дому и трогаться в путь, но что же делать, надо же найти тюленя, а потом, как овцу, на аркане притащить его домой и визжащего зарезать, как велела целительница - казашка, скормить сырую, еще теплую, с неостывшей кровью тюленью печень Умман мама. Если он этого не сделает, потом, случись что с женой, век себе этого не простит: "Вот если бы я это сделал, может, и старуха моя была бы жива. Возможно, печень тюленя и спасла бы ее..." Ему во что бы то ни стало надо было добыть тюленя, чтобы потом не корить себя и не мучаться угрызениями совести, ни о чем не сожалеть. Говорят, человек в человеке находит спасение, как знать, вдруг старая потихоньку пойдет на поправку, да и вылечится. И снова перед ним будет стоять его прежняя Умман, смолodu смотревшая на него с любовью и вожделением, и, как и прежде, ласково произносить: "Отец..."

Старик потому боялся надолго отлучаться от дома,

что несчастье всегда подстерегает человека, находится где-то рядом и выжидает удобного случая, словно говоря: “Э-эх, пусть только хозяин покинет дом”, и стоит хозяину отлучиться, оно тотчас воспользуется моментом и ворвется в дом как шакал, врывающийся в курятник. Своего старшего брата Балкан лишился, находясь вдали от дома, так же потерял и любимую Берту, в это время он находился в плавании по маршруту Баку-Астрахань-Махачкала. Помня, как идет Берте белый цвет, как хорошеет она, надевая белое свадебное платье, он купил ей в тот раз в Астрахани белый пуховый платок, знаменитый астраханский пуховый платок. Балкан был счастлив, представляя, как обрадуется Берта подарку, как каждый раз, накидывая на плечи платок, она будет думать о нем.

Но именно тогда случилось то, чего он вообще не ожидал. Прибыв в Красноводск, Балкан вступил на дощатые мостки, перекинутые от судна к берегу, и именно в этот момент неожиданно открылся замок чемоданчика, который он брал с собой в поездки. Из него высыпалось все его содержимое, все, что находилось в чемодане, разлетелось по обе стороны хлюпкого мостика и упало в воду. Среди вещей, выпавших из чемоданчика, был и тот белый пуховый платок, купленный для Берты в Астрахани.

Вначале платок расстелился на поверхности воды, напоминая нарастаявший пласт снега, потом закружился на месте, Балкан не успел опомниться, как платок пошел ко дну, будто снизу в него вцепилась и утянула за собой какая-то чересчур шустрая рыба. Он тогда сильно сокрушался о том, что вовремя не снес в починку чемодан, который и раньше не раз преподносил такие сюрпризы. Но больше всего Балкан сожалел о гибели платка, который он с такой

любовью выбирал для Берты.

Прибыв домой, Балкан узнал, что теперь в этом платке и вовсе нет никакой нужды. В доме оплакивали гибель Берты, ушедшей рыбачить и не вернувшейся с моря. Берта была беременна, она ждала второго ребенка и очень хотела родить хорошенькую белокурую девочку, которая бы напоминала ей себя в детстве, когда она играла с котенком.

Жители села целую неделю искали тело Берты, чтобы предать его земле по всем обычаям, искали в окрестностях тех мест, где она ловила рыбу. Зная, что обычно через три дня у утопленника лопается желчный пузырь, он раздувается и всплывает на поверхность, надеялись, что она все же отыщется. Предположив, что волны перебросили тело в другое место, облизали весь берег, даже в соседних селах расспрашивали, не видел кто-нибудь что-то похожее.

В те дни люди видели, как почернела от горя Умман, уходившая в море вместе с Бертой и вернувшаяся без нее, она стала похожа на тень, лицо ее окаменело, девушка все время молчала, и было видно, как она страдает. И лишь когда Балкан наведлся к ней, она зарыдала в голос, закрыв лицо руками: “Вай-вай, опозорилась я...”

* * *

В тот раз, вернувшись из плавания, Балкан не застал семью в городе, соседи сказали ему, что пару недель назад Берта с сыном уехала в село: “Мы соскучились по бабушке, поедem к ней на остров, а вы присматривайте за нашим домом, к возвращению отца и мы вернемся”. Возвращаясь домой, Балкан и сам думал: “Буду посвободнее, надо навеститься к маме, небось, соскучилась по внуку, все глаза проглядела, пусть прижмет его к груди”.

Отношения Берты с матерью Балкана заладились сразу же, про них говорили: “Свекровь и невестка из одного теста сделаны”. Они с первой же встречи полюбили друг друга. Мать никак не могла нарадоваться своему счастью, ведь теперь у нее помимо сына были невестка и внук. Женщины были привязаны друг к другу, как бывают привязаны мать и дочь. Берта старательно училась у своей свекрови туркменским традициям, изучала туркменский язык. Она мечтала разговаривать с Балканом на его родном языке и быть ему настоящей туркменской женой. Длинное платье с вышивкой, подаренное ей гелнедже Балкана, очень шло Берте.

Спустя год после гибели Берты Умман, будучи незамужней девушкой, сошлась с Балканом, и люди по-своему истолковали этот ее шаг: Умман винит себя в гибели немецкой женщины - туркменской невестки Берты, поэтому считает, что она обязана взять на себя заботы о семье, не дать осиротившему сынишке Берты почувствовать себя обездоленным.

Старик знал, что, выйдя в море и оставшись наедине с ним, он непременно встретится с Бертой.

Балкан и прежде не раз встречал ее во время плавания, особенно часто это случалось, когда он стоял на капитанском мостике и всматривался вдаль. Берта появлялась неожиданно, она выныривала из морской пучины, вытолкнутая волнами, потянувшись, поднималась вверх, словно говоря: “Вот она я”. На ней всегда было то длинное белое платье, в котором Балкан увидел ее при первой встрече.

- Моя любимая Берта... - со слезами на глазах произносит расстроенный старик.

- Любовь моя. Мой комбат...
- Почему ты бросила нас с сыном?
- Наверно, так было угодно Богу...

Каждый раз, когда она потом исчезала из виду, Балкану казалось, что это его лодка, разрезая волны, толкнула ее носом в грудь и накрыла волнами.

Постепенно старик смирился с потерей, поверил, что так было ему на роду написано, и что теперь, как бы он ни хотел, не встретиться ему с Бертой, потому что это невозможно.

Очнувшись от мыслей, старик увидел, что плывет мимо острова Гарадаш, который всегда был лежбищем тюленей. Усыпав весь остров, они обычно грелись тут на солнышке, издавая звуки, похожие на бление овец и коз. Решив осмотреть это место, он повернул лодку на юг. Когда на горизонте появился остров, он стал пристально всматриваться вдаль, пытаясь увидеть пригревшихся тюленей, напоминавших живые черные мешки. Раньше издали можно было услышать голоса тюленей. Как только начнешь к ним приближаться, они, ревя и неуклюже переваливаясь с боку на бок и извиваясь, словно гигантские черные черви, ползут к воде.

- Ого, к нам какое-то чудовище приближается.
- А может, оно мимо плывет.
- Но порохом не пахнет.
- Значит, у него нет намерения стрелять.
- А человек ли хоть наверху сидит?
- Вроде человек.
- А коли это человек, разве ты не знаешь, сколько уловок у людей?
- Раз он кружится вокруг нас, значит, ему что-то от

нас надо.

- Он, может, и без ружья, зато у него наверняка есть сеть.

- Тогда бежим отсюда. Постараемся не попасться в сети,- их поведение, когда они стали в панике нырять в воду, напоминало поведение сельских собак при виде незнакомого всадника - они устраивают переполох и начинают дружно лаять.

Туловища тюленей, словно смазанные маслом, переливались на солнце, они были похожи на отполированные морем ожившие черные камни.

Но сейчас остров был пустынен, неподалеку от его западной оконечности лежали два черных камня, похожих на сгнившие и выпавшие зубы древних гигантских людей, обычно тюлени всегда облюбовывают именно это место, рядом с черными камнями, но сейчас их не было, казалось, море сгребло всех их в свою ладонь и заглотило, отправив в свою пасть, как отправляют в рот щепотку наса* с ладони. Окинув взглядом знакомый остров и увидев, что он пуст, старик, чтобы не столкнуться с лежащими на берегу черными камнями, обогнул остров, а потом снова взял курс на запад.

В те дни, когда он плавал на большом судне, старик много раз проплывал здесь, обозревая эти места с капитанского мостика, и тогда его судно было похоже на мощный трактор, разворотивший землю, который, достигнув горизонта, резко поворачивал назад. Поверхность окружающего его моря с набегаящими друг на друга волнами напоминала вспаханную землю.

Вокруг стояла тишина, над морем дул ветер,

* Нас - приготовленный особым способом табак, который закладывается под язык.

пропитанный терпкими запахами знакомых и незнакомых трав, в том числе ёвшана и селина. Такие приятные запахи появлялись над морем каждый раз, когда со стороны Каракумов дул северо-восточный ветер, сообщая о близости пустыни. Из-за разбросанных по набережной Красноводска домов, из-за седых отрогов гор, окружающих город с трех сторон, появилось солнце. Рассыпанные по волнам золотые пряди солнечных лучей своим ласково-горделивым видом подчеркивали красоту окружающей природы. Старик очень любил это великолепие, его особую живописность. Некоторое время он гонял лодку по морю, затем притормозил ее, чтобы в спокойной обстановке перекусить и полюбоваться морским пейзажем. Он и впрямь проголодался, ему хотелось чаю. Уже давно прошло время, когда он, по словам старухи и младшей дочери, “вдвоем с другом чаевничал”. Живущая по соседству и часто навещающая их младшая дочь входила в дом, улыбаясь и всякий раз шутливо произнося: “Значит, так и сидите, два друга, и тихонько беседуете между собой?”. Старик со своей старухой, если были здоровы, всегда вставали рано, словно их ждали неотложные дела. Ковыляя, старая Умман шла на кухню, ставила на газовую плиту чайник и занималась приготовлением завтрака. Старик в это время выходил во двор, давал корм курам, кормил собаку, а иногда вместе с собакой шел к морю, садился на берегу и погружался в раздумья. В таких случаях за спиной раздавался голос Умман мама, звавшей его к завтраку, этот голос, напоминая ему, где он находится, возвращал к действительности:

- Эй, отец, если не хочешь глазами до дна выпить море, иди уже домой, чай остыл!

После того, как мотор заглох и катер замер на месте, старик встал и прошел к скамейке в центре лодки, там,

где находилась его сумка с припасами, торопливо достал из нее термос с приготовленным с вечера чаем и, ни на что не отвлекаясь, выпил пиалу крепкого, настоявшегося чая. Немного утолив жажду, он ослабил пояс, надетый поверх длинной, доходящей до колен темно-синей рубахи и прикрывающий поясницу, которая временами очень сильно болела. Только после этого он во второй раз наполнил пиалу и осторожно, чтобы она не опрокинулась от малейшей качки, аккуратно поставил ее перед собой, потом потянулся и достал стоявшую перед ним сумку с едой, поставил ее себе на колени. Старик поел захваченных из дома бутербродов с брынзой, запивая чаем, который раз от раза становился все гуще и крепче, спокойно понаблюдал за окружающим его пейзажем, и был он сейчас похож на рыбака, в одиночку вышедшего в море и удившего рыбу далеко от берега. Укутанные в бархат складки волн напоминали молодую женщину, лежащую в обнимку с младенцем и мечтающую о чем-то прекрасном, вздымающийся купол ее расшитого кушака говорит о том, что вся ее плоть жаждет удовольствий, она словно заигрывает с кем-то.

Вдруг взгляд старика задержался на участке моря слева, там лучи солнца, резвясь между бугорками волн, придавали им золотистый оттенок. Это место напомнило ему чудесное видение, когда по весне миллионы рыбешек, ослепляя сверкающей на солнце золотистой чешуей, стаями перемещаются к нерестилищам на пресноводных реках. Когда же частичка этого блестящего клубка отделилась от общей массы и поплыла в его сторону, он поверил, что это и есть стая рыб, участвовавшая там в любовных играх и теперь возвращающаяся обратно, они плыли, задрав носы к солнцу, и это напоминало картинку, на которой каждая

из них, ухватив ртом лучик солнца, тянет его за собой, извиваясь, они плыли с надменным видом, ни на кого не обращая внимания. Когда же они подплыли ближе, старик с удивлением обнаружил, что никакие это не воблы, а водяные ужи, купающиеся в лучах солнца.

Честно говоря, старик не думал, что после недавних холодов они еще остались в этих краях. Поэтому, увидев их, так удивился: “Вроде бы им давно уже пора уползти в норы и спрятаться под землей”. Но потом вспомнил, что в последние дни солнце снова щедро согревало землю своими лучами. “Эти молодчики змеи на солнце понадеялись, кому хочется уходить отсюда? Разве не сказал поэт: “Нет ничего прекраснее этого света”?”

В дорогу старик собирался тщательно. При нем была и сеть, а если тот, кто попадетсЯ в сети, окажется чересчур сильным и начнет биться в сетях и угрожать его жизни, на этот случай у него был длинный шест с острым наконечником, похожим на стрелу. Подумав, что ему может пригодиться, он прихватил с собой двустволку и десять-пятнадцать патронов к ней. Когда змеи, словно слепые, стали нахально приближаться к его лодке, старик понял, что надо спугнуть их. Он пожалел, что не вынул ружье из вещмешка и не положил его рядом с собой. Но теперь уже было поздно, змеи подплыли слишком близко и продолжали двигаться к его лодке. Отложив еду в сторону, старик достал со дна лодки одно из весел, на всякий случай, вдруг понадобится, чтобы ударить им по змеям. А тем временем и сами змеи, похоже, заметили выросшую перед ними лодку, а в ней человека с веслом, приготовившегося ударить по ним, они спешно ретировались с этого места, обошли лодку с другой стороны и проплыли мимо.

* * *

Держа курс в сторону старого маяка, он вновь вспомнил о своей больной жене, представил, как она протягивает бессильные руки к стоящему рядом с ее постелью термосу с чаем, потом, повернувшись на бок, с трудом наливает себе чаю, представил, как озирается она по сторонам и думает: “Куда же он запропастился?”, а потом берет таблетки, от которых вот уже много времени нет никакой пользы, и вначале по одной кладет на пересохшую губу, отчего они становятся похожими на белые пуговицы, приготовленные для пришивания к этому месту, запивает их без особой надежды: “Если бы от таблеток была польза, я бы уже давно почувствовала это”, тем не менее, со слабенькой надеждой на исцеление она все же глотает эти таблетки.

В последнее время Умман мама похудела еще больше, буквально высохла, глаза запали, но это были все те же глаза, глаза некогда сильной и красивой женщины, на которой любые наряды сидели как влитые, женщины, красотой своей и нежными ласками постоянно подчеркивавшей и всю жизнь доказывавшей Балкану, что она - лучшая из жен.

При мысли о старухе старику снова захотелось оказаться рядом с ней. Когда дед был дома, она чувствовала себя спокойно, ей казалось, что он сможет вырвать ее из цепких лап неожиданно нагрянувшего Азраила. Хорошо, когда рядом есть живая душа, и потом, разве мужу и жене, полвека прожившим под одной крышей и спавшим в одной постели, нечего вспомнить?

Старый Балкан любил возвращаться в прошлое, стремился хотя бы в мыслях перемещать ее в счастливую пору молодости. Все хорошее, что было в жизни, имеет

свойство при воспоминании о нем даже спустя много лет поднимать настроение, заставляя заново переживать счастливые минуты жизни. В такие минуты бабушка Умман всегда перевоплощалась в Умман-гелин (гелин - невестка, молодка), окруженная детьми, она согревалась любовью вернувшегося из плавания мужа. В это время она, хоть и ненадолго, забывала о своей болезни. Старик пользовался этим, начинал напоминать жене: “Жена, я брал тебя с собой на судно, повозил по морю, показал Астрахань, Казань... В тот раз мы и в Горький заскочили. Я тебя еще хотел с ветерком до Баку прокатить, ты бы посмотрела, сколько там похожих на тебя, большеглазых и круглобедрых женщин. Ты бы услышала их певучую речь, а как они говорят: “Ты живи, я за тебя умру!” А если ты окажешься их гостем, они для тебя последнего петуха зарежут. Послушай, как это звучит: “Ха, Вахит, режь голову красному петуху!”, ты бы увидела здоровых, усатых мужчин, они всегда чем-то вдохновлены, ты никогда не увидишь их в плохом настроении. Бродя по улицам Баку, ты можешь заблудиться, и тогда обратишься к одной из встречаемых женщин, чтобы она подсказала нужное тебе направление:

- Хала!

А она тебе ласково в ответ:

- Да, дитя мое!

Все это он говорил Умман мама то шутя, то серьезно, рассказывая ей о Баку, в котором ему довелось побывать.

Тюленей, которых он думал найти у старого маяка, старик обнаружил еще не доплыв до него. Он тотчас выключил мотор лодки, сбросил скорость, помня о том, что резкие звуки двигателя могут спугнуть животных, поднял лежащие под ногами весла и одно за другим укрепил их на

своих местах.

Когда он подгрёб к тому месту, где ему на глаза попалась знакомая тюленья морда, то увидел, что там плавал не один тюлень, а их было двое, высунув из воды мордочки, они, похоже, считали, что им удалось спрятаться подальше от человеческих глаз.

Когда тюлени все же заметили приблизившуюся к ним на опасное расстояние лодку, они удивленно переглянулись друг с другом, словно спрашивая: “Что все это значит?” Стали с любопытством наблюдать за стариком, гребущим в их сторону, в их взглядах читался вопрос: “Ну и что же будет дальше?” Старик был серьезен и сосредоточен. Он воззвал к Богу: “Господи, помоги мне, пошли удачу!..”

Раскачиваясь на волнах, тюлени пытались понять, что происходит.

- И в самом деле, откуда она взялась?
- Видишь же, в лодке сидит человек.
- А что ему надо?
- Понятное дело: если человек выходит в море, ему или рыба нужна, или птица...

- Однако, кажется, на этот раз ему и не рыба, и не птица понадобились, он сюда по нашу душу плывет...

Выбирая удобную позицию, с которой можно было бы охотиться на тюленя, старик помнил, что они не очень-то боятся человека, что время от времени они, словно собаки, с лаем появляются где-то сбоку от лодки и даже цепляются за нее. Сейчас он думал о том, что, если вдруг они начнут наглеть и вцепятся в борт лодки, он веслом даст по башке первому попавшемуся из них, вот только как потом загнать его в заранее приготовленную и сейчас разложенную на поверхности воды сеть? Старик понимал, что в любом

случае у него не хватит сил затащить тюленя в лодку, да и тащить его вместе с сетью волоком, когда море качается под тобой, вряд ли получится. Он думал о том, как же доставить тюленя на твердое место, где можно будет упереться ногами обо что-то и там, оглушив его, перетащить в лодку.

В двух-трех шагах сбоку от себя старик увидел удивленный взгляд тюленя, которым тот гипнотизировал его. Помня, что ему ни в коем случае нельзя убивать тюленя, что нужно только живое существо, он поудобнее взял в руки весло и на некоторое время пустил лодку самоходом. Ему верилось, что он приближается к тюленю. Все его мысли сейчас были только об этом тюлене. Те тоже почуяли опасность, в их голосах появились тревожные нотки.

- Похоже, он и впрямь намерен расправиться с нами!

- Тогда ныряй, бежим отсюда.

Вначале один из тюленей резко нырнул вниз, смешался с волнами, а затем и второй, толкнув носом макушку набежавшей волны, исчез из виду.

Старик надеялся и ждал, что они очень скоро появятся вновь, вынырнут откуда-нибудь, приподнял весло, чтобы резко опустить его на голову тюленя. Стоя на качающейся лодке с веслом на плече, он напоминал человека, ждущего, когда лодка упрется носом в берег, чтобы немедленно выскочить из нее. Внимательно всматривался в море, надеясь увидеть, когда тюлень высунет из воды голову. Но тюлени, ушедшие в морскую пучину, так больше и не показались, а если они где-то и появлялись на поверхности, старик все равно их не видел. Постояв некоторое время на лодке, он почувствовал, что у него пересохли губы, снял с плеча весло, укрепил его на месте, потом присел, чтобы выпить воды. Взяв сосуд с водой, он набрал в рот воды и вначале

пополоскал его от горечи, а затем стал с удовольствием пить воду, смачно, большими глотками, отчего кадык на его шее двигался вверх-вниз. Почувствовал, как благодатная жидкость дошла аж до самых кишок.

Первая попытка взять тюленя оказалась неудачной. У старика немного испортилось настроение, оттого, что он не сумел так быстро добиться желаемого, оттого, что вспомнил о больной жене, рядом с которой ему сейчас надлежало находиться. Но он скоро взял себя в руки и успокоился, стал анализировать происшедшее, понадеялся, что в следующий раз ему повезет больше.

Старик снова вернулся к своим мыслям, он представил, как в реальности будет все выглядеть, если он оглушит веслом тюленя. Если он не успеет своевременно завернуть его в сеть, тюлень может под тяжестью своего тела пойти на дно и опять оставить его без добычи. Подумал он и о том, что при такой качке воды взять тюленя вообще нереально. И все же он не хотел сдаваться, успокаивал себя, что первая неудачная попытка впоследствии обязательно обернется удачей.

Лодка старика, едва касаясь волн, стремительно неслась в сторону старого маяка, казалось, что на такой скорости она насквозь пронзит опустившуюся на горизонт серо-коричневую пелену. Мощный поток встречного воздуха, поднятый движением лодки, словно желая захватить старика в угол, с шумом толкал его в грудь. Уровень воды на горизонте казался гораздо выше, чем здесь, и от этого создавалось впечатление, что лодка старика взбирается на возвышенность.

На островок, где стоял старый маяк, старик прибыл гораздо раньше, чем думал. Да ведь несущейся вперед

моторной лодке любые расстояния нипочем.

Этот маяк был первым сооружением, возведенным русскими во времена их первых походов к юго-восточным берегам Хазара. Чуть позже здесь был построен небольшой причал для временной стоянки судов, идущих в Красноводск и к другим берегам, если им по каким-то надобностям приходилось задерживаться в пути. Маяк же светил для всех, он был ориентиром для идущих издалека судов.

При виде старого маяка у старика немного испортилось настроение. Перед ним был некогда стройный, но теперь полуразрушенный и ставший тоньше прежнего маяк, сейчас он был похож на выжившего из ума старца, выдергивающего из своей плоти и разбрасывающего вокруг себя красно-коричневые обожженные кирпичи, завезенные сюда в очень давние времена из дальних краев. Было видно, что ветры времен всерьез взялись за это строение и очень скоро сотрут его с лица земли. Старик подумал, что он тоже настолько стар, что стал развалиной, похожей на этот умирающий маяк. Так он сидел довольно долго, забыв, с какой целью прибыл сюда. А старый маяк и в самом деле был похож на старика, сидящего под ним и смилившегося со своей судьбой... Как тут не задумаешься...

Вокруг было пустынно, только раз на горизонте показался возвращавшийся из плавания белый корабль, похожий на дрейфующий в водах айсберг, он прошел мимо старого маяка, даже не взглянув на него. Сегодня что-то и чаек не видно, похоже, что и они, заодно с тюленями, спрятались где-то в укромном местечке, как знать, может, собравшись там, они выжидают, когда опять заштормит, как это было неделю - дней десять назад, когда море гудело и бесилось, вода в нем взрывалась, готовая вывернуться

наизнанку. Каждый раз, когда на море начиналась буря, им не было покоя. В такие дни чайки кружат над морем и жалобно кричат, как будто море может достать из своих бурлящих глубин что-то драгоценное и подать прямо в клювы чаек.

Каждый раз, когда смотришь отсюда, видишь сплошную воду вокруг себя, слышишь ее плеск. Несмотря на то, что уже давно прошло время обеда, старик не торопился с трапезой. У него все время сохли губы, его мучала жажда, вот и сейчас ему хотелось чаю, он знал, что, если выпьет чаю, отпустит только что возникшая тупая головная боль, старик хорошо знал эту головную боль, она возникала всякий раз, когда он пропускал время чаепития, головная боль появлялась от отсутствия чая, и потом, слабая надежда все же не покидала старика, по его мнению, уж если где и должны быть тюлени, то именно здесь, здесь и берег был хороший, много места для лежбища тюленей, к тому же место было очень тихим.

Так что теперь греющиеся на солнышке тюлени могли показаться в любой момент.

Открыв термос, старик на ходу выпил пиалу крепкого чая, после чего продолжил путь. Плывая вдоль кромки воды, он направился к северной оконечности острова, туда, где он был выше и смотрел на воду со значительной высоты.

А берег был живописен, сейчас он напоминал разомлевшую на солнце полусонную молодку, ждущую мужа из плавания и сладко потягивающуюся в предвкушении радостной встречи с ним.

Временами кажется, что небольшие волны, спокойно набегающие и облизывающие берег, выскакивают из-под сверкнувшего на солнце широкого подола платья задремавшей гелин, на которую сейчас похоже море;

приближаясь к берегу, волны немного растягивались в обе стороны и напоминали рыбачью сеть, в такие мгновения казалось, что в этой сети, подставляя солнцу свои золотые чешуйки, весело прыгают рыбки.

Старик издалека увидел огромные черно-коричневые камни, когда-то очень давно завезенные невесть откуда для укрепления берега и брошенные здесь. Сейчас они были похожи на одетых в траур женщин, пришедших сюда оплакивать унесенных морем близких - сыновей и возлюбленных... Он представил, как они били кулаками землю и громко рыдали, не в силах превозмочь свое горе.

Каждый раз, бывая на поминках по утонувшим, старик думал о том, как нелегко дается людям морской хлеб, что море за свои дары требует от людей не только тяжелого труда, терпения, неустойчивости и находчивости, но порой и самого дорогого, что есть у человека, - его драгоценную жизнь.

Только живущие возле этого моря были уверены в том, что "У моряка не бывает одной могилы". Они говорили: "У моряка две могилы, одна в окрестностях его села, а другая - объятья моря".

Вот уже много лет старик в своем воображении рисовал кладбище на дне моря, в одной из могил которого лежит и его Берта. Каждый раз, когда он вспоминал об этом и представлял это место, его Берта дымкой выкуривалась из своего могильного холмика и поднималась вверх, на ней всегда было все то же просторное свадебное платье, причем, она была как живая, такая же радостная и взволнованная, как при первой встрече.

Поначалу старик очень радовался, что увез Берту из ее страны, радовался тому, что у него все так хорошо

получилось, но с тех пор, как ее поглотило ненасытное море, он не переставал жалеть о том, что сделал. “Если бы я не увез ее оттуда, моя Берта и сейчас была бы жива”,- думал он. И тут же ему приходила другая мысль: “Ведь есть же люди, которые именно так и поступили”. Он вспоминал знакомого из Теджена, с которым лет десять-пятнадцать назад встретился в Ашхабаде, когда чествовали ветеранов войны, и который так же, как и он, женился в Германии на немецкой девушке.

Два старика, случайно встретившиеся в тот раз, вспоминали Германию, своих любимых, просидев всю ночь, они вдоволь наговорились, отвели души.

Смуглый полноватый старик из Теджена рассказал, что во время войны он женился на немецкой девушке, что у них родилось трое детей, они называли их туркменскими именами Арслан, Абадан, Гурт, они любили и гордились своими детьми, что жена его была великой труженицей и очень хорошо за ним ухаживала. Но через шесть лет, когда ему пришла пора возвращаться на Родину, жена умоляла его остаться, но он очень тосковал по родным местам, поэтому уехал. Когда они прощались, жена положила ему в вещмешок все необходимое, начиная от нижнего белья и кончая штанами, рубашками, носками, причем, по несколько пар, чтобы не на один год хватило. И вот теперь он очень скучает по жене и детям.

В те дни, когда он так нелепо потерял Берту, слушая рассказы о случившемся, Балкан никак не хотел в это верить. Что-то в его душе вызывало сомнения, и все же у него не было никаких оснований винить в происшедшем кого бы то ни было. Поэтому каждый раз, в мыслях своих встречаясь с Бертой, он задавал ей все те же оставшиеся безответными вопросы. Вот и сейчас Берта была рядом с ним:

- Берта, родная моя! Скажи мне, что все это значит?

- Что же делать, если так случилось? - Когда Берта начинала говорить, он всякий раз слышал звук ее такого родного для него голоса.

- Не-ет... но что-то же все-таки случилось? Или я тебя чем-то обидел? Может, мама или гелнедже что-то не то тебе сказали?.. Ну скажи же мне, что произошло?

- Наверно, Балкан, это судьба, видать, она давно задумала разлучить нас с тобой...

- Все равно, ты не должна была так поступать, Берта моя родная... Наш сын Эльман джан вон в какого уважаемого человека вырос... А-а, я ведь и раньше не раз говорил тебе об этом... Есть у тебя внуки, а внучка и вовсе на тебя похожа... Теперь у нас с тобой есть и четверо правнуков, ласковых и нежных, таких сладких... Я-то радуюсь им, стал счастливым дедом, а вот ты, ты...

Всякий раз, прежде чем их беседа заканчивалась, к горлу старика подступал ком, а глаза застилала тонкая пелена слез. В такие минуты, не желая видеть своего любимого слабым, Берта исчезала так же неожиданно, как и появлялась. Старик еще некоторое время ждал, ему казалось, что Берта, с которой он только что беседовал по душам, появится вновь.

Старые кости деда давно уже устали, и потом, вот уже много времени он не уходил так далеко от дома, не было случая, чтобы он отсутствовал целый день. Помимо усталости, лицо его отражало какую-то озабоченность, он был похож на коня, в мучительных раздумьях перебирающего ногами возле неприступной крепости, в поисках удобного места, чтобы войти в нее.

Сейчас старику казалось, что тюлени, за которыми он охотится, с присущим им тонким звериным чутьем

почувствовали угрожающую им опасность, один за другим с места нырнули в воду и теперь, покинув туркменские берега, целыми стадами плывут в сторону Баку.

Он и сам не заметил, как еще некоторое время предавался мыслям о преследуемых им тюленях: “В окрестностях Баку море самое грязное, вода сплошь покрыта нефтяными пленками”. Старику было жаль тюленей, которые поплывут туда за лучшей долей, а им там вовсе не будет удобно и хорошо.

- В прежние времена рыбы, тюлени, водяные птицы от других берегов плыли к нашим, богатым солнечным светом берегам,- мысленно произнес он.

Кружась вокруг острова в поисках тюленя, старик вновь вспомнил свою больную жену. Ее болезнь, словно мстя ей за что-то, не обращая на нее никакого внимания, изо всех сил тащила ее в могилу. Он представил, как Умман жалобно смотрит по сторонам в надежде на чью-то помощь и со страхом подумал: “Как бы я на старости лет не остался один, как перст”.

Конечно, старику жаль свою жену, ему так хочется поскорее найти лекарство от ее болезни и увидеть, как снова заблестят ее глаза, как она станет прежней и будет смотреть на него с любовью, ему хотелось видеть ее в окружении внуков, воркующей с ними как клушка со своими цыплятами.

Когда старик достал свою поклажу, чтобы выпить чаю и перекусить, отдохнуть и набраться сил, обеденное время уж давно прошло, но у него не было аппетита, ему ничего не хотелось есть, зато очень хотелось чаю, он подумал, как бы сейчас хорошо было оказаться возле костра, на котором в тунче кипит вода. Придя к тому месту, где он оставил лодку, старик снял с себя верхний слой одежды, ему стало

немного легче. Помня о том, что идет в море, перед самым выходом из дома он надел на себя одежду, не пропускающую воду и сырость, на нем были желто-коричневые китель и брюки военного покроя из прорезиненной ткани, на ногах смазанные жиром блестящие черные сапоги, в которых он всегда выходил в море, и если бы не соломенная шляпа на голове, он был бы сильно похож на военного.

Ослабив ремень, старик расстегнул пуговицы на вороте, ему стало еще легче, потом он один за другим завернул рукава рубахи, присел на корточки и спокойно, не спеша, умылся водой из пластиковой бутылки. Каждый раз, когда он гладил мокрыми руками лицо, с него будто сходил один пласт усталости. Потом он некоторое время смотрел куда-то вверх причаленной внизу лодки, как будто ждал, что вот сейчас, как обычно, сзади до него донесется голос жены: “А-ю, отец, теперь так и будешь стоять, как столб, забыв о еде!”

После обеда на старика накатил сон, глаза его стали слипаться. Дома он каждый день после обеда растягивался на своем любимом диване, дремал, чтобы дать немного отдохнуть своим уставшим старым костям.

Но чаще всего ему бывало лень встать и пройти на свое место, поэтому он засыпал в обнимку с подушкой прямо на том же месте, где пил чай. Начав зевать, старик понял, что ему не справиться со сном, надо немного подремать. Он пододвинул к себе вещмешок, валявшийся рядом и ставший похожим на снятые и брошенные штаны, подсунул его под голову, голову обмотал полотенцем, одним концом которого укрыл глаза и нос от солнца.

Поспав немного, старик увидел сон, его многодневные мысли о тюленях стали обретать черты реальности.

Море плескалось, шумело, вдруг одна из волн вздулась и поднялась гораздо выше остальных, а потом прямо на его глазах превратилась в огромного тюленя. Он был похож на гигантский черный самолет, набравший на земле скорость и готовый вот-вот взлететь, раскинув на обе стороны крылья-волны, взрывая землю, дрожа, он был готов все на своем пути растоптать. Вдруг это чудовище пошло на старика...

Старик не только никогда в жизни не встречал такого исполинского тюленя, но даже не слышал о том, что такие вообще существуют и кто-то видел их. Тогда откуда же взялось это чудовище? А может, этот тюлень - потомок древних динозавров, экземпляр, случайно сохранившийся со времени их исчезновения?... Перепуганный до смерти старик решил бежать, чтобы спастись, но никак у него это не получалось, ноги скользили, и он не мог сдвинуться с места, а тюлень, всей своей массой издавая жуткий рев, набросился на него. Ужасно испугавшись, старик дико закричал, стал звать на помощь...

Старик проснулся в холодном поту, он был испуган, ведь не проснись он еще минутой, и это огромное чудовище растерзало бы его на клочки в считанные секунды... Его спас собственный голос, призывавший на помощь. Старик почувствовал облегчение, будто ему и в самом деле удалось избежать надвигающейся опасности, успеть уйти от нее в сторону. Выцедив из тунчи в пиалу остатки чая, он залпом выпил его и немного пришел в себя.

Когда он вновь сел в лодку и тронулся в путь, солнце уже вышло из зенита и пошло на закат. Лодка терлась о небольшие волны, желая передать им зеленый цвет, в который сама не так давно была перекрашена. Чувствовалось приближение вечера. Обернувшись и посмотрев туда, откуда он плыл,

старик увидел, как низко опустилось солнце, за спиной его стало темнеть, как будто там опускался густой туман.

Старик вышел в море с намерением добыть тюленя, но вместе с тем он предусмотрительно задумал, если самому не удастся это сделать, заехать в родной аул, передать родственникам свою просьбу о тюлене и погостить у них пару дней, пока они не достанут тюленя.

После смерти матери он резко сократил свои поездки в родное село, семью старшего брата он перевез в Красноводск после того, как сам устроился там и приступил к работе, всячески помогал им, но с тех пор много воды утекло. Близких родственников в ауле не осталось, разве что дальние да односельчане. Сейчас в его отчем доме жил один из зятей дочери старшего брата.

Да, всему свое время. Старый Балкан и его жена теперь практически не выходили из дома, если только не было необходимости самим присутствовать где-то. Как оказалось, все эти заботы со временем переходили от родителей к детям, как все в этом мире переходит от одних к другим, от предков к потомкам. По правде говоря, для стариков это не так и плохо, а больше всего им приятно видеть, как дети, один за другим становясь родителями, честно исполняют свой долг, прекрасно зная свои обязанности, превращаются в хороших, добропорядочных людей.

Начав думать о родном селе, старик вновь вспомнил, как он после войны вернулся домой вместе с Бертой, с которой они были похожи на пару влюбленных голубков. А на руках у них прыгал маленький Эльман...

Старик и раньше не раз вспоминал этот момент. Это был очень волнующий момент. Вернуться домой спустя пять-шесть лет, причем пройти целым и невредимым сквозь

ад войны, да еще не одному вернуться, а с любимой женой и ребенком на руках, разве это не счастье? В те годы мало кому из матерей удавалось дожидаться с войны сына, прижать его к сердцу и со слезами на глазах спросить: “Ты вернулся, сынок?” Счастье улыбалось разве что очень удачливым женщинам, таким, как Отага.

... Возвращаясь с войны, Балкан с семьей сошел с парома в Красноводском морском порту и тотчас же подумал о живущем здесь старшем брате с семьей. Решив вначале порадовать своим возвращением брата, а уж потом всем вместе отправиться в село к матери, он поспешил к тому домой. До войны его брат жил в одном из домов, построенных рядом с рыбозаводом для его работников. Здесь, в семье брата, жил и Балкан, пока учился и работал в городе. Этот дом для рабочих рыбокомбината стоял на одном из холмов лицом к морю, отсюда хорошо было видно, как шумит и волнуется море, как носятся над ним крикливые чайки, были видны тяжело груженные рыбой баржи, шумно подходящие к рыбокомбинату, как они, придя в порт, разгружаются, а потом облегченные сейнеры вновь выходят в море, один за другим отделяясь от берега и отплывая от него.

Балкан, идя к дому брата, волновался, представляя, как они обрадуются его возвращению.

“Брата, наверно, сейчас нет дома, но гелнедже и племянники наверняка на месте”, - думал он. И представлял, как кто-нибудь из детей или же жена брата, открыв дверь, не сразу признают стоящего перед ними человека в военной форме, будут удивленно смотреть на него и русскую женщину с ребенком на руках, а когда узнают, со всех сторон кинутся им на шею, будут обнимать и целовать, детишки тут же побегут на завод, чтобы поздравить отца

с возвращением с фронта младшего брата. Вот такие приятные мысли крутились в голове Балкана, пока он шел к дому брата.

Как только он постучал в знакомую зеленую дверь, в проеме неожиданно появилась круглолицая казашка лет тридцати пяти-сорока, высунув наполовину туловище, она стояла, держась одной рукой за ручку приоткрытой двери, а другой за стену и, ничего не понимая, она вопросительно смотрела на незнакомых людей.

- Вы к кому?

- Раньше здесь Чапаковы жили...- вежливо начал Балкан в надежде, что женщина его узнает.

Увидев незнакомую женщину, открывшую дверь дома брата, Балкан подумал: "Наверно, после войны брат перебрался в более благоустроенную квартиру, спрошу-ка у этой женщины, может, она даст его адрес..." Примерно год назад в письме ему сообщили, что брат по состоянию здоровья был комиссован и вернулся с фронта, стал по-прежнему работать на заводе засолщиком рыбы.

Вопрос Балкана почему-то не понравился женщине, которая все еще стояла в дверях с воинственным видом, словно говоря: "Все равно никого не пущу в дом!", лицо ее с маленькими подслеповатыми глазками стало ожесточенным, она затряслась всем телом, словно ее бил озноб:

- Я же сказала директору, что не уйду из этой квартиры. Сказала не уйду, значит, не уйду! Пусть он сам живет в халупе, которую предложил нам... Тоже мне еще, нашел казашку-кочевницу с арканом на шее! Раз мы работаем на заводе, то и на заводское жилье имеем право. Пусть только попробует выселить нас отсюда, я буду в Ашхабад писать, а если не помогут, то и в Москву напишу...

Балкан не знал ни того, что его брат не живет здесь почти год, ни того, что из-за его квартиры разгорелся такой сыр-бор. Чтобы не расстраивать его, ему не стали сообщать, что брат так и не оправился от тяжелых фронтовых ран и скончался, а его семья опять переселилась в аул. Поэтому-то он и верил, что его брат жив и здоров и по-прежнему живет в своем доме.

На днях директор завода разрешил поселиться в этой квартире недавно устроившемуся на работу мастеру, забыв, что временно вселил туда семью. Но эта семья, не согласившись переселиться в выделенное в другом месте жилье, со скандалом прогнала нового жильца.

Стало понятно, что казашка приняла этих стоявших перед дверью с вещами людей за присланных директором новых поселенцев. Размахивая руками, она говорила все громче и возбужденнее.

Попытки Балкана объяснить, что он никак не претендует на эту квартиру, окончились неудачей. Женщина все повторяла и повторяла одно и то же, взмахивая руками, словно пытаясь что-то с неба достать, не давала ему рта раскрыть.

На ее крики стали выглядывать соседи, некоторые выскочили из своих домов, думая, что что-то случилось. Старушка, жившая по соседству с братом Балкана, внимательно вглядевшись в незнакомца, вдруг узнала его.

- Вай, да это же, кажется, Балкан джан! - она приветливо поздоровалась с ним и обняла его. Потом подошли еще несколько женщин, напомнили о себе и радостно приветствовали их, приглашали к себе в дом.

Однако Балкан сказал, что торопится попасть к себе домой, на ходу поговорил немного с окружившими

его женщинами. Разговаривая с ними, он увидел, что та женщина, поднявшая такой шум, все еще стоит у порога, вид у нее был как у побитой собаки и одновременно удивленный. Когда Балкан повернулся в ее сторону, женщина виновато опустила голову, потом осторожно втянула в дом кипящее от негодования туловище и тихонько закрыла за собой дверь.

* * *

Балкан добрался до своего островного села в самую жару. К этому времени солнце уже достигло зенита. И оттуда щедро опаляло землю своим горячим дыханием, оно было похоже на раскаленное жерло горящего тамдыра. Когда нос лодки коснулся берега, Балкан с легкостью выпрыгнул из нее, взял из рук Берты сынишку, обнял его, а другую руку протянул ей, помог сойти на берег. Кругом было пустынно, лишь у стены магазина в тени сидели два старика и мирно беседовали между собой. Как ни всматривались они, все равно не узнали Балкана. Судя по военной одежде мужчины и непривычному наряду женщины, вышедших из лодки, они сделали вывод, что это какая-то русская семья, направленная на работу на этот остров.

Поравнявшись с ними, Балкан опустил на землю свой багаж и поздоровался со стариками, которые не признали его.

- Таган дяде, салам алейкум! Тувак дайы, салам алейкум!

Старики вначале были поражены, что человек, которого они приняли за русского, здоровается с ними, называя по именам, но потом, взглядевшись пристальнее, тоже узнали Балкана.

- Ой, похоже это сын Отаги, а мы его приняли за русского!

Стариков несколько удивила женщина с ребенком рядом с Балканом, тем не менее они один за другим подошли к нему и радостно приветствовали: “Поздравляем!”

- Хорошо, что ты вернулся, сынок, а то твоя мать совсем истосковалась, мы только и слышим от нее: “Война кончилась, а мой сын все не возвращается”.

Потом старики стали озираться по сторонам в поисках ребенка, которого можно было бы послать в дом Балкана с радостной вестью. Наконец их взгляд выхватил шедшую вместе с матерью мимо них девчущку в коротеньком платьице. Старики помахали ей рукой, подозвали к себе.

- А ну, детка, бегом к бабушке Отаге, обрадуй ее. Сообщи, что сын вернулся с фронта!

Поняв, что от нее требуется, девчущка со всех ног помчалась на южную окраину села.

Когда Балкан, попрощавшись, продолжил путь, старики с восхищением посмотрели им вслед.

- А эта женщина, видать, его жена?- спросил высокий худой старик с посохом в руках у своего напарника, круглолицего подслеповатого старика с сеткой морщин на лбу, тот все время смотрел, щуря свои маленькие глазки.

- Наверно. А иначе разве всякая женщина вот так вот пойдет за тобой?

- Интересно, а это их ребенок, правда, прелестное дитя?

- Я что-то не увидел у его жены штанов под платьем...

- Разве русские женщины носят такие штаны, как наши туркменки?

- А как же она без них будет появляться на людях,

сидеть среди людей? У Отаги в доме нет ни стола, ни стульев... А без этого вся ее женская сущность будет на виду.

- Надо же, какие у тебя переживания, тебе что ли осталось прикрывать подол чужой жены!- возмутился старик с посохом.

А старик в рваном халате, сквозь дыры которого виднелось его голое тело, прикрыв рукой дырку на плече, вспомнил и еще один разговор, связанный с Балканом.

- Эй-хо, смотри, что получается! Ведь в этого сына Отаги давно влюблена ширванская девчонка, она ведь всех сватов обратно отсылает, ни за кого не идет, ждет своего суженого.

- Да, я тоже что-то такое слышал...

- В тот день эта девчонка попалась мне на глаза. Настоящая красавица, полностью расцвела. Да, ей нужен крепкий мужик вроде сына Отаги.

- Ничего, говорят же, камешек с дыркой не станет долго валяться на земле, мальчишка поднимет, хворостинку вденет. И она за кого-нибудь выйдет.

- Это ты верно сказал,- согласился со своим собеседником старик с казахской внешностью.

Договорившись попозже, когда спадет жара, навестить Отагу и поздравить ее, старики разошлись по домам.

Только после этого пузатый дуканщик, все это время стоявший возле стариков и молча слушавший их разговоры с видом собаки, готовой напасть на незнакомого всадника, развернулся и вошел в свой дуکان.

На следующий день после неожиданного возвращения Балкана домой его мать и жена стали в ауле объектом всеобщего обсуждения. Особенно старались сельские женщины, собираясь по двое-трое, они только об этом и

говорили.

- Ой, бабы, слышали, эта женщина, которую Балкан притащил с собой, даже и не русская...

- Тогда кто же она, на армянку или еще кого-то вроде бы тоже не похожа?

- Да немка она самая настоящая!

- Перестань, что ты такое говоришь, баба Биби?

- А что, разве сами не видели, как она сидит? Выпучила глаза и не понимает, кто свекровь, а кто гости.

- Ну да, хорошо еще, голову ей каким-то платком накрыли, а то и вовсе была бы непонятно кем.

- А ребеночек у нее прелестный.

- Да, это правда, чудесный мальчишка, каждый, кто приходил в дом, брал его на руки.

- А Отага-то какая счастливая, так и светится. Она уже аладжу на руку ребенку надела, чтобы не сглазили внука.

- Ну да, она ведь выросла в большой семье и получила хорошее воспитание. Как и ее прадед Кыят хан, она все знает и умеет.

- Это точно, в этой семье принято жениться на чужестранных девушках. У них есть женившиеся на русских родственники в Петербурге, на татарках - в Казани, всех и не перечислишь.

- Как бы и эта, как жена Тачмамеда егена, которую он привез из батальона, через полгода-год не сказала "Не хочу жить с ним" и не удрала бы домой, вильнув хвостом.

- Да нет, об этом можешь не беспокоиться! Он ведь сын Отаги. Кто к нему в руки женой попадет, просто так не вспомнит обратную дорогу. Некогда будет думать о чем-то, ее дело будет только рожать да стряпать.

- Точно, говорят же, рыба ищет, где глубже, женщина

- где лучше.

- А гыз, неужели она и вправду немка?

- Да.

- Из тех немцев, которые несколько лет воевали против нашей страны?

- Я же сказала да. Говорю потому, что узнала из достоверных источников. Жена старшего брата - гелнедже Балкана говорила какой-то из соседок: "Нам только и остается, как в кино, поднять руки вверх и произносить "Хайль Гитлер!", а больше мы ее языка и не поймем".

- Да, чего только не бывает в жизни!

- Видела же сама.

- Ну да, конечно, видно, нам и не суждено понять этот мир.

- То смотришь, они, как кошка с собакой, ссорятся друг с другом, на ножах схватываются, а то ведут себя как любящие муж и жена, водой не разольешь.

- Тогда они, как древние разбойники, захватили немецкую сторону, а теперь делят ее между собой.

- Возможно. Вон из Киянлы один в прошлом году вернулся с войны. Так вот, он привез с собой два мешка консервных банок и раздавал их своим землякам вместо кружек.

- В таком случае, сыну Отаги достался трофей посolidнее. Ему досталась кругленькая беленькая женщина...

Обрывки разговоров о немецкой гелин еще долго ходили по островному селу, но счастливая Отага не обращала абсолютно никакого внимания на все эти пересуды.

Она всем сердцем полюбила внучонка, очень сильно напоминавшего ей Балкана в детстве, радовалась ему и была

безмерно благодарна невестке, подарившей ей такое счастье. И потом, если человек счастлив, он всегда стоит выше всяких сплетен. Она и не пыталась цепляться за ненужные ей слова и как-то реагировать на них, она просто жила и радовалась полноте жизни...

... Занятый воспоминаниями о своем возвращении с войны, старик только к вечеру добрался до родного села. Уже приближаясь к берегу, он увидел с шумом пронесшиеся мимо него рыбацьи лодки, они неслись, поднимая за собой столбы водяной пыли, некоторые из рыбаков, увидев незнакомую лодку, пристально вглядывались в старика, пытаясь узнать его, но ни один из них с ходу так и не узнал человека, давным-давно покинувшего их село и исчезнувшего из виду.

Увидев проплывших мимо него и ушедших в море парней, старик вспомнил, что его живущие на побережье земляки занимаются знакомым ему промыслом - добывают рыбу, охотятся на птиц. Он подумал: "Видно, ребята хотят с вечера поставить сети, чтобы рано утром проверить их".

Это было время, когда жители села выходили в море в надежде на удачный промысел.

Старик причалил свой катер рядом с другими стоявшими на берегу рыбацкими лодками и пошел по селу, с интересом оглядываясь по сторонам и отмечая взглядом появившиеся здесь перемены, на которые обратил внимание еще издалека.

С моря дул прохладный ветер, он задувал каждый день после полудня. Этого момента с нетерпением ждали люди, мучавшиеся от невыносимой духоты, за целый день солнце превращало окружающий мир в топку раскаленного тамдыра. Каждый раз, когда задувал такой ветерок, люди облегченно вздыхали. Когда изнуряющий зной немного

отступал, им начинало казаться, что прохлада наступила навсегда и они наконец-то избавились от своих мучений.

В селе появилось несколько двухэтажных бетонных домов, эти красивые дома были видны издалека. При виде их старик обрадовался, как человек, чье заветное желание наконец-то исполнилось. Он видел много таких жилых домов на дорогах войны, мечтал, чтобы и его земляки строили и жили как господа в таких благоустроенных домах. И Берта встречала его перед таким крытым красной черепицей двухэтажным домом. Разглядывая новые дома в родном селе, старик с гордостью думал: “Смотри, какие замечательные дома построили наши парни. Наверняка, они возведены руками самих туркменских парней, а ведь раньше казалось, что без русских или кавказцев такие работы не могут быть выполнены...”

Но и прежде островной аул уже дважды заметно менял свой облик. В начале века обитатели острова жили в крытых кошмой сборных туркменских кибитках. Эти юрты были удобны тем, что их можно было разобрать и в любой момент перенести в другое безопасное место, в особенности, когда море начинало штормить и громадой волн надвигаться на жителей. С приходом русских здесь стали строить деревянные дома на сваях, внешне похожие на пятащихся задом и входящих в воду раков, они стояли, подставив себя всем ветрам. Чуть-чуть повертев между деревянных ног набежавшую волну, они отправляли ее обратно в море. Раньше в ауле был один-единственный дом, построенный без учета характера моря. Его здесь построили русские еще задолго до того, как начали использовать этот остров как стоянку для своих судов.

Именно этот очень прочный дом из жженого кирпича,

долгие годы бывший единственным на острове строением, принимавшим приезжих и провожавшим их с острова, ставший самым посещаемым местом рыболовецкого колхоза, и положил начало дальнейшему строительству здесь домов с крепким фундаментом.

Проходя мимо магазина, старик невольно замедлил шаг. Уровень воды в море в сравнении с прежними годами значительно поднялся, она вплотную подступила к дукану, построенному на возвышенности. Без конца набегавшие сюда неутомимые волны все время подкапывали землю под ним. Здание заметно накренилось в одну сторону, казалось, подтолкни его легонько сзади, и оно пойдет кувырком.

Безлюдно. Сейчас здесь нет ни дукана, ни стоянки судов. Видно, что срок этого каменного дома закончился, прошли и связанные с ним шумные времена.

В памяти старика этот каменный дуكان ассоциировался со временами, когда он, будучи юношей, впервые увидел здесь Умман, рядом с которой была ее неразлучная подруга, большеглазая худенькая девчушка, ухаживавшая в те дни за собой с особым тщанием. А ведь с тех пор ой как много лет прошло.

Видно, так уж устроено человеческое сердце, что до последней минуты помнит все, что когда-то тронуло его. Памятные моменты жизни еще раз прошли перед его мысленным взором. Помнит старик, как разволновались девушки при виде его, как неловко заигрывали с ним, переминаясь с ноги на ногу и теребя косы, всем видом своим подчеркивали девичье достоинство, а взглядами будто говорили: “Вот какими мы стали, парень, смотри и выбирай любую...”

При воспоминании об этой встрече старика всегда

охватывали приятные чувства, словно он слышал чудесную мелодию...

Старик с трудом узнал стоявший на пригорке дом Ширвана-сельсовета, хотя когда-то он заметно выделялся среди всех остальных. Вокруг него появилось несколько новых высоких домов, отличавшихся роскошью, и теперь, в сравнении с ними, его дом казался немного пришибленным. В прежние времена Ширван любил сидеть на кошме, постеленной на просторном топчане, для которого не пожалели толстых досок, смотреть сверху на окружающую его жизнь и пить чай.

Приблизившись к дому, старик поискал глазами, нет ли кого, с кем бы можно было перекинуться парой слов, не найдя никого, подошел ближе к знакомой двери. Внутри дома орал телевизор. Подумав о том, что при таком оре никто не услышит его голоса, он несколько раз громко постучал. После этого дверь с шумом распахнулась и на пороге показалась девочка лет тринадцати-четырнадцати без головного убора.

- Вы чей дом ищите, дедушка?- спросила она, думая, что стоящий перед ней незнакомый старик заблудился и решил уточнить нужный ему адрес. При беглом взгляде на девочку старик сразу же увидел в чертах ее лица сходство со всеми ширванцами.

- К вам я пришел, доченька. Ширван-сельсовет дома?
- Услышав, что гость пришел не к кому-то, а именно к ним, девочка произнесла: "Сейчас", - с шумом захлопнула дверь и нырнула внутрь дома.

Вскоре из дома донесся ее голос, перекрикивающий звук телевизора:

- Деда, на улице незнакомый человек спрашивает тебя...

В доме раздался недовольный голос взрослого человека:

- Убавьте же вы звук телевизора, оглохнуть можно!

Потом было слышно, как он отчитывает девочку:

- Что ты вечно вперед всех бежишь к двери, ты что ли должна гостей встречать? Идите, не держите гостя на пороге, зовите в дом!

Потом этот возмущенный голос стал приближаться к двери и вскоре на пороге появилась грузная фигура самого Ширвана.

По тому, как Ширван приглашал гостя в дом, на ходу справляясь о здоровье домашних, было видно, что и он не признал незнакомца. Они не встречались с тех пор, как родственные отношения были переданы детям. Ширвану и в голову не могло прийти, что зять, который как-то не отозвался на его приглашение и не приехал, может вот так неожиданно, как на снег на голову свалиться, постучать в его дверь.

В те дни, когда он позвал его и не дождался, Ширван поначалу обижался на Балкана, но потом, поразмыслив, успокоился: “Ай, он ведь тоже уже не молод, нас догоняет, наверно, старику не так-то просто сдвинуться с места. Он уже тоже в том возрасте, когда душа еще желает, а тело уже не слушается”. Так что со временем обида прошла сама собой.

Ширван подумал, что это кто-то из случайно оказавшихся здесь жителей соседних сел, которого он когда-то знал, но вот теперь не может вспомнить. “Ай, может, он о чем-то спросить хочет”,- подумал хозяин дома. Он провел гостя в дом, пригласил его в гостиную. Старик понял, что, если он сам не назовет себя, Ширван так и не узнает его. “Сельсовет ага, как вы тут живете, как семья, близкие,

родные, все ли живы-здоровы? А сам ты как со старостью справляешься?”- начал было старик. И только теперь по манере говорить Ширван узнал гостя. Обрадовался и вдруг сильно разволновался. “Эй, хов, а я все думал, кто же это навестил нас, а это, оказывается, своя родня, отец Тумар еген!”- громко говорил он, как бы сообщая радостную весть, чтобы и домашние могли услышать его. Подняв уже севшего старика, он заново по-родственному крепко обнял его.

После сообщенной дедом радостной вести все семейство Ширвана, от мала до велика, пришло приветствовать деда родственной семьи, человека, о котором в их доме много говорили только хорошее и всегда с восхищением. Хозяйка дома пришла с невесткой и старшей дочерью, они с особой заинтересованностью расспрашивали его о жене, невестке и дочерях, о внуках. А потом дружно отправились готовить угощение для дорогого гостя.

После смерти жены Ширван жил в семье старшего сына, человека болезненного. Уже и его сыну пару лет назад исполнилось шестьдесят, он вышел на пенсию и пополнил собою ряды стариков.

Ширван всегда жалел сына, который выглядел старше него, вечно стонал и кричал. Ему казалось, что сын так рано состарился потому, что пошел не в него, а в мать. Свои переживания о сыне Ширван пытался спрятать в шутке: “Я потому его рано на пенсию отправил, что хочу приучить к старости, пока сам жив, а так он мог бы еще долго работать”. Зато внуки Ширвана уж точно пошли в деда, все они были широкими в кости, видными, выросли в тружеников. Ширван гордился ими, поэтому и жил в радости.

Комната, в которую привели старика, была намного

просторнее обычных комнат в доме, это была гостиная, предназначенная для праздничного приема большого числа людей. В этом доме старик не раз бывал и раньше, это был один из первых построенных в ауле больших и просторных домов. Ширван по натуре был человеком широким, а потому во всем любил простор. Теперь здесь не было черной печи-голландки в человеческий рост, занимавшей часть левой стены, вместо нее в доме появились батареи парового отопления, выкрашенные в белый цвет, они придавали дому современный вид.

Задняя стена комнаты тоже была убрана, теперь к этой комнате примыкала и смежная с ней небольшая комната. На стене справа, на красивом черном ёмудском ковре висели три фотографии, с которых смотрели знакомые лица.

Справа висело фото женщины в пожилом возрасте, хозяйки дома, прожившей с Ширваном около шестидесяти лет, с фотографии в центре смотрел симпатичный юноша, их сын, которого безжалостная смерть забрала в шестнадцать лет. На третьей, потертой фотографии был изображен младший брат Ширвана, ушедший в 1938 году на военную службу и пропавший без вести, о нем родные горюют и по сей день. Раньше на ковре висела только фотография этого парня.

Выпив чаю с Ширваном, старик вспотел, усталость отступала, сквозь приоткрытую белую дверь доносились запахи вкусной еды, и чем больше он вдыхал их, тем сильнее его охватывало чувство голода. Чтобы как-то уйти от мыслей о еде, старик попытался думать о другом. Когда старики остались вдвоем, дом как будто опустел и стал тоскливее.

Войдя в дом, старик обратил внимание на то, что весь пол в нем устелен коврами ручной работы. Сейчас,

вглядевшись в них повнимательнее, он увидел, что они напоминают ему весенние поляны с красными цветами, да и сами они сейчас были похожи на сидящих в цветнике людей. Про себя он с восхищением отметил, что в семье Ширвана умеют ткать замечательные ковры. Ему стало обидно, что его собственных дочерей и внучек никак нельзя отнести к рукодельницам, способным из ничего творить такие изящные вещи.

Когда подали специально для гостя приготовленный плов с красной рыбой и сюзьмой, комната наполнилась ароматом этого необычного блюда. К этому времени подоспел и внук, которого Ширван очень ждал к обеду и все смотрел на дверь и беспокоился, что тот задерживается, несколько раз повторил: “Что же он не идет?”. Сейчас он занял место отца, который только что попрощался, заступая в ночную смену сторожем. Старики, засучив рукава, стали есть плов руками, они говорили, что так он вкуснее. Юноша хотел им что-то сказать, посмотрел на стариков и улыбнулся, потом, словно извиняясь, произнес шутливо:

- Товарищи комсомольцы, у меня есть предложение!

- Если оно хорошее, вполне возможно, что оно будет принято! - поддержал внука Ширван, сразу же догадавшись, что тот имеет в виду.

- Разве не грех при такой изумительной закуске, да еще такой хорошей встрече и при наличии хорошей водки не выпить немного? - говорил он, держа одной рукой за горлышки и доставая из шкафчика под телевизором у себя за спиной две бутылки водки. Добавил:

- Я ее сам из Астрахани привез. Настоящая российская водка, если не возражаете, выпьем немного втроем!

Ширван бросил пить лет семь-восемь назад, при этом

он не собирался когда-либо еще брать в рот водку. Но сейчас перед ним сидел человек, встречи с которым он ждал много лет, человек, которого он не смог затащить к себе в дом, даже послав специальное приглашение. Теперь Балкан пришел к нему собственными ногами, и это значит, что наконец-то сбылась заветная мечта Ширвана. У него к Балкану был один очень непростой разговор, ему надо было давно рассказать об этом, но все никак язык не поворачивался.

Мудрый, как ворон, Ширван сразу же смекнул, что вот он, подходящий момент, поэтому так охотно поддержал предложение внука, поначалу показавшееся не совсем уместным.

- А-а, русская водка, говоришь... Коли так, вот и дядя ваш приехал, отчего же не выпить немного по такому случаю.

Старики расположились друг против друга на специально для них положенных корпечах - тоненьких матрасиках, они сидели за расстеленным сачаком и вспоминали былое.

Внук Ширвана Баки время от времени доливал водку из открытой бутылки в початые рюмки стариков, угощая их поданными помимо плова вареной курицей, жареной рыбой, сам же сидел молча, не вмешиваясь в их разговоры, улыбка не сходила с его лица, когда он обслуживал их.

Иногда он ножом брал икру из до краев наполненной большой пиалы, намазывал на мягкую лепешку и почтительно пододвигал бутерброды старикам: "А ну, попробуйте-ка и это, не изменился ли ее вкус?", по-своему с удовольствием поддерживал компанию. Мальчишке лет десяти-двенадцати, которой сновал между ними, то унося, то что-то принося, он поручал доставить то, что было

нужно старикам.

До поздней ночи старики все говорили и говорили, им было что вспомнить, и не все еще было переговорено, воспоминания, цепляясь друг за друга, порождали все новые и новые. Давно уже настало время сна, глаза слипались, надо было ложиться. Мальчишка, который обслуживал их, давно не появлялся, видать, досматривал десятый сон.

Баки прошел в соседнюю комнату, принес оттуда постели, бросил их на пол и застелил белыми простынями. Поняв, что на этом беседа стариков не кончится, что они продолжают ее лежа в постели, он убрал со скатерти все, что посчитал лишним, и унес на кухню, кое-что убрал в холодильник, после чего по-новому разложил перед стариками сачак в уменьшенном виде, так, чтобы им было удобно дотягиваться до него. Оставил на сачаке чай и пиалы, стаканы и воду, которые могли понадобится старикам ночью, придвинул его поближе к ним.

Прежде чем уйти в свою комнату, Баки решил еще раз вернуться к разговору о тюленях, чтобы старик мог спать и не беспокоиться, он напомнил:

- Дядя, вы спокойно отдыхайте, давайте, доживем до утра, если тюлень может вылечить нашу биби, мы добудем его, даже если они все в Иран уплыли. Я уже и ребят известил, завтра утром мы выходим в море. Если потребуется, обзвоню и соседние села и всех на ноги подниму.

После его ухода старики по привычке обмотали головы платками, сняли с себя лишнюю одежду, выключили свет и легли. После этого висевший на стене яркий ковер стал похож на натянутую на стене прямоугольную черную кошму. Откуда-то издалека донесся хриплый бас гудка

теплохода, проходящего мимо одного из островов.

После довольно длительного молчания Ширван осторожно спросил: “Зять, ты очень хочешь спать?”, при этом в голосе его прозвучали тревожные нотки.

- Да пора бы уже, время-то позднее...- спросонья ответил уже засыпавший старик, давая понять, что он был бы непрочь, чтобы свой разговор Ширван перенес на утро.

- Так-то оно так...- несколько недовольно, но вместе с тем встревоженно произнес Ширван. Было ясно, что ему не терпится поговорить о том, что так беспокоит его, и он не хотел бы откладывать этот разговор до утра. По тону своего собеседника Балкан понял, что если его сейчас не выслушать, он очень сильно расстроится. Хотя сам он уже разделся и поудобнее устроился в постели, а одежду аккуратно сложил рядом с собою на случай, если ночью вдруг понадобится выйти по нужде.

Старому Балкану ничего не было известно, а вот Ширван очень долго ждал этого момента. Пару лет назад он даже посылал к нему внука с поручением, просил зятя навестить его. Тот ответил, что при первом же удобном случае приедет к ним, однако так и не появился. Тогда, получив приглашение Ширвана, старик подумал, что ему опять пришла в голову какая-то мысль и он хочет сделать его своим единомышленником, даже отругал его заочно: “Тебе, старому, делать больше нечего, только и осталось письма рассылать во все концы, да голову людям морочить, больше ты ни на что не способен!” Он вспомнил, как пять-шесть лет тому назад Ширван-сельсовет забросал письмами Ашхабад и Москву, чтобы вернуть своему островному аулу историческое значение, он писал о том, что на этом острове прибывшими в Туркменистан русскими была построена

первая стоянка судов.

Помнится, он тогда и старого Балкана заставил поставить свою подпись под своими письмами, объясняя это так: “Зять, ты участник войны, к тому же житель нашего села, к слову ветеранов войны сейчас в стране прислушиваются”.

А потом начались беспокойные дни, полные забот и тревоги о состоянии здоровья Умман мама. И если бы не необходимость найти тюленя, Балкан не скоро собрался бы в родное село, во всяком случае, в планах у него такой поездки не было.

Неожиданное появление Балкана, который будто с неба свалился, было на руку Ширвану, наконец-то исполнилась его мечта повидать родственника. Он понимал, что более удобного случая у него уже не будет, поэтому хотел именно сейчас выговориться и освободиться от того, что холодным черным камнем лежало у него на душе и мучало все эти годы. Он не должен упустить этот момент.

- Балкан, у меня к тебе есть и еще один очень важный разговор... Мы уже перезревшее зерно, Азраил в любой момент может прийти за нами и позвать за собой... Ты так долго не появлялся, что я уж запереживал: “Господи, неужели я так и унесу в могилу свой тяжкий грех?”... Я даже хотел написать об этом, думал, прочтешь после моей смерти и обо всем узнаешь... Но раз ты своими ногами пришел сюда, придется тебе, зять, выслушать меня, - на сей раз хрипловатый голос Ширвана был более решительным, в нем чувствовалась боль.

Ожидавший какого-то обычного сообщения, старый Балкан произнес: “Говори, Ширван ага, что хотел сказать”, - при этом подумал: “Как бы не уснуть во время его разговора”.

По тому, как начал говорить Ширван, стало ясно, что разговор будет долгим. После этого Балкан подвинул к себе пару подушек, лежащих в изголовье постели, оперся на них локтями и приготовился слушать.

Видя, что собеседник готов его выслушать, Ширван заговорил несвойственным ему тихим голосом, словно опасаясь, что его могут подслушать. Совершенно неожиданно он начал разматывать запутанный клубок невероятно дикой истории.

* * *

Во время той встречи Балкана с Умман ничего особенного не произошло, разве что девушка взглядом дала понять, как он нравится ей, тем не менее она стала считать его своим и пока он был на войне, тайком от других поглядывала на дорогу, ждала его возвращения.

Каждый раз, когда от Балкана приходило письмо, Умман сама забирала его с почты, находившейся рядом с сельсоветом, и радостно несла его к ним домой. Зачастую она сама и читала матери Балкана его письма. Перед самой войной опять был изменен без конца меняющийся туркменский алфавит. Мать Балкана Отага, как и все другие привыкшая к прежнему письму, не очень-то умела читать на новом алфавите. Таким образом, у Умман каждый раз появлялась возможность подольше задерживаться в доме, о котором она мечтала.

В те дни Отага, видя, как старается девушка, радовалась и тешила себя надеждой: “Неспроста ты, девица, так тянешься ко мне, наверняка ты тайком переписываешься с Балкан джаном”. В мечтах она уже видела Умман своей невесткой, представляла, как, одетую в шелка, вводит ее в

свой дом. Собственно, никаких догадок и не надо было, они еще и встречаться-то не начали, а аул уже давно поженит их. А если кто-то собирался идти к родителям Умман сватать ее, другой тотчас же отговаривал: “Не стоит к ним ходить, она, похоже, переписывается с сыном Отаги”. Хотя и без того мать Умман отваживала всех, говоря, что дочь не желает идти замуж. Из этого аул сделал вывод: “Конечно, как она может идти за другого, когда этот шустрый сын Отаги Балкан, вырядившись в матросскую одежду, наверняка охмурил ее и где-нибудь в укромном местечке лишил невинности...”

Когда Балкан вернулся домой с женой и ребенком, это стало ударом для Умман, она задыхалась от обиды и негодования и чувствовала себя так, словно вокруг ее шеи неожиданно обвилась змея. Хотя она и старалась не подавать виду, в те дни сильно похудела, была бледной, как после тяжелой болезни.

Ей очень хотелось видеть Балкана, с которым в мыслях своих встречалась и была счастлива, строила планы на будущее, но ее удерживал страх быть разоблаченной, она боялась, что люди могут догадаться о ее чувствах, поэтому несколько раз откладывала свой поход в этот дом, чтобы поздравить его с возвращением. В те дни и Ширван видел, как мучается и страдает его племянница, как сидит, отрешенная, уставившись в одну точку. Ему было искренне жаль племянницу. Чтобы хоть как-то отвлечь девушку от тяжелых мыслей, он нагружал ее все новыми и новыми поручениями, например, возложил на нее обязанности по распространению заема, заставлял делать отметки в чайной тетради...

А потом как-то совершенно неожиданно началась ее дружба с Бертой, ничего не подозревавшей о тайной любви

Умман к Балкану. То они вдвоем выходят из магазина, а на руках у Умман сынишка Балкана. А то вдруг сама Берта, ведя малыша за руку, идет в гости к Умман, а та, еще издали приметив их, выбегает навстречу, хватает ребенка и начинает осыпать его поцелуями.

Время от времени Умман брала с собой Берту ставить сети в море. Правда, до войны народ не очень-то одобрял женские походы в море, даже если это было продиктовано необходимостью добывать пропитание. Бытовало устойчивое мнение, что женщина на корабле к несчастью, но мнение это было всего лишь следствием желания защитить женщину - продолжательницу рода и хранительницу семейного очага, уберечь ее от несчастий, подстерегающих в море. И до сих пор мало кто переступал через эту убежденность.

Большая часть мужского населения островного аула была истреблена Сталиным, рьяно взявшимся за уничтожение “баев” и “кулаков”, “прихвостней белого царя”. Многие бежали от тирана и оседали в Иране. Оставшихся мужчин да молодую поросьль поглотила начавшаяся война. Так что добывать пропитание приходилось женщинам да обессиленным старикам.

Кому хочется умирать от голода, когда рядом под плещущими волнами раскинулась “скатерть-самобранка”? В те годы женщины и девушки, покрепче подпоясавшись и взяв в проводники опытных стариков, садились за штурвалы катеров. С тех пор никого не удивляло, если женщина выходила в море, ставила сети, воевала с волнами и рыбой.

Выходившие в море люди изредка видели, как крепкая, большеглазая Умман рыбачила в одной лодке с Бертой, одетой в длинное, мешковатое туркменское платье. В те дни и мать Балкана очень радовалась дружбе своей невестки

с Умман, она рассказывала: “Хоть моя сноха и не смыслит ничего в рыболовстве, но когда выходит в море вместе с Умман, с пустыми руками не возвращается, что-нибудь да принесет домой”.

Балкан снова поехал в Красноводск, он устроился на одно из грузовых судов и ходил в дальние походы. Каждый такой рейс длился дней двадцать - месяц. На работе ему обещали предоставить жилье, однако пока квартиру не выделили. Поэтому он временно снял в городе небольшую комнату, в которой жил между рейсами, время от времени привозя сюда жену и сына. Но ни Эльман, скучавший по бабушке, ни сама Берта не любили задерживаться здесь надолго, и каждый раз, когда Балкан отправлялся в рейс, спешили вернуться обратно в аул. И тогда Эльман снова превращался в домашнего любимца и баловня, а Берта, вырядившись в длинное платье, становилась благовоспитанной туркменской невесткой.

Сынишка Балкана и Берты Эльман был первым ребенком, появившимся в ауле после войны и ставшим символом долгожданного мира, все вокруг очень любили ребенка, женщины и девушки тискали его и зацеловывали, мечтая о таком же малыше для себя. Старые женщины при виде ребенка подносили ладони к лицу и произносили: “Аллах мой, пошли и мне такое же счастье, как у Отаги!”

Однажды Ширван видел, как две подруги, держа за руки Эльмана, играют с ним на берегу моря и каждая тянет его в свою сторону. Все были веселы и счастливы, в душе Ширван порадовался их дружбе.

То было время, когда Берта, желая стать настоящей гелин для островного аула, старательно изучала все, что необходимо было делать хозяйке дома. Отага сажала ее

рядом с собой и учила солить рыбу, вялить ее, коптить. Она учила невестку готовить из рыбы вкусные блюда.

В тот раз Умман при встрече с Бертой обмолвилась: “Дома есть нечего, кончилась рыба, может, выйти в море?” – как бы между прочим советовалась она. Та тоже вспомнила, что и у них в доме запасы рыбы подходят к концу, а Балкан в рейсе и домой вернется не скоро, поэтому охотно поддержала подругу. Прихватив с собой сеть, которую много дней подряд просматривала и чинила Отага, а сейчас растянула, словно паутину, на стене для просушки, они весело направились к морю, не обратив никакого внимания на слова свекрови: “Что-то погода портится...”

Море было покрыто мелкой рябью волн, они подпрыгивали, словно веселые рыбешки. Дувший со стороны Ирана порывистый ветер доносил знакомый запах дождя.

Глядя на БERTY, которая, стоя в лодке, смотрела вдаль и думала о портившейся прямо на глазах погоде, Умман обратила внимание на то, как у нее округлился живот: “Похоже, эта баба надумала принести аулу еще одного немчика...”, – с неприязнью подумала она.

Она тотчас же вспомнила, как пару дней назад встретила подругу Тувакбиби и та как бы в шутку съязвила:

- А-ю, Умман, неужто ты так и будешь дружить с этой немкой, которая увела твоего суженого? Может, тебе пора уже выйти за кого-нибудь? А то аул, видя, как ты возишься с женой Балкана, судачит о тебе: “Умман хочет стать второй женой Балкана при его первой немке, а до того, как это произойдет, она еще и ребеночка успеет родить”. – Она очень расстроила девушку своими словами.

Умман почувствовала, как кровь стала стечь в ее жилах.

Как правило, беременные женщины бывают красивы. Может, это происходит оттого, что они смотрят на мир глазами двоих, с двойным интересом и любовью.

Выступившие на щеках пигментные пятна придавали Берте особое очарование. Глаза ее смотрели на мир с любовью, в мыслях женщина представляла, как кормит грудью младенца, которого носит под сердцем.

В эти минуты Умман вдруг совершенно четко поняла, что, если она ничего не предпримет, отныне семья Балкана станет бельмом на ее глазу, что это обстоятельство до конца дней будет солью на ее раны, она всегда будет помнить, кто отнял ее счастье, что зря она старается, потому что все равно не сможет примириться с таким положением. Женщина, находившаяся сейчас с ней в лодке и не догадывавшаяся о кипевших в сердце подруги страстях и лишь мечтающая об удачном лове, вдруг стала на ее глазах палачом.

Тяжелые, как свинец, черные, как черная кошма, мысли, рожденные обидой и унижениями, превратившись в злость, терзали ее душу. И когда Умман окликнула сидевшую в центре лодки на скомканной сети Берту и заставила ее обернуться, та ждала, что Умман, уставшая грести, как обычно обратится к ней с предложением: “Иди, и ты немного поработай веслами, а я отдохну”. Ей было невдомек, что бушевавшие в душе Умман страсти уже давно превратили девушку в ее злостного, непримиримого врага. Поэтому она, приблизившись к подруге, не заметила, каким яростным огнем вспыхнули глаза Умман, когда та взяла в руки одно из весел и встала во весь рост. А Умман, уже совершенно не владея собой и не отдавая отчета своим действиям, ударила в грудь Берты веслом и вытолкнула ее из лодки.

Оказавшись в воде, Берта сдавленным голосом издала

отчаянный крик, и в этом крике утопающего была мольба о помощи и пощаде. Она даже не сразу поняла, что произошло. Нырнув в воду, она тут же выскочила на поверхность и в страхе уцепилась руками за борта качающейся лодки.

Тем временем Умман, с пеной у рта и вылезающими из орбит глазами приготовилась нанести противнице очередной удар. Подняв над головой весло, ставшее орудием мести, она собралась опустить его на голову Берты, которая цепко держалась за края лодки и ни за что не хотела разжать рук.

Лишь теперь Берта поняла, какая опасность нависла над ее головой, поняла, что Умман совершенно неожиданно превратилась в беспощадного врага. Приподнявшись над водой, она, обливаясь слезами, пыталась выяснить, что же такое происходит. Посмотрела на Умман сквозь пелену слез.

- Почему ты так поступаешь со мной, Умман?- захлебываясь от плача, вопрошала Берта.

- А что же мне еще остается делать, если ты, иностранная сука, вырвала мою судьбу из рук и увела?- с болью в голосе ответила Умман на вопрос Берты. Потом ненавидящим взглядом посмотрела на Берту, которая все еще висла на краю лодки, словно хотела силой своего взгляда убрать ее куда подальше. - Знаешь что, ты, баба, не делай вид, что ничего не видишь и не замечаешь, не строй из себя дурочку. Неужели тебе неизвестно, что ты увела моего парня, которого я столько лет любила и ждала, и теперь живешь с ним, как ни в чем не бывало? Еще как знаешь. В ауле нет ничего тайного, здесь все всё знают, так что и ты не могла не знать, ведь в этом же ауле живешь...

- Я ничего, совершенно ничего не знала, - боясь утонуть, дрожащим голосом произнесла Берта. В душе же пожалела,

что вовремя не раскусила Умман, не поняла, насколько она коварна. Говорят же: “Пятна зверя видны снаружи, человек свои пятна скрывает внутри”

Да, до Берты доходили слухи, что когда-то в юности Умман, как и некоторые другие девушки аула была влюблена в Балкана. Но она относилась к этому спокойно: “Мало ли в кого мы влюбляемся в юности, а судьба потом все по-своему решает. Ведь и меня с Балканом свела именно судьба”, не обращала на такие разговоры никакого внимания и очень быстро забывала о них.

- А если не знала, то знай теперь. Нам с тобой, баба, двоим здесь места нет,- при этих словах голос дрожащей Умман был особенно угрожающим. - Либо ты уберешься отсюда, либо мне придется и тебя, и себя утопить, отдать на волю волн...

Теперь уже Берте все стало ясно. Собственно, ничего непонятного не осталось. Ревность, соперничество, унижение... подхватили Умман и разбудили в ней доселе с трудом скрываемую жестокую мстительность.

Не оставалось никаких сомнений в том, что Умман без тени сожаления утопит Берту в море. Никогда еще она не была так страшна в своем гневе, глаза ее готовы были выскочить из орбит.

Чем больше стояла Берта в воде, тем больше теряла сил. Она понимала, если нырнет еще раз, вряд ли у нее хватит сил вынырнуть, поэтому стала плакать и умолять:

- Если хочешь, я уйду... уйду без оглядки, только не топи меня. Я ведь ношу под сердцем еще одного ребенка...

- Смотри, если ты не сдержишь слова, я расправлюсь с тобой без капли сожаления...

- Нет, я уйду, уйду навсегда. Проводи меня. Проводи,

и я уйду!

Испуганная насмерть Берта плакала и просила пощады, она готова была на все, лишь бы спасти своего еще не родившегося ребенка. Умман поверила ей.

Когда с наступлением темноты лодка прибилась к берегу, промокшая насквозь Берта, сжавшись от страха в комочек, сидела в одном ее конце, укрывшись рыболовецкой сетью, которая так и не была использована по назначению.

Оставив ее в укромном месте на берегу, Умман поспешила в сельсовет. Ширван все еще сидел на своем рабочем месте, был занят каким-то делом. Увидев на пороге племянницу, подумал, что она, уходя с работы вечером, вероятно, что-то забыла и вот теперь вернулась за этим. Умман с порога попросила дядю написать своему знакомому Алибеку ага, работавшему в Красноводском порту, записку: “Постарайся помочь этому человеку!”. Когда дядя спросил, зачем ей такая записка, она сказала, что какая-то ее знакомая потеряла в городе документы и не может уехать в Баку, а она обещала ей помочь, сказав, что там работает ее дядя, который сможет выручить ее. По словам Умман, сейчас эта знакомая срочно приплыла сюда на каком-то судне и сидит у нее дома, ждет этого письма, она напонила дяде, как важно на этом письме поставить печать. Стараясь не показывать своего волнения, говорила она сбивчиво, маловразумительно. Потом она и сама что-то торопливо написала, велела дяде поставить печать и быстро ушла. Ширван видел, как она мчится к морю, и глядя ей вслед, думал: “У этой бесстыжей никакого страха нет, смотри, как она носится среди ночи”.

Когда две молодые женщины ушли в море и вовремя не вернулись домой, первыми в ауле заволновалась их близкая родня. В такие минуты в голову не приходит ничего

хорошего, наверняка случилось непоправимое, в противном случае они уже давно должны были быть дома.

Отага вместе с матерью Умман и еще несколькими односельчанками стояли у моря, вглядываясь в темную даль. У некоторых еще теплилась крохотная надежда: а вдруг они сейчас откуда-нибудь появятся? В эти минуты никому и в голову не могло придти, что Умман решила расправиться с Бертой, поэтому и затеяла всю эту страшную игру.

Да ничего иного и думать не могли люди, ведь все они знали, что Умман и Берта так дружны, что их водой не разольешь, разве тогда мог хоть кто-нибудь подумать, что эта дружба примет такой оборот. И сейчас переживавшие на берегу люди говорили: “Что бы ни случилось, они обе пострадали, если вдруг и покажутся откуда-то, то покажутся вдвоем”.

На следующее утро, как только рассвело и стали видны очертания моря, несколько сельских жителей отправились на поиски пропавших, они сели в свои лодки и спешно поплыли к тем местам, где обычно ставились сети. Лишь к полудню вернулись они на берег и принесли с собой одну туфлю Берты, попавшую в чьи-то сети. В этих красивых туфлях она приехала сюда со своей родины.

В тот же день судно островного аула, отправленное в Красноводск для сообщения о случившемся на работу Балкана, возвращаясь обратно, издалека заметило болтающуюся в море лодку без людей. Когда же они приблизились к ней, подумав, что она отвязалась и уплыла в море, и решили отбуксировать ее назад, то увидели лежащую на ее дне совершенно выбившуюся из сил Умман.

Умман привезли в аул, отпоили ее чаем и когда она пришла в себя, стали расспрашивать о случившемся.

Заливаясь слезами, девушка на все вопросы отвечала односложно.

- А где невестка Отаги?
- Ночью лодка зацепилась за корягу и дала крен.
- А что случилось с Бертой?
- Она утонула. Я не смогла ее спасти...

Сельские жители стали вспоминать, что через три дня утопленник, когда лопается его желчный пузырь, всплывает наверх. Потом они еще несколько дней искали в море Берту. Но все их поиски оказались безрезультатными. Ни через три, ни через десять дней, ни через двадцать так никто и не увидел трупа Берты. Вернувшись с рейса, Балкан еще несколько дней мотался по морю в поисках своей любимой.

Когда он вернулся, Умман, уже несколько дней ничего не евшая и не пившая и окаменевшая от горя, увидев его, закрыла лицо руками и зарыдала в голос: “Вай, опозорилась я!”, но посмотреть прямо в глаза Балкану не отважилась.

Балкан поверил словам Умман, потому что и сам знал, что в море всякое случается, и человеку неопытному, как Берта, непросто справиться с ситуацией, когда переворачивается лодка. Он долго горевал и носил по Берте траур. А его мать Отага, прижимая к сердцу осиротевшего внука, плакала: “Хоть она и немка, но невесткой была замечательной, не хуже туркменок. Вах, она ведь унесла с собой и еще не родившегося ребенка...”

Постепенно потрясая всех история с утонувшей беременной немкой стала забываться. В один из таких дней Ширван ага оказался в Красноводске и встретил там своего знакомого Алибека ага. Старые друзья обрадовались встрече. И тогда Алибек ага сказал: “Брат, я ведь выполнил ту твою просьбу!”. Ширван никак не мог вспомнить, о чем же

он просил друга, и сам этому удивлялся. И все же подумав немного, вспомнил о том письме, которое дал племяннице.

- Посадил на паром. И денег немного дал. Назвал ей адреса знакомых, которые помогут ей, когда она попадет в Баку...

А когда Алибек ага сказал: “Хоть она и русская женщина, свой язык не очень-то хорошо знает, и имя у нее какое-то странное, не то Герта, не то Берта, на имена армянок похоже, к тому же она оказалась беременна, посмотришь на нее и жалко становится”, Ширван сразу же понял, о ком речь. Внутри у него все закипело от ярости. Отсчитав тридцатки, он с избытком вернул Алибеку ага деньги, которые тот дал женщине, поблагодарил его за оказанную помощь. После чего спешно распрощался с ним, словно боялся, что если он задержится, кто-то может раскрыть эту тайну.

В те дни, когда Ширван вернулся из Красноводска, Умман после выхода замуж за Балкана только что стала ходить на работу. Просидев несколько дней на мягкой подстилке в доме Отаги в качестве гелин, она не выходила на улицу, не видела солнца, поэтому была бледна, как женщина после только что прошедших трудных родов.

Не заходя домой, Ширван сразу же отправился на работу, увидев сидящую там Умман, резко захлопнул дверь и запер ее изнутри. Затем, скрежеща зубами, вцепился руками в глотку Умман.

- Нет, тебя не моя сестра родила. Тебя вообще не женщина родила! Да разве нормальному человеку могло придти в голову то, что ты натворила? Не зря говорили, что у тебя есть кто-то в Хиве, кто торгует людьми. Видно, и ты пошла в этого старого хищника!- кричал он, себя не помня. Ему хотелось придушить племянницу, которая пыталась

вырваться из его сильных рук. Потом он заставил ее во всех подробностях рассказать о случившемся.

Ширван хотел тогда немедленно рассказать обо всем людям. Потом подумал и понял, что вся эта история и для него самого может кончиться тюрьмой, ведь это он просил Алибека ага помочь и написал письмо. Как начнут прокуроры раскручивать эту историю, иди потом, отмойся. А как после этого смотреть в глаза Балкану и другим людям? Понятно ведь, что он не сможет жить с таким клеймом. Все эти мысли и заставили тогда Ширвана отказаться от своего намерения придать эту историю огласке.

Вот так Ширван и Умман, дядя и племянница, стали сообщниками и вынуждены были до конца дней носить в душе этот тяжкий грех, мучаться и хранить страшную тайну.

Спрятав лицо за черным покрывалом ночи, Ширван, не поднимая головы, все говорил и говорил до хрипоты, временами делая глоток чая из стоящей рядом пиалы, говорил, пытаясь унять волнение, и все разматывал и разматывал клубок тайны того далекого происшествия.

Пару раз Балкан приподнимался с места и произносил: “Почему же так?..”, но Ширван останавливал его: “Погоди, Балкан, дай договорить, я слишком долго ждал этого момента”. Отмахиваясь руками, он предупреждал все вопросы старика.

Но потом Балкан и не пытался что-то сказать, потому что и без того все очень скоро стало понятным. Тяжелые чувства, охватившие старика от рассказанной Ширваном неожиданной истории, не давали ему слова вымолвить, его душили слезы. Старый Балкан сидел на постели и, стиснув зубы, слушал собеседника и не верил ушам своим.

... Берта уже очень давно была с ним, а в этот раз она подошла к нему совсем близко, он даже ощутил ее знакомое теплое дыхание, оно опалило его лицо, так бывало всякий раз, когда Берта оказывалась в его объятьях. И снова у самого уха старика зазвучал такой родной, чуть с хрипотцой женский голос, шептавший:

- Мой любимый комбат, что же делать, если так случилось? Видно, не судьба нам с тобой вместе жить и стариться, воспитывать детей и радоваться внукам и правнукам... Я ушла... вынуждена была уйти, я ушла, чтобы спасти твоего ребенка...

Старик вдруг вспомнил давнее поведение Умман, которое тогда казалось ему странным и непонятным. Временами она хватала на руки маленького Эльмана, прижимала к груди, целовала, а потом начинала плакать. Тогда Балкан думал: "Она опять вспомнила подругу и расстроилась... они ведь так дружны были, так любили друг друга..." Потом он стал думать о том, что Умман, забеременев, каждый раз ждала сына, но Бог не давал ей его, она рожала дочерей, видно, это ей была расплата за совершенный грех, такое могут только люди простить, но Бог никогда не прощает.

Рано утром Ширван вышел из дома по нужде, а когда вернулся, увидел, что Балкан все еще неподвижно сидит на своей постели, и вид у него был такой, словно он упал с лошади и повредил голову.

* * *

Вышло опять по поговорке: "Если нужно больному для лечения, то и зимой найдется арбуз полосатый". Парни, поднятые на ноги внуком Ширвана, перед самым полуднем

выловили тюленя, за которым столько времени гонялся старик, положили его в лодку и орущего привезли в село.

Когда старик подошел к своей готовой к отплытию лодке, в ней уже черной горой высился тюлень, в нескольких местах обмотанный веревками и привязанный к лодке. Он дергался, пытаясь сорвать с себя пожелтевшие веревки, временами, словно чувствуя приближение конца, начинал орать, как бык, к горлу которого приставлен нож.

Со своим родным аулом старик распрощался грустно и совсем без настроения. Только что, проходя мимо, обратил внимание, как накренился к воде каменный дуكان, он стал похожим на меня, подумалось старику. Вид у строения был такой, словно оно вот-вот опрокинется и упадет в воду, отчего старик расстроился еще больше.

После ночного рассказа Ширвана он все еще не мог прийти в себя, ему никак не удавалось собрать воедино мысли, родившиеся этой ночью, когда он узнал так много нового и страшного.

Вместе с парнями, рано утром вышедшими в море и добывшими для него тюленя, на пристань пришли и их родственники, прослышавшие о его приезде, пришли, чтобы поздороваться, справиться о здоровье. Прощаясь с ними, старик растрогался до слез.

Лица большинства собравшихся на берегу людей были знакомы старику, некоторые из них даже бывали у него в доме, чаевничали, угощались вкусными обедами Умман эне. Но старик не знал имен многих из них, а если и называл кого-то по имени, оказывалось, что это имя либо отца, либо старшего брата того человека. Как и сам старик, состарилась и его память, она теперь мало что хранила в своих закромах.

Многие по-своему восприняли состояние старика, они думали, что старик расстраивается из-за того, что ему вряд ли удастся еще хотя бы раз побывать в родном селе, что сейчас он прощается с ним и его жителями навсегда. Ни одному из тех, кто сейчас окружал старика, неведомо было, что капкан, поставленный много-много лет назад, захлопнулся именно сегодня. Правда, и сам старик, пытаясь осмыслить услышанное, все никак не мог понять, как такое могло случиться, не мог поверить в это.

Говорят, “Конь и человек бегут от того места, где их напугали”. Придя на берег моря, старик и сам не захотел долго задерживаться здесь. Он знал, что здесь его душе теперь не будет покоя, он чувствовал: чем больше здесь стоит, тем сильнее разгорается внутри него пожар, как будто кто-то ворошит горящие угольки. Понял, что буря, поднятая в его душе прошлой ночью, не скоро уляжется.

Кивком головы попрощавшись с собравшимися людьми, старик сел в лодку и прошел к рубке. Вокруг лодки в разные стороны кругами расходились мелкие волны. Лодку подтолкнули, она отошла немного от берега и, когда заработал мотор, взревел закружилась на месте, напоминая взбешенную рычащую собаку, на которую, нечаянно наступили во время ее спокойного сна.

Некоторое время старик, словно спасаясь от нагоняющего его врага, гнал лодку в неизвестном направлении, совершенно не соображая, куда плывет.

И сейчас в его голове перепутались и тлели вызванные ночным рассказом мысли о Берте, Умман, Ширване.

Берта была рядом с ним, она не уходила отсюда с тех пор, как появилась из-за вчерашнего печального рассказа. Вот и сейчас она сидела, опустив голову на плечо старика,

а старик, обняв ее за плечи, ощущал себя совершенно счастливым...

Чтобы быть счастливым, бедному человеку не так уж и много надо, потом он бывает доволен и радостен, даже если ему удастся найти крохотную частичку утерянного счастья. Сейчас для старика наступил именно такой момент.

И хотя было ясно, что после той трагедии для него навсегда закончились женские ласки Берты, сейчас, выслушав Ширвана, Балкан очень обрадовался тому, что она, возможно, жива, хоть он и думал о ней как о давно ушедшей из жизни.

“Берта, Берта... Моя Берта. Оказывается, ты жива. Где же ты теперь, любимая, может, и наш ребенок жив? Берта...” - мысли его были отрывисты, но в них уже появились проблески надежды.

В какой-то момент, забыв о жестокости Ширвана и его племянницы Умман по отношению к нему и Берте, он даже был искренне благодарен им за то, что Берта осталась жива.

Но сколько ни думал старик, никак не мог понять, почему события приобрели такой оборот, и вообще, как такое могло случиться, что его самого затянули в сети, а он до сих пор жил, ничего этого не зная и не чувствуя.

Старик снова поверил, что Берта сидит рядом с ним, что дующий с моря ветерок, обдавая лицо солеными брызгами, ласково треплет ее рассыпанные по плечам шелковые локоны. Ему захотелось навсегда остаться с Бертой в этом счастливом мгновении.

Когда, наконец, туман в голове рассеялся и мысли приобрели четкие очертания, старик увидел, что плывет не в сторону Красноводска, а туда, куда огромное судно увезло Берту, заставив всех вокруг горевать и искать ее. Он понял,

что плывет в сторону Баку. Старик выключил двигатель катера, остановил его. Когда он пришел в себя, Берты уже не было рядом с ним... Подставив ветру волосы, она сейчас находилась на палубе удаляющегося высокого корабля, увозившего ее от туркменских берегов. Она все время оглядывалась назад, в глазах ее стояли слезы, и она была так несчастна сейчас...

Мысленно попрощавшись с Бертой, старик включил мотор и развернул лодку в другую сторону, взял курс на юго-восток - домой.

Солнце близилось к зениту, оно уже светило прямо в лицо старика, а лодка, будто убегая от погони, разбрызгивая воду, стремительно неслась вперед. Щедро раскинутое солнцем золотистое бархатное покрывало, переливаясь всеми цветами радуги, наводило вокруг себя красоту. Казалось, что катер с тяжелым тюленем на борту то стремительно несется, разрывая водяную гладь, то, если оглянуться назад, кажется, что, намотав море на свой нос и комкая его, лодка тянет-потягивает его за собой.

Связанный на дне лодки тюлень, страдая от неволи, время от времени дергался всей своей тушей и издавал громкие хрипы, словно призывая кого-нибудь на помощь.

Ребята-односельчане предусмотрели все. Зная, что путь предстоит неблизкий, во избежание неприятностей с тюленем, который мог вырваться из пут и устроить старику настоящее представление, накрепко обмотали его веревками, концы которых связали тугим узлом и закрепили на бортах лодки, так что несчастный тюлень не мог даже пошевелиться, ему только оставили возможность чуть приподнять голову и дышать воздухом. Разглядывая тюленя, старик посидел немного, раздумывая о том, что односельчане дело свое

сделали отлично, что они сделали все возможное для того, чтобы излечить свою родственницу Умман эне. Старик остался доволен и в душе был благодарен этим ребятам.

Когда мотор лодки снова мерно загудел, тюлень успокоился и притих. Может, ровный звук работающего двигателя убаюкал животное. А может, оно потеряло сознание. Кто знает, может, омываемый солеными брызгами моря и овеваемый прохладными струями ветра, он вновь почувствовал себя в объятиях моря, и это приятное чувство успокоило его.

Старик подумал о том, что без посторонней помощи сам бы он, конечно, ни за что не смог отловить тюленя, а если бы и поймал, как бы он его перетащил в лодку? Разве что тюлень сам бы запрыгнул в нее, улегся на дне и ждал, когда его свяжут. Старик представил все это и посмеялся над тем, как он пытался самостоятельно решить эту проблему и пошел на такой риск. Потом он с удовольствием вспомнил один случай, запомнившийся ему в молодые годы, после которого в ауле все стали с издевкой рассказывать, как “Керхан ловил тюленя”.

В тот раз рыбак Керхан откуда-то возвращался и по пути наткнулся на брачные игры тюленей. Видит он, как черные тюлени проплывают то с одной, то с другой стороны его лодки, чуть ли не касаются ее, схватываются друг с другом, совсем как пальваны на ринге на туркменских свадьбах, шумно играют в любовные игры.

По поведению тюленей рыбак догадался, что оказался в центре тюленьих брачных игр. Зная, чем это обычно кончается, он поспешил убраться с этого места. Он знал, что в обычное время тюлени неопасны для человека, но в период брачных игр, когда кровь ударяет в голову, они становятся

буйными и свою избранницу-тюлениху могут приревновать не только к себе подобным, но даже к морским волнам, а также к любому встреченному на их пути человеку, а потому всегда готовы схватиться со своим противником, наброситься на него.

Видя, что происходит, рыбак Керхан понял, что ему не стоит задерживаться в этом месте, он быстро включил мотор своей лодки и стал удирать. И что вы думаете? Вокруг него шла настоящая схватка, озверевшие тюлени как пули выскакивали из воды и высоко подпрыгивали над ней. Так вот один из таких прыгунов с неба свалился прямо в лодку рыбака. Вот тебе и раз! Видит Керхан, прямо напротив него лежит, усами шевеля, громадная черная самка и смотрит на него хищным взглядом.

Вначале рыбак подумал: “Когда черная сестра поймет, что я человек, а не ей подобное животное, выпрыгнет из лодки и уйдет в море”. Однако, видит он, время идет, а ничего не меняется. Напротив, тюлениха словно к себе домой попала, чешет спину о доски устроенной в центре катера лавки и смотрит на старика с довольным видом: “Вот это здорово, наконец-то я попала к себе домой!” - и все больше успокаивается.

Старик и после не знал, как же ему благополучно избавиться от этой непрошеной гостьи. Сидит, говорит, зверюга, опершись на борт лодки и всем своим видом показывает: “Делай, что хочешь, а я отсюда никуда не уйду. Я теперь твоя невеста, забирай меня с собой!” Да еще, говорит, время от времени лает и подвывает, как собака, в чем-то упрекает его.

Решив, что тюлень не знает, как выбраться из лодки, он перестал плыть, замедлил ход лодки. Ему казалось, что

окружающие лодку боковые волны удобны для того, чтобы тюлень мог выскользнуть из неволи. Но тюлень посчитал иначе, ему было неудобно выбираться из своего заточения, поэтому рыбаку опять не удалось избавиться от этого несчастного животного.

Поскольку тюлень вел себя как хозяин лодки, рыбак даже начал побаиваться его. “С чем только человек не столкнется в жизни... Ай, это ведь животное, вырванное из брачных игр, наверняка, у него голова кругом идет... Эх, жаль, что я не взял с собой водки, сейчас дал бы ей стаканчик, она быстро пришла бы в себя...” - смеясь над создавшейся ситуацией, с издевкой думал рыбак. “Неизвестно, что у пьяного на уме, как бы этот тюлень не набросился на меня”, - подумал рыбак и одной рукой пододвинул поближе к себе острые вилы, которыми он накалывал рыбу, чтобы, если возникнет необходимость, обороняться ими.

Потом рыбак вспомнил поговорку: “Если туркмена не ткнуть, он не почувствует” и подумал, что в этом вопросе туркменские тюлени скорее всего похожи на него самого. Находясь в открытом море наедине с тюленем и окруженный громадой воды, он решил переговорить с тюленем и добиться взаимного согласия.

- Черная сестра, ты что, так и будешь сидеть возле меня?

- А что же ты остановился, плыл бы дальше. Смотри, какой приятный ветер дует со стороны пустыни, я очень люблю его запахи, смешанные с запахами моря.

- А может, ты уже прибыла на место?

- Да надоел ты мне, дай еще немного подышать этим сладким воздухом...

Видя, что такими обычными словами никак не

повлиять на собеседника, рыбак вспомнил поговорку: “Если не понимает прямых слов, возьми и польсти”, зная, что никто не может устоять против похвалы, пошел на хитрость, начал нахваливать своего собеседника. Он говорил о том, что тюлени - очень красивые, обласканные Богом животные, что они являются украшением моря, что люди, встречаясь с тюленями, всегда восклицают вслед им: “Эх, если бы и я был тюленем, я бы вместе с ними уплыл!” - и жалеют о том, что не могут плавать так же красиво, как они. В этом месте монолога тюлень встрепнулся, нахмурился, давая понять, что он не очень-то любит неприкрытую лесть.

- А когда они на берегу лежат и греются на солнышке, то напоминают людям загорающих красивых женщин. И вот тогда... - рыбак хотел было сказать: “Если хочешь увидеть черную гелин”, но подумал, а вдруг его спутнице не понравится слово “черная” и она обидится, и все его старания пойдут насмарку. - И вот тогда тебе хочется сказать “Здравствуй, милая” и растянуться рядом с ней.

Но вскоре стало еще яснее, что тюлень не любит лести, он вздрогнул всем своим туловищем, словно говоря: “Зачем ты так, человек, или ты меня за себя принимаешь?”, выпучил глаза и замотал головой, а потом и вовсе заревел.

Только после этого рыбак понял, что не зря он так старался, подействовали такие его слова на тюленя, и очень обрадовался. А тем временем тюлень, раздосадованный поведением человека, вымолвил: “Да ну тебя, человек, что за характер такой, нельзя с тобой дружить”, и с недовольным видом выпрыгнул из лодки.

Керхан быстренько включил мотор лодки и поспешил обратиться с этого места.

Глядя на лежащего перед ним тюленя, старик думал

о том, что люди обычно вспоминают какие-то случаи, когда сами оказываются в подобной ситуации, ему казалось, что сейчас он и сам похож на рыбака Керхана, который прихватил с тюленьей свадьбы попутчицу и вместе с ней плывет в одной лодке.

После этого случая Керхан ага всем, кто выходил в море, шутливо наказывал: “Если увидите мою черную гелин, передавайте привет, скажите, что я привожу в порядок лодку, чтобы поплыть за ней”. Он любил подшутить над собой.

Старик подумал: “А может, это та самая черная енге, привыкшая кататься в лодке?” и стал пристально всматриваться в лежавшего перед ним тюленя, словно надеясь узнать в нем знакомого. Но тут же подумал, что рассказ-то этот слышал вон сколько лет назад, что тюлени вряд ли столько живут, что тот тюлень может жить только в воспоминаниях людей, потому что он встретился рыбаку Керхану.

Старик еще какое-то время плыл по морю, постепенно прибавляя скорость, отчего его лодка стала похожей на огромную птицу, готовую вот-вот взлететь. В какой-то момент он почувствовал, как на глаза набегают слезы, а сам он теряет силы. Он решил, что это от голода, потому что у него и раньше так бывало, когда чувство голода сопровождалось слабостью и головокружением. Со вчерашнего вечера, после ужина у Ширвана, он крохи во рту не держал. Ширван и на завтрак накрыл обильный стол, но после услышанного вчерашней ночью у него совершенно не было аппетита, он только пиалу чая выпил.

Он подумал о том, что в его возрасте ему удастся держаться на плаву только благодаря своевременному питанию и нормальному сну.

Лодка покачнулась, словно кто-то сзади повис на ней, и остановилась. Старик молча подвинул к себе мешок с едой, прислоненный к борту лодки и первым делом, ни на что не обращая внимания, вытянул оттуда термос со свежезаваренным чаем, с которым он, отправляясь в дорогу, никогда не расставался, первую пиалу чая он пил, обжигая губы, маленькими глотками. Сделав несколько глотков, поставил пиалу возле левой ноги, чтобы и достать было удобнее, и чтобы чай не расплескался, если вдруг тюлень надумает пошевелиться или же лодка качнется. Сунув руку в вещмешок во второй раз, достал оттуда кусок лепешки, разломал ее надвое и сунул в пиалу, чтобы хлеб стал мягче и податливее для его стариковских зубов. Дети Ширвана чего только не наложили в его вещмешок, на его дне стояла трехлитровая банка, доверху наполненная черной икрой, кроме того, там же находился нарезанный на куски аппетитный, янтарного цвета балык. Старик подумал про себя: “Здесь не меньше четырех-пяти кило, куда столько рыбы положили, как-будто я никогда ее не видел или жил вдали от моря”. Он взял всего понемногу и приступил к еде.

Поставив банку с икрой между ног, он щедро накладывал ее на куски смоченной в чае лепешки и с аппетитом отправлял в рот. Когда-то в давние времена в ауле икру советовали есть только что женившимся молодым парням, чтобы их жены и в старости с удовольствием вспоминали те счастливые дни и говорили: “Да, отец, силы в тебе тогда немерено было, покоя от тебя не было, ну прямо как молодой жеребец набрасывался...”

Отрезая перочинным ножиком небольшие кусочки, тщательно прожевывая, не спеша поел он и немного балыка - в меру соленой и хорошо прокопченной красной рыбы,

отметив про себя, что вкус у нее точно такой же, как когда-то получался у матери, мастерицы солить и коптить рыбу. “Оказывается, в ауле и до сих пор есть люди, которые умеют так хорошо готовить рыбу, совсем как моя мама”,- подумал он. Умман мама тоже иногда занималась этим, для этого у нее было небольшое специально оборудованное помещение, пристроенное сыном рядом с домом, там она разделявала рыбу на пласты, развешивала на крюках для просушки и подвяливания, а уже потом коптила. Правда, в последнее время приготовленная таким способом рыба была старику не очень по душе, ему казалось, что в ней соли больше, чем надо. Старик каждый раз говорил жене: “Жена, следи за солью, не переложи”, но все равно ничего не менялось, при копчении она по-прежнему пересаливала рыбу.

Правда, в прежние времена, когда еще с удовольствием пили водку да пиво, соленья рыба была очень кстати, ему и самому она нравилась.

Чем старше становится человек, тем больше меняются не только его внешность и привычки, но и пищевые пристрастия. Года четыре-пять назад он как-то раз упрекнул Умман мама: “Почему бы тебе, когда коптишь рыбу, не готовить ее малосольной, как мама делала?”, на что она возразила: “Оттого, что тебе не нравится приготовленная мною рыба, это не значит, что ее отвергают и твои дети и внуки, жена внука Аман джана, когда тот едет в город, всегда наказывает: “Привези оттуда соленья рыбки, как твоя бабушка готовит!”,- с гордостью говорила она, подчеркивая свою правоту, и эти ее слова можно было понимать так: “Ты все еще хочешь иметь рыбу по своему вкусу?”

Каждый раз, когда в любом вопросе делалась ссылка на детей, старику не оставалось ничего другого, как признать,

что Умман мама относится к числу женщин, умеющих лучше всех солить и коптить рыбу.

Старик ел неторопливо, ни на что не отвлекаясь и только глядя на лежащего в лодке тюленя. Постепенно насыщаясь, он чувствовал, как силы возвращаются к нему. Он ел и боялся, как бы его не сморил сон, потому что знал, что всегда после обеда ему хочется спать. Тюлень тоже, видать, вымотался, где это видано, чтобы его столько мучали, вытянувшись на дне лодки, он лежал тихо. Мотор был выключен, ему была приятна тишина, ведь он привык жить в толще море, где нет посторонних звуков.

Наевшись, старик убрал в сумку банку с икрой, хлеб и перочинный нож. В термосе оставалось совсем немного чаю, старик подумал, что, если он выпьет его сейчас, потом, когда захочет пить, у него ничего не будет, поэтому решил сейчас обойтись без жидкости. Сделав аминь, он вымыл руки и стал вытирать их. И опять его внимание переключилось на окружение. Море сейчас было похоже на любящую бабушку, посадившую внука на колени и качающую его из стороны в сторону, мысленно благодаря Создателя за то, что Он даровал ей такое счастье.

После аппетитной еды старик почувствовал, что зрение его стало как будто острее, да и сам окреп. Он был доволен своим состоянием: “Говорят же старики: один раз наестся - немного разбогатеть”. Теперь можно было опять заводить мотор и мчаться домой, чтобы поскорее добраться до Умман эне, которая, наверно, все глаза проглядела, дожидаясь его. По подсчетам старика, при непрерывной езде пути оставалось на два-два с половиной часа. Исходя из этих расчетов, лодка, похожая на выведенного из загона коня и отправившегося в дальнюю дорогу, где-то после полудня,

ближе к вечеру, доберется до родных берегов.

Как только катер тронулся с места, снова появилась Берта и заняла свое место рядом со стариком. Сейчас он был похож на давнего молодого человека, усадившего в лодку свою юную гелин и отправившегося с ней на морскую прогулку: “Посмотри, какое у нас замечательное море, здесь настоящий рай!”, - с гордостью говорил он ей.

Берта уже давно была здесь, когда старик притормозил лодку, чтобы перекусить, она, давая ему возможность спокойно поесть, легонько вспорхнула со своего места и, едва касаясь ногами лодки, словно порхая, разместилась перед ним. Пока старик обедал, она сидела перед ним на поперечной скамейке, опустив вниз похожий на белую пену подол просторного платья. Она не спускала с него жадных глаз, разговаривала с ним взглядом:

- Ты проголодался, родной мой комбат?
- Я плохо переношу голод, ты ведь это знаешь...
- Что касается любви, ты также всегда был голоден...
- Надо же, что она вспомнила! А как же можно быть сытым, когда рядом с тобой такая сладкая женщина!
- Вкусная у тебя еда?
- Вкусно, вот бы еще зубы крепкие, чтобы пережевывать ее.
- Ты всегда радовал меня тем, что с удовольствием ел все, что я готовила...
- Да, это было счастье, есть из твоих рук, ты ведь умела замешивать пищу на любви своей. Что может быть вкуснее такой еды?

Сидя перед тюленем, они вели задушевную беседу, какая бывает между любящими мужем и женой. И все же какая-то часть мыслей старика была о другом, они уводили

его к другому разговору, возникшему много лет назад...

- Любимая моя, сколько же тебе пришлось вынести! Думаю, что ты, как и я, постарела, тебе, как и мне, осталось, как старому Героглы*, только доползти до пещеры горы Йылдыз (Звездной), вряд ли тебя возможно узнать, лично я напоминаю старика из сказки Пушкина, который сидит со старухой своей у моря... Думаю, что и ты сильно изменилась, наверняка, стала похожа на своего крутолобого отца с портрета на стене, девочки чаще всего бывают похожими на отцов. У нас есть поверье: если девочка похожа на отца, а мальчик на дядю, это к добру. Не зря ведь бабушка твоя все время подчеркивала, что ты папина дочь. И твой Эльман временами так сильно напоминает тебя, особенно взгляд у него твой. А куда денешься, ведь он твой ребенок. А как мой ребенок, которого ты унесла с собой в животе? Если родился мальчик, он должен быть похож на старшего брата Эльмана, а если девочка, она должна быть красива, как все дети-полукровки, ну и еще, быть может, немного на меня похожа. Может, и она глазами, статью своей тебе напоминает меня...

У меня есть и еще две родные дочери, они тоже очень красивы и стройны, старшая из них похожа на мать, а про младшую говорят: если бы она родилась пацаном, была бы точной копией своего отца.

...Счастье мое, для меня главное, что ты осталась жива. Разве это не счастье - узнать, что ты где-то есть? Господь сохранил тебе жизнь, сберег тебя, может, Он и мою кровиночку оставил жить. Иногда я думаю, что Бог все же не так и плохо ко мне относится.

Одно мне непонятно. Если ты есть на этом свете и

* Героглы - богатырь из туркменского эпоса "Героглы".

знаешь, где мы находимся, почему ни разу не дала о себе знать? Могла бы что-нибудь придумать... Кто знает, может, и не могла...

Наверно, ты вышла замуж и хорошо устроена в жизни, дай-то Бог. Ты достойна лучшей доли, моя любимая Берта... Вот только на нас в душе у тебя осталась обида... Теперь я это знаю, вот только слишком поздно об этом узнал...

На этот раз старика вывел из оцепенения тюлень, до того лежавший неподвижно. Он неожиданно задержался, будто испугался чего-то, и начал пронзительно кричать и в крике этом слышалось: “Вай, умираю!” Он прилагал все силы, чтобы вырваться из опутавших его веревок, дергался, крутился на месте, стучал о дно лодки, так что казалось, что лодка не выдержит такого натиска, перевернется. Старик не сразу понял, что же произошло, он только видел, что что-то происходит. Поведение тюленя говорило о том, что он только сейчас понял, что по-настоящему пленен, и ужаснулся этому. Он бился головой об лодку, словно решил размолотить ее и отомстить за то, что он не сразу догадался о происшедшем.

Чтобы разобраться, что происходит, старик вынужден был сбросить скорость, которую лодка только-только набрала и пошла ровным ходом. Он никак не мог сообразить, что стало причиной переполоха, устроенного тюленем. До сих пор он всю дорогу в душе благодарил парней из своего аула, которые выполнили его просьбу, но теперь упрекнул их:

- Ну что за люди, можно ведь было и маленького тюленя поймать, а не такого огромного, ведь это животное по размерам небольшому бычку не уступит,- растерянно думал он.

Что бы там ни было, главное, решил старик, не дать тюленю перевернуть лодку. Надо было как-то сохранить ее

равновесие. Он поднял весла и на всякий случай закрепил их на своих местах. Пододвинул к себе палку с крюком на конце, чтобы утихомирить ею тюленя в случае, если он опять начнет сходить с ума и накренит лодку.

Старик чувствовал, что тюлень неспроста так оживился, что-то на него подействовало, а вот что именно, понять не мог никак. Судя по поведению тюленя, старик решил, что он припадочный, и что сейчас у него случился очередной приступ бешенства, вот только неизвестно, что его спровоцировало. Когда он лежал неподвижно, то был похож на огромного усатого младенца, завернутого в пеленки.

Потом он вспомнил, что в народе тюленей чаще всего называют морскими собаками, что это название они получили из-за своего сходства с собаками, как внешнего, так и повадками. А раз так, то все отличительные черты обычных собак должны быть присущи и морским, решил старик. Например, сельские собаки совершенно не выносят солнца, в жаркие дни они так и ищут, куда бы спрятать свою голову, мечутся в поисках тени.

- Видно, и это чудище не выносит жары, конечно, если лежать раздетым, как он, можно и сгореть на солнце,- думал он, зная, что осенний зной бывает особенно беспощадным.

Старик понял, что он должен помочь тюленю. Черпая чайником-тунче воду из моря, он стал обильно поливать высохшую спину тюленя, веря, что это поможет успокоить его.

Но тюлень, похоже, решил во что бы то ни стало освободиться, обливание водой на него не подействовало, он все кричал и бился, пытаясь оборвать пожелтевшие веревки. Старик понял, что в аул он привезет исходящего в крике тюленя.

Внутри лодки образовалась лужица из смеси воды и крови. Когда лодка вдруг резко накренилась влево, старик перепугался не на шутку, мечущемуся тюленю удалось сместиться к левому борту лодки, и старику показалось: подвинься он чуть-чуть, и лодка начнет черпать прыгающие вокруг нее веселые волны, а потом и вовсе завалится набок. Чтобы хоть как-то удержать равновесие, старик первым делом сам переместился к правому краю лодки, потом туда же передвинул и сумку с провизией, которую держал между ног, поднял со дна пустую необшитую банку, которая болталась из стороны в сторону и тархтела, и установил ее между сдвинувшимся вбок тюленем и краем лодки, чтобы предупредить дальнейшие действия зверя, посмотрел по сторонам, ища взглядом, что бы такое еще поставить там. В самой лодке грудой возвышалась сеть, которую старик взял с собой, она напоминала горку дров, приготовленных для разведения костра. Старик пожалел, что не положил ее рядом с собой, тогда в случае необходимости ее можно было бы сразу достать, если бы она сейчас была под руками, можно было бы снять мотор лодки, завернуть его в сеть и спустить с правого борта, чтобы добиться равновесия. Но и без того небольшое равновесие было достигнуто, старик немного успокоился, ему уже не надо было снимать двигатель, заворачивать его в сеть и спускать с правого борта лодки.

Неожиданно взбунтовавшийся тюлень так же неожиданно и успокоился. “Наверно, понял, что таким образом ему ничего не добиться, или же сильно устал и выбился из сил мой черный брат, ну и дал же он мне прикурить!”- уже спокойно думал старик. Когда тревога улеглась, старик спокойно обошел тюленя и увидел, что во время своего безумства натянутые веревки врезались в его

тело и поранили его до крови. Кровила и голова тюленя, которой он совсем недавно с таким остервенением бился о дно лодки.

Старику стало жаль раненого зверя, он представил, что привезет его в таком виде домой, после чего и сам должен будет лишиться его жизни. Ему стало не по себе. Сочувствуя тюленю, стал ласково корить его:

- Ну зачем надо было так беситься, разве нельзя было вести себя спокойнее? Вон что со своей головой натворил, ты же бился башкой как ненормальный! Кажется, и глаз повредил, вон какая гематома под ним образовалась...

Старик осторожно, чтобы не побеспокоить, обошел тюленя сбоку, ему захотелось достать из носа лодки сеть и подсунуть ее под голову тюленя, чтобы ему, если он опять надумает биться головой, было помягче. Но, подумав, решил, что тюлень может по-своему расценить его попытки помочь ему и снова выйти из себя, поэтому отказался от своего намерения.

Размахивая веслами, как крыльями птицы, он стал потихоньку уходить с этого места.

После того, как обстановка несколько стабилизировалась, старик тоже успокоился, на него умиротворяюще действовал окружающий его простор. Он подумал о том, что охота на тюленя не такое уж и трудное дело, не труднее, чем ловить рыбу или охотиться на птицу, причем, несмотря на то, что он, как и женщины, время от времени начинает рычать и кусаться, все же всегда находится рядом с человеком, не отстает от него с сотворения мира, что, как бы ни складывались обстоятельства, человек никогда не отказывался от охоты и женщины, и правильно делал, а иначе он не смог бы обеспечить себе даже такую жизнь. Обо всем этом старик думал с благодарностью судьбе.

На море всегда хорошо думалось. Оно имело свойство заставлять вспоминать забытое, как человек, уехавший на отдых в дальние края, вдруг начинает вспоминать подзабытых знакомых и писать им оттуда ностальгические письма. Именно в такие минуты в памяти оживают давно забытые события и люди.

Разглядывая море, старик думал о том, что Господь Бог создал его таким таинственным, таким многозначительным для того, чтобы заставить людей, не так просто поддающихся воспитанию, задуматься о смысле жизни, помочь им понять окружающий их мир. Но сколько бы ни размышлял он, не мог поверить в то, что можно исправить потомков тех, кто был изгнан из рая и с самого начала не послушался Бога, пошел на поводу у женщины и стал вкушать недозволенный плод. Но как бы там ни было, на море старику было всегда комфортно и легко, в голову шли только хорошие мысли, они складывались в приятную мелодию и звучали в его душе.

Когда откуда-то сзади донесся знакомый голос тюленя, старик вздрогнул от неожиданности и сразу же забыл обо всем на свете. Он резко обернулся. Вот тебе раз, он увидел мордочки двух прелестных тюленьих детенышей, как две капли воды похожих друг на друга. Высунув головы из воды, они плыли рядом с лодкой. Только теперь старик понял причину недавнего беспокойства тюленя, пытавшегося разорвать свои путы. Тюлениха-мать учуяла близость своих деток, которые догнали лодку и плыли за ней след-в-след, ей хотелось разорвать эти пожелтевшие веревки и присоединиться к своим малышам.

После этого старик снова повернулся к лежавшей перед ним тюленихе-матери:

- Ну что ж ты сразу не сказала, черная подруга, что твоя малышня тебя сопровождает? Вон они догнали нас,

уже совсем близко подошли. - Говоря это, старик имел в виду двух тюленят, которых только что видел позади лодки. - Теперь мне все ясно, ты унюхала их, поэтому и волновалась так. Тебя, конечно, можно было бы назвать глупышкой, но я лучше назову несчастной. Это будет точнее. Скажи, разве ты в силах разорвать такие прочные оковы? Что поделаешь, судьба. Тебе не остается ничего другого, как смириться с ней, быть умницей и лежать тихонечко...

Старик разговаривал с лежащим перед ним тюленем сочувственным тоном, словно тот понимал, как он жалеет неразумного зверя, в тело которого впились веревки. Он говорил тоном наставника, делающего внушение нашалившим детям.

Судя по тюленьим отпрыскам, старик сделал вывод: если он еще ненадолго задержится, то здесь начнут собираться тюлени со всей округи, как это бывает с женщинами, которые, прослышав о поступлении дефицитного товара, начинают отовсюду сбегаться к магазину. Он представил, как его со всех сторон окружают усатые чудища, ему стало страшно, и он заторопился как можно скорее уйти от этого места.

Несмотря на осень, день стоял по-летнему теплый и сухой. Как и обычно в такое время, солнце стояло высоко, оттого и горизонт казался отступившим вдаль.

Но старик, все еще не пришедший в себя после недавней выходки тюленя, не обращал внимания на эту красоту. Он по-прежнему был занят мыслями о взбунтовавшемся тюлене.

Подставив поднятой движением лодки шумной струе воздуха грудь и лицо, он пристально вглядывался вдаль. Душа его оттаивала, заботы отступали. Когда, наконец, он пришел в себя и стал думать об окружающей его осени, то был уже далеко от того места, где тюлень устроил ему настоящую бучу, тем не менее у старика совсем не было уверенности в

том, что “черная сестра”, как он сам прозвал тюленя, опять не устроит ему что-нибудь подобное, хотя сейчас тюлень выглядел присмирившим, лежал тихо. “И все равно, пока не доберешься до берега и до самого момента разделки туши ни в коем случае нельзя расслабляться, иначе от этого опасного зверя можно ждать чего угодно”, думал старик.

Поддавшись обаянию осени, старик стал думать о том, как она красит и умиротворяет окружающую природу, придавая ей особое очарование. Но так будет длиться недолго, очень скоро осень вступит в свои права и станет похожей на обиженную женщину, начнет гнать по небу черные тучи, волновать море и переворачивать все вокруг, словно желая раз и навсегда разгромить этот мир.

А вообще-то старик больше других сезонов любил осень, может, потому, что видел в ее поведении сходство со своим характером. И потом, осень всегда приносила усталой душе старика успокоение, ему хорошо думалось на фоне желто-коричневой палитры осени.

Через некоторое время старик заметил, как к нему стали возвращаться мысли, разлетевшиеся в разные стороны после недавней выходки плененного тюленя, и сравнил это с вечерним возвращением домой детей из школы, взрослых с работы, когда семья собирается вместе. Он считал себя одним из тех, про кого говорят “у него есть спутник”, и выражалось это в том, что, где бы он ни находился, всегда был занят своими мыслями, про себя постоянно разговаривал с детьми, а иногда, когда мысли совсем распирали его, он начинал говорить сам с собой вслух.

Когда у него было хорошее настроение, он начинал напевать мелодию какой-нибудь песни, а вместо слов произносил имена детей - Эльман мой, Тумар моя, Тувак дочка..., вспоминал их детские выходки. Когда же дети

выросли, в его напевах имена детей сменились именами любимых внуков.

И поэтому, прослышав о том, что “бывают люди со спутниками”, он и себя отнес к этой категории.

Увидев огромное нефтяное пятно, разлившееся на поверхности моря и похожее на черную кошму, выброшенную на гребни волн, старик, испугавшись, что нефть может загореться от искр его мотора и заполыхать, тут же выключил двигатель.

Он с грустью смотрел на разбросанные вокруг него, похожие на черные кошмы, нефтяные пятна. “Откуда здесь взялась нефть?”. Сориентировавшись на местности, он понял, в каком месте моря находится, и вспомнил, что здесь проходят идущие из Красноводска огромные нефтеналивные танкеры, из которых иногда сочится и выливается в море маслянистая жидкость. Сколько помнит себя старик, именно в этих местах пролегает трасса, по которой массивные емкости с нефтью перевозят в Россию. Но на сей раз это были не просто капли нефти, вытекшие из танкеров, пятна казались особенно массивными.

Вспомнив о том, что находится в местах, известных всему миру запасами нефти, старик подумал: “А-а, наверно, в каком-то месте на дне моря произошел прорыв, а иначе разве могло из судов вытечь столько нефти? Говорили же, что месяца два-три назад произошло землетрясение силой в два-три балла, может, из-за него все это случилось? Значит, эта нефть с тех пор и сочится со дна моря, неужели этого не видят те, кто занимается нефтедобычей? Они обязаны были найти образовавшуюся брешь и с помощью взрыва закрыть ее. Ведь если нефть и дальше будет подниматься на поверхность моря, наши чистые берега станут похожими на бакинские. Потому что, если бы это были пятна нефти,

вытекшей из проходящих мимо танкеров, море давным-давно очистилось бы от них, оно бы впитало их в себя”,- с присущим старикам беспокойством подумал он.

Когда же мысли закружились вихрем и опять откуда-то извлекли воспоминания о Берте, старик быстро забыл, где он находится, о вызванном разлившейся нефтью беспорядке, который только что приводил его в ужас, забыл о лежащем у его ног тюлене, о больной Умман, которая лежит дома и ждет его не дождется, обо всем забыл и, как и прежде, превратился в человека со спутником.

... После ухода Берты для Балкана началась тоскливая, лишенная всякого интереса, бесцветная жизнь. В те дни все ему напоминало Берту - одежда, которая так шла к ее ладной фигуре, посуда, к которой она прикасалась, словом, все, что было в доме, напоминаниями о ней мучало его. И у него, и у его матери Отаги сердце разрывалось, когда маленький Эльман, показывая ручонкой в сторону моря, начинал плакать и проситься к матери: “К маме хочу, я к маме пойду”. В такие минуты Балкан чаще всего уходил из дома. Плыл на лодке туда, где утонула Берта, курил, мысленно разговаривал с ней:

- На кого ты нас оставила, Берта?

- Что поделаешь, так случилось, комбат мой родной...

И тогда на душе у него немного легчало. Правда, его совсем не тянуло домой, потому что он знал, что там его встретит плачущий малыш: “Ма-ма!..”Чтобы успокоить сынишку, он брал его из рук матери, прижимал к груди, целовал. И если бы в один из тех дней на горизонте судьбы не показалась Умман, неизвестно, сколько еще времени протянулись бы эти горькие дни.

Однажды Отага вышла из дома с ребенком, чтобы хоть как-то отвлечь его от тоски по матери, а обратно они

вернулись уже втроем, с ними была и Умман.

Умман не показывалась в этом доме с тех пор, как утонула Берта. Она и вообще нигде не появлялась, разве что на работе. По-своему страдала и держала траур по погибшей подруге.

Однажды Эльман, прогуливаясь с бабушкой и проходя мимо сельсовета, вспомнил, что раньше приходил сюда с мамой к тете Умман. Он показал пальчиком на здание сельсовета и стал тянуть бабушку за руку: “Пойдем к тете, пойдем, там тетя”.

При виде гостей Умман вздрогнула от неожиданности, вскочила с места, схватила Эльмана на руки, крепко прижала к себе и заплакала. Вот и в тот день сюда ее привел Эльман, который никак не хотел расставаться с ней. Умман долго играла с малышом, покачала его на качелях, накормила и уложила спать. И только после того, как мальчик уснул, ушла домой.

Увидев осунувшуюся Умман, ее обведенные темными кругами запавшие глаза, Балкан подумал: “Берта и нас свергла в страшное горе, но и подругу не пощадила, та как тень стала”.

Когда Балкан женился на Умман, Эльман уже крепко привязался к ней и воспринимал ее как свою мать. И когда лежал в ее объятьях, так же прижимался к ее груди, как когда-то к материнской.

Старик вдруг вспомнил, как пару лет назад проездом из Красноводска в Ашхабад его дом навестила сестра его друга Астахова. Старик ее не видел, не судьба, он в то время вместе со своей старухой был в Казанджике, на свадьбе внука гулял. Эта полная русская женщина с мужем и двумя внуками побывала у него дома, попросила дать ей на память семейное фото старика, а увидев в альбоме фотографии

детей Эльмана, сказала: “Какие же они все похожие, ну просто русские детишки, смотри, мои внуки тоже немного похожи на них...” А потом добавила: “Ах, как жаль, что мой брат Астахов не видел этого счастья, он так тосковал по своему комбату”, - расстроилась до слез...

Все это ему рассказал муж младшей дочери, оставленный присматривать за хозяйством у всех, кто уехал на свадьбу.

И все же старику довелось услышать голос сестры своего друга. Узнав, что гости собирались заехать по делам и в Небитдаг, а там и его сына Эльмана навестить, после чего проследовать в Ашхабад, он сразу же позвонил сыну. На его счастье, гости были еще у него, не успели уехать. Старик тогда порадовался, что вместо него сестру друга принял сын, со всеми почестями и подобающим вниманием принял. Он поговорил с ней по телефону. Но женщина очень сильно волновалась, поэтому хорошо поговорить не удалось. Она говорила: “Твой друг все время вспоминал тебя, Германию вспоминал, и очень тебя любил, слишком крепко любил... Он и меня вашему языку немного обучил. “Я очень тебя люблю”, - на ломаном туркменском языке произнесла она.

- Я так обрадовалась, увидев, как счастлив ты, друг моего родного брата, у тебя хороший сын, хорошие дочери и внуки. Увы, твоему другу капитану Астахову не довелось видеть твое счастье... Он бы порадовался за тебя, ведь он очень любил тебя. Всегда называл тебя “мой дорогой комбат”.

Старик просил сестру Астахова и его зятя приехать в Красноводск, обещал принять их по высшему разряду, но они сослались на то, что через два часа отправляются в Ашхабад, а оттуда завтра утром улетают в Москву. “Даст Бог, мы еще приедем”, - сказали они, вернуться же в Красноводск

не согласились. Старик тогда даже обиделся на сестру Астахова: “Ну, конечно, если бы мой друг оказался в наших краях, он бы ни за что не уехал, не повидавшись со мной”, но все же перед прощанием пригласил их к себе на будущий год: “Следующим летом приезжайте ко мне всей семьей, мой дом стоит прямо на берегу моря, самое место для отдыха!”

Но сестра Астахова, хоть и пообещала приехать на следующий год, ни в следующем, ни в последующие годы так и не объявилась.

Старик снова погрузился в раздумья, обрывки мыслей, словно клочки весенних туч, готовых вот-вот пролиться дождем, метались в его голове. То он представлял, как их танки несутся по полям боев в сторону Берлина, то мысленно он снова оказывался в маленьком немецком городке, в котором судьба свела его с Бертой. Астахов и другие воины собирались возле него на перекур...

Вдруг старик вздрогнул, словно что-то резко вспомнил, было ясно, что мысль, возникшая в его мозгу, никогда раньше и в голову ему не приходила.

- О, Боже, это ведь была моя Берта! Она только представилась сестрой Астахова!- он резко хлопнул ладонями по коленкам. - Хе-хе-хей, как мог Астахов, ни слова не знавший по-туркменски, научить этому языку сестру? “Я люблю тебя, мое счастье”, “Я люблю тебя, мой комбат”. Разве не эти слова повторяла Берта, лежа в моих объятьях и обдавая меня своим горячим дыханием?!

Слезы отчаяния навернулись на глаза старика, все вокруг снова погрузилось в дымку тумана.

Через некоторое время придя в себя, старик одной рукой пошарил в мешке и отыскал бутылку с водой, отпил глоток, и этот глоток воды протолкнул внутрь стоявший в горле комок слез.

Когда волнующие старика мысли немного поутихли, он наконец заметил двух тюленей, высунув головы из воды пливших неподалеку от лодки. Оба животных старались быть на виду, словно молодки, привыкшие вдоволь есть и красиво одеваться. По их поведению старик догадался, что это те самые тюлени, от которых он оторвался, управляя лодкой на большой скорости. Кивнул им, словно старым знакомым, и повел с ними беседу:

- А-а, черные братья, значит, так и преследуете меня толпами... изначально мне всего-то один тюлень был нужен, ну а если вы тоже намерены последовать за мной, что ж, пошли. Во всяком случае, если мы придем втроем, нас никто не прогонит, не упрекнет, что вместо одного я привел целых три тюленя...

Детеныши тюленей метались вокруг лодки, в которой везли их связанную мать, они выныривали то с одной ее стороны, то с другой, временами начинали кричать, о чем-то переговариваясь на своем языке. Причем, они не были похожи на тюленей, которые обычно при виде человека спасались бегством, ныряли поглубже в воду, прятались от него, да и никуда они не собирались уходить. Только чувствовалось, что эти прелестные малыши опасались разлуки с матерью, но в то же время надеялись: “А вдруг нам удастся как-нибудь выволить нашу мать из плена, и тогда мы опять все вместе будем счастливы...”

Видя, как страдают тюленьи дети, как сочувствуют они своей матери, старик подумал: “... Они теперь не отстанут от нас, пока лодка не доберется до места и не ткнется носом в берег”.

Детеныши тюленя, словно прочитав мысли старика, который уже начал жалеть их, подошли к лодке совсем близко, они высовывали из воды похожие на два кулачка

мордочки, выставляя напоказ свои торчащие в разные стороны и не очень им идущие жесткие усы. Старик увидел, что в их глазах блеснула влага, напомнившая слезы. Мысленно произнес: “Люди говорят: по-настоящему плачет только мать, остальные притворяются, но если с матерью что-то случается, то и дети не меньше нее страдают. Сказано ведь у Махтумкули:

Встретив сильного врага, свинья

Не станет разве прятать поросят?

Ну да, конечно, разлуку одинаково больно переносят и люди, и звери...”

Эта сценка, устроенная жизнью далеко от берега, в море, все, что происходило вокруг его лодки, невольно напомнили старику давние драматические события, связанные с Бертой.

Перед его мысленным взором явственно ожил тот трагический день, который не уходил из его сознания с того момента, как он услышал эту невероятную историю... Он увидел умоляющее лицо несчастной Берты, которая только что ударом весла в грудь была сбита с ног и, не удержав равновесия, вылетела из лодки и с плеском упала в воду. Не в силах понять, почему Умман с ней так поступила, она очень сильно испугалась, изо всех сил пыталась удержаться на воде, цеплялась за борта лодки, все еще не веря, что ее жизни угрожает опасность, она заливалась слезами, с мольбой о пощаде взывая к жалости Умман. А на лодке стояла обезумевшая Умман, глаза ее были налиты кровью, она не ведала, что творила, в руках она держала “пику” с длинной ручкой, и вид у нее был такой, что она вот-вот вонзит ее в грудь Берты...

Перебирая ногами, Берта подплыла к лодке, которая ушла немного в сторону, и обняла руками один ее бок.

Дыхание у нее было прерывистым, как у утопающего.

- Что все это значит, Умман?..

- Зачем ты вообще приехала в нашу страну, фашистка! Замуж сильно захотелось?.. А что, среди своих тебе не нашлось мужа? Или наши всех фашистов перебили, ни одного не оставили?

Именно так представил все случившееся Балкан, когда впервые услышал эту историю от Ширвана. В тот момент он уже не помнил, что со времени происшествия прошла целая человеческая жизнь, ему захотелось немедленно сесть в лодку и мчаться спасать Берту, ему очень хотелось успеть, взять Берту за руку и вытянуть из воды. В душе отругал себя: “Смотри, кому я доверил тебя!” Не в силах пережить беду, он только восклицал “ох-хо-хо” и, не сдерживая слез, молча плакал.

Он снова увидел детенышей тюленя с заплаканными глазами и поверил, что это не животные, а его любимая Берта, которая, плача вокруг лодки Умман, просит пощады. Горячая волна захлестнула душу старика.

Старик вновь полез в свой мешок и стал искать там перочинный нож, похоже, он что-то задумал. Сейчас ему нужен был острый нож, чтобы резал сразу же. Нет у него возможности в этой тесноте орудовать тупым лезвием. Старик знал, что имеющийся при нем нож не так уж и остер, но и другого, более острого, у него ничего не было, поэтому придется обходиться тем, что есть.

Найдя перочинный нож, он занялся приведением в порядок его лезвия, взял пиалу, в которую недавно выцедил остатки чая из термоса и выпил, перевернул ее на колено, он знал, что если затачивать лезвие ножа о дно пиалы, нож становится острее. В душе отругал себя за то, что, будучи на берегу, не прихватил с собой и не бросил в лодку небольшой

камень, один из тех, что выброшены морем на берег, как бы он сейчас пригодился!

Старик засучил рукава, словно собирался разделявать тушу, взял в руки наточенный нож и встал во весь рост. В этот момент лодку тряхнуло, словно какое-то животное выплыло из воды и толкнуло ее.

Солнце близилось к закату, его косые лучи падали на воду, отчего нефтяные пятна на ней были затенены и напоминали приготовленный из черной глины жидкий раствор для обмазки.

Поэтому детеныши тюленей, плававшие в этой “глиняной” жиже, казались гораздо чернее обычных тюленей, а их кожа, словно натертая маслом, блестела сильнее обычного.

Теперь старик относился к плененному им тюленю не как к обычному охотничьему трофею, в его судьбе он увидел сходство с несчастной судьбой его Берты, а потому понял, что не сможет дальше удерживать его и везти с собой. Понятно было и то, что данный груз уже давно доставлен по месту назначения.

Он решил начать освобождать тюленя с хвостовой части, которая была поближе к нему, для этого старику надо было перерезать веревки, которыми тот был обмотан и связан. Но он тут же отказался от этой мысли, потому что понял, что тюлень, почувствовав свободу, начнет биться высвобожденным хвостом и не даст ему снять путы с других частей туловища. Тогда он изменил свое прежнее намерение. Решив начать с головы, он осторожно, чтобы не беспокоить только что бившегося в истерике и наконец-то успокоившегося зверя, проследовал сбоку от него в носовую часть лодки. Прежде чем приступить к делу, остановился, посмотрел по сторонам, словно желая еще с кем-то обсудить

проблему. “Наверно, так будет правильнее”,- подумал он.

Огненно-красный диск солнца уже давно висел над самой водой.

В этом месте петля из веревки, в которую была просунута голова тюленя, была сделана так, что, если он начнет дергаться, она будет только сильнее затягиваться на его шее. Старик с легкостью перерезал один ряд веревки. Теперь предстояло разобраться с узлом размером с кулак на плечах тюленя, от которого во все четыре стороны расходились туго натянутые веревки. Надо было резко обрезать этот узел, пока тюлень не почувствовал, что полностью освобожден и не начал дергаться. После этого старик широким шагом прошел к среднему узлу.

Ощувив в своем теле некоторую легкость, тюлень, словно желая проверить это, лежа, тихонько пошевелился, от его движения качнулась и лодка.

После этого старику удалось с легкостью перерезать одну из четырех толстых веревок, идущих к узлу. Самым неожиданным было то, что тюлень, похоже, понял намерение старика дать ему свободу, поэтому лежал тихо, давая возможность поскорее совершить доброе дело. На самом же деле вполне возможно, что раны от врезавшихся в тело до крови пожелтевших веревок так сильно мучали его, что он даже не почувствовал того легкого послабления, которое было ему дано. А старику именно это и нужно было.

Надо было быстренько, пока тюлень не почувствовал, что его освобождают от веревок, которыми он обмотан, перерезать остальные три. Сейчас даже если удастся перерезать хотя бы два толстых каната, уже можно считать, что с основным узлом покончено.

Старик подвинулся поближе к узлу и, чтобы устойчиво стоять на ногах, схватился за канат слева от

него, после этого ему удалось с легкостью перерубить еще одну ведущую к узлу веревку. Теперь надо хотя бы еще одну веревку обрезать, тогда можно будет считать основную задачу выполненной. После этого останется пройти к хвосту тюленя и высвободить его, это не представлялось старику таким уж и трудным делом.

Однако стало ясно, что матерый тюлень, почувствовав наконец близкую свободу, не даст перерезать третью веревку. Он вдруг ожил и начал извиваться, как будто хотел переместить к шее основную часть своего туловища, затем взревел и изо всех сил подскочил вверх, казалось, он улетит, оставив в лодке похожий на метлу свой не освобожденный хвост.

Старик не устоял на ногах в резко качнувшейся лодке, шатаясь, он ударился о мотор лодки и сильно ушибся. Разозлившись, выругался на тюленя:

- Ах ты, негодяй, сволочь такая, ты вообще незаслужил, чтобы тебя жалели. Я его освободить хочу, а он мешает мне. Потерпел бы еще немного... и совсем был бы свободен...

Но старик, который все еще сравнивал положение плененного тюленя с положением, в котором оказалась его Берта, быстро простил его. Взяв себя в руки, стал искать перочинный ножик, который выронил из рук во время удара, и нашел его на дне лодки, рядом с хвостом тюленя, после чего продолжил свое прежнее занятие. Вербка, которой как подпругой был обмотан живот тюленя, после того, как были перерезаны две другие веревки, заметно ослабла, теперь тюлень при желании мог бы вытянуть свое туловище из-под этой петли. Вот только хвост был привязан слишком крепко, надо было перерезать веревки на хвосте, тогда среднюю можно будет и не обрезать, в этом уже не будет необходимости.

Когда тюлень подпрыгнул во второй раз, ему удалось сконцентрироваться и перебросить большую часть туловища через левый борт лодки. Под тяжестью его тела лодка сильно накренилась на один бок и чуть было не перевернулась. Старик, резко бросившись в противоположную сторону, едва удержался от выпадения за борт. После этого тюленю уже было нетрудно высвободить среднюю часть туловища и кровотокающий хвост из ослабших пут. Он выпрыгнул за борт, игриво махнул хвостом, как бы говоря: “Ну, мы пошли, и вы тоже бывайте!” - и был таков.

Некоторое время в том месте, куда нырнул тюлень, на поверхности воды плавали сгустки крови, складываясь в причудливые пятна, но потом и они растворились в морской воде, исчезли. А еще через какое-то время старик увидел, как вдали с радостными криками вместе со своей матерью плывут маленькие тюлени, подставив солнцу свои блестящие лакированные спины.

Провожая взглядом удаляющихся от него тюленей, старик снова с сожалением вспомнил об израненном хвосте матери. Но сейчас главным было то, что тюлень получил вожаденную свободу, а все его раны, как говорят русские, заживут до свадьбы, тем более, что лекарем для него станет соленая морская вода, излечивающая тысячи болячек.

... Берта была где-то поблизости. Старик верил, что она рядом и внимательно наблюдает за всеми его действиями. Он также видел, как полы ее широкого свадебного платья белой пеной лежат на макушках волн...

Если некоторое время назад Берта говорила старику встревоженным взглядом: “...Неужели ты подвергнешь это несчастное животное таким же испытаниям, через которые прошла я? Неужели разлучишь его с любимыми просторами, родными детишками?” - то теперь, при виде того, как весело и радостно уплывают тюлени, взгляд ее стал одобрительным:

“Пусть уходят... Хорошо, когда каждый находится на своем месте”, она смотрела на старика с любовью и благодарностью. Теперь, когда в ситуацию вмешалась Берта, иначе и быть не могло.

Заново заведя двигатель моторной лодки, старик заторопился домой. И снова лицо его обдувал приятный морской бриз.

Все его мысли сейчас были о Берте.

С той минуты, как стало известно, что Берта не утонула, а осталась жива и теперь, возможно, где-то обитает, старик будто прозрел и на все, что связано с ним и Бертой, стал смотреть совершенно другими глазами. В доме его сына Эльмана висит фотография, на которой они снялись все вместе, когда у них гостила сестра Астахова. Он слышал, что точно такую же фотографию гостя забрала с собой. На фото женщина стоит в обнимку с детьми Эльмана и счастливо улыбается.

Нет, конечно, эта женщина никак не может быть сестрой Астахова, ведь так себя могла вести только мать и жена, оставившая здесь сына Эльмана и любимого мужа. И уж если на то пошло, он не помнит, чтобы его друг Астахов когда-нибудь упоминал о своей сестре...

Подставив ветру грудь, старик спешил поскорее добраться до фотографии в доме сына и заново внимательно всмотреться в черты лица полноватой женщины в очках, стоящей в окружении всей своей родни. Но и без того старик уже не сомневался, что та женщина с фотографии, любовно обнимающая внуков и похожая на большую птицу, распростершую крылья над своими детенышами, не кто иной, как его любимая Берта.

*Ашхабад, 1999-2000 годы.
«Сибирские огни» 2010г. №3
Перевод Б.Оразкулиевой*

НОВЕЛЛЫ

НОВОГОДНЯЯ ЛЮБОВЬ

(Киноновелла)

Окрестности Туркменского озера. Канун Нового года. Небо затянуто тучами, похоже, скоро прольется осадками. В стороне, словно море, разлилось новое озеро. Его со всех сторон окружают песчаные холмы – барханы. На одной стороне озера с десятков экскаваторов, бульдозеров, захватывая ковшами песок, поднимают дамбу, расширяют озеро, издавая невообразимый грохот. Кипит работа.

На одном из береговых изгибов озера расположилась небольшая стоянка рабочих из вагончиков и палаток. В середине этой стоянки высится купол кибитки. Сбоку от нее стоит длинный широкий стол, за которым обедают рабочие. Между кибиткой и столом на огне стоит котел, в котором варится еда. Полный повар крутится вокруг котла, помешивает в нем еду, пробует на вкус, добавляет в еду какие-то приправы.

В этом месте расположилась стоянка людей, работающих на строительстве озера вахтовым методом и сменяющихся каждые пятнадцать дней.

Перед самым обедом появляется машина, поднимая клубы пыли, она приближается к рабочему поселку. Автомобиль везет прибывших после отдыха на смену рабочих.

Вокруг раскинулось сплошь пустое пространство. Пустыня. Под куполом неба парит одинокий ястреб, внимательно наблюдая за тем, что происходит внизу. Похоже, там, внизу, он что-то высмотрел. Перед самым полуднем машина с людьми подъезжает к стоянке. Повар взбирается на близлежащий холм и машет руками рабочим, приглашая

их к обеду. Люди в рабочих спецовках с запыленными лицами по одному – по двое подходят к кошу и начинают собираться. Перекидываются друг с другом односложными вопросами:

- Прибыли?

- Да, прибыли.

- Кажется, в этот раз вы прибыли дома больше положенного.

- Тебе показалось, сразу видно, как ты соскучился по матери своих детей!

Усатый парень произнес с завистью:

- Вот счастливики, в хорошее время уезжаете. Новый год встретите дома, в кругу своей семьи.

- Даст Бог.

Строители разговаривают между собой. Через некоторое время те, кому предстояло ехать домой, начинают собираться в дорогу, они с вещами садятся в машину и уезжают. После обеда вновь прибывшие переоделись в рабочую одежду и направились к экскаваторам и бульдозерам. Среди отъезжающих только молодой человек по имени Овез, похоже, никуда не спешит. Вместо того, чтобы собрать вещи и сесть в машину, он возится, то заходя в вагончик, то выходя из него. Один из тех, кто сидел в машине и ждал, когда она отправится, не выдержал. Видя, что Овез не торопится, возмущенно спросил:

- Эй, Овез, ты что, не собираешься уезжать?!

- Не заставляй нас ждать, поехали уже! – подключился к нему другой путник.

Овез, взяв с длинной трубой, замеряя ее длину, ответил спокойно:

- Ай, брат, а что мне делать дома? Детей у меня нет, так что никто не ждет меня. Меня вообще не тянет в этот пустой

дом. Вы не ждите меня, отправляйтесь. Как знать, может, и для меня настанет время, когда я буду считать дни, чтобы поскорее попасть домой.

Кто-то из сидевших в машине все же попытался уговорить Овеза:

- И все же, не лучше ли тебе поехать домой и хотя бы Новый год встретить в домашней обстановке!

- А я встречу Новый год здесь, с ребятами.

Овез бросил взгляд на работавшие поодаль бульдозеры и экскаваторы. Потом продолжил:

- Для таких закоренелых холостяков, как мы, для встречи Нового года и это место вполне подходяще. В этом году мы, даст Бог, встретим праздник, сидя у телевизора. Видите же, сколько дней я вожусь с трубами, подбираю железки, чтобы собрать антенну.

- Ну, да ладно, смотри сам, как тебе лучше,- махнул в его сторону, стоя в кузове машины, рабочий и опустился вниз.

- Не хочет ехать, его дело,- заметил другой.

- Может, он и прав. Что делать в доме, в котором тебя не ждут?- обсуждали поступок Овеза его товарищи. Овез продолжает заниматься своим делом. Грузовик трогается с места. Люди машут друг другу руками, желают счастливого пути.

- Доброго вам пути!

- И вам не скучать!

- До встречи!

- После Нового года увидимся.

Поднимая клубы пыли, машина движется по глинистой дороге и удаляется от стоянки, сейчас она похожа на корабль, плывущий среди громадных барханов – волн пустыни.

* *

Туркменское озеро. Теперь над ним парят уже несколько ястребов. Складывается ощущение, что их может стать больше. Кругом кипит работа.

Стоянка строителей. Толстый повар, снуя между юртой и котлом, хлопчет о новогоднем угощении. Чуть поодаль от него возится Овез, заканчивая установку антенны.

Стоит гнетущая тишина. Занимаясь своим делом, Овез вдруг начал напевать пришедшую на ум песню:

Если был бы я платком атласным,
Был бы я ковром красивым,
О тебе мечтал бы я,
Неужели на меня не взглянешь,
Не оценишь, милая, меня?!

Овез встал с места и начал рыться в карманах, он что-то ищет в них. Не найдя искомого, подошел к обеденному столу и взял свой лежащий на нем пиджак. Роется в карманах пиджака. Его внимание привлек вынутый из кармана мобильный телефон. Посмотрев, увидел в телефоне поступившее СМС-сообщение. Овез открыл сообщение и стал внимательно читать его. Читает:

- Овез, братишка милый, спешу поделиться с тобой радостной вестью. Тебе хорошо известно, что я давно уже занята поисками невесты для тебя. И вот, наконец, счастье улыбнулось тебе. Я нашла для тебя невесту, она настоящая красавица. Я намерена свести вас друг с другом в новогодний вечер, мечтаю увидеть, как вы станете парой. Приезжай домой! Чем скорее ты приедешь, тем лучше. Уверена, когда ты ее увидишь, она тебе понравится. Приезжай, твоя невеста, как и мы, с нетерпением ждет твоего приезда.

Амансолтан.

Это сообщение несколько удивило Овеза. Он начал озираться по сторонам в поисках человека, с которым можно было бы поделиться неожиданной новостью. В этот момент из кибитки с шумовкой в руках вышел повар, он что-то напевает. Овез обратился к нему:

- Сапар, ты только посмотри на это! – он показал на свой мобильный телефон.

- Что случилось, Овезджан?

- Я получил СМС-сообщение!

- Надеюсь, это хорошее сообщение? Когда оно успело придти к тебе?

- Похоже, давненько пришло. Но я обнаружил его только сейчас, когда полез в карман пиджака за спичками.

Он удрученно покачал головой.

- Скажи хоть, о чем там написано? – встревожено спросил повар.

- Сестра пишет, чтобы я приехал домой. Вроде бы она подыскала для меня невесту. Пишет, что хочет познакомить меня с ней, чтобы мы уже Новый год встречали вдвоем.

- Ох, если это так, отправляйся скорее, ни минуты не жди!- посоветовал повар Овезу.

- Что же я раньше-то не посмотрел, мог бы вместе с ребятами на машине уехать,- Овез удрученно смотрит в ту сторону, куда уехала бортовая машина.

- Ничего, лучше поздно, чем никогда. Да и не поздно еще. Если тебя ждет прекрасная незнакомка, ты просто обязан поехать. А если и Новый год встретишь вместе с ней, так ведь и бахши станешь, запоешь:

Милая, с ума я по тебе схожу,
Умираю, видеть я тебя хочу...

Ну, как, угадал я твое настроение?..

Овез:

- Ты прав, конечно, вот только как мне теперь домой попасть? Ашхабад ведь не ближний свет,- озабоченно произнес он.

- Поезд уже точно ушел. В этих краях и дорог-то приличных нет, чтобы по ним автомобили бегали. А так можно было бы на попутке добраться.

Повар посмотрел на часы.

- Да, нет, поезд еще не ушел. Насколько я знаю, до его прибытия еще не меньше двух часов.

Овез с надеждой посмотрел на повара:

- Ты думаешь, я еще могу успеть на него?

Повар:

- Если пойдешь напрямиком, вполне можешь успеть. Бежать, конечно, не стоит, но быстрым шагом идти придется.

- Эх, сейчас бы хоть какие-нибудь колеса иметь!- мечтательно произнес Овез.

- Конечно, это было бы спасением. Ну, а машина, сам знаешь, оставив людей на станции, отправится в соседний поселок. Они должны поехать туда, чтобы запастись провизией для новогоднего праздника. Поэтому неизвестно, когда они вернутся...

Овез, еще раз молча посмотрев по сторонам, стоял в задумчивости. Вдруг он резко повернул назад, подошел к столу, схватил свой пиджак и стремительно вошел в дом. Спустя короткое время вышел оттуда с рюкзаком за плечами.

- Ну, я тогда пошел, брат,- сказал он, обращаясь к повару.

- Иди, ни на минуту не задерживайся, добрый молодец. Как же ты можешь оставаться тут, когда дома тебя ждет

красотка,- шутливо ответил повар. – Только иди напрямую и как можно быстрее!

Они с пониманием улыбнулись друг другу и кивком головы попрощались.

* * *

Пустыня. Холмы и равнина. Иногда встречаются островки, поросшие саксаулом и черкезом. Овез идет напрямик через пески, он очень спешит, чтобы успеть на поезд. Он замечает тяжелую отару, пасущуюся на той стороне бархана, а рядом с ней чабана, пристроившего свою палку на талии и с двух сторон пропустившего под нее руки. Сбоку от отары плетутся ишак с хурджуном на спине и собака.

Увидев ишака, Овез невольно подумал: «А может, попросить у чабана дать мне ишака, чтобы поскорее добраться до станции?» Но потом подумал, что пока будет вести переговоры с чабаном, который, еще неизвестно, даст или нет своего ишака, только потеряет драгоценное время, поэтому сразу же отказался от этой мысли. Вытерев со лба пот, удрученно воскликнул:

- Проклятье, в этих песках меня вряд ли нагонит какой-нибудь транспорт, чтобы подбросить до места. Ладно, если кто-то заблудится и случайно окажется в этих краях, а так ждать на этом бездорожье абсолютно нечего, да и надеяться не на что!

Спустя какое-то время он увидел вдалеке едущего верхом на верблюде человека. Когда верблюд приблизился, Овез увидел на нем своего знакомого. Обрадовался. И у него снова вспыхнула надежда: а может, на верблюде удастся быстрее добраться?! Он обращается к наезднику:

- Эй, Туменбай, это ты?

Туменбай некоторое время смотрит на него, потом, узнав, улыбается. Овез разъясняет ему.

- Если я сейчас успею на ашхабадский поезд, у тебя на одного брата по несчастью станет меньше.

Туменбай, радостно:

- Что, нашел кого-то?- восторженно спрашивает он.

- Нашли, вроде бы ждет. Просят приехать!

- Я рад за тебя, брат. Хороших бед, конечно, не бывает, но эта беда – жить бобылем, ничуть не лучше других будет.

Два холостяка стоят у дороги и делятся наболевшим.

- Но ты в прошлый раз говорил мне, что у тебя кто-то есть на примете, вроде бы и родители ее согласны, дело за малым осталось,- напомнил Овез. – Что-то изменилось в твоей жизни?

- Ах, дружище, есть-то, есть, причем, очень славная женщина. Если получится соединиться с ней, то будешь самым счастливым человеком,- мечтательно произносит Туменбай. Овезу стало интересно:

- И что, есть надежда, что все сладится?

По лицу Туменбая пробежала тень.

- Похоже, ей не очень хочется идти за вдовца с двумя детьми. Вот и придумывает отговорки. Говорит, в следующем году поедет учиться.

- Ты говоришь о той же разведенке, о которой прежде упоминал?

- Ну, да, прошло больше двух лет, как она развелась с мужем.

- Если она разведена, да еще столько времени прошло, значит, тоже испытала горечь одинокой жизни. Пусть она придумывает всякие отговорки, это так, цену себе набивает,

но долго не протянет. Ты ведь сам знаешь, что такое одиночество. Даже старухи пытаются казаться моложе. Но тебе, друг, стоит действовать более решительно!

- Ты прав, друг, мне надо изменить тактику своего поведения. - Вспомнив о чем-то, известном только ему одному, Туменбай вдруг улыбнулся. – Я теперь и сам знаю, что мне надо быть настойчивей. Вообще-то я собираюсь на Новый год устроить ей небольшой спектакль. – Затем он похлопал по горбу верблюда, объяснил: - Вот и верблюда своего я несколько дней искал, и только сегодня отыскал его в окрестностях Туркменского озера. С тех пор, как в этих краях появилось это озеро, верблюды почему-то стали убегать к нему. И то понятно: воды и травы там вдоволь.

Овез вдруг вспомнил, что опаздывает, обратился за помощью к Туменбаю:

- Слушай, брат, я опаздываю на поезд. Не мог бы ты дать мне своего верблюда, чтобы я скорее добрался до станции?

Туменбай внимательно смотрит на Овеза, словно пытаясь понять, шутит тот или говорит серьезно.

- Знаешь что, брат, мой верблюд себе на уме, кроме хозяина он мало кого признает и подпускает к себе, не даст он тебе оседлать его.

Подумав, что Туменбай боится снова потерять верблюда, которого только что нашел, Овез пообещал:

- Я его там привяжу, а ты потом сходишь туда и заберешь. Да и твое село в двух шагах от станции находится,- продолжал уговаривать Овез. Но Туменбаю совсем не хотелось отдавать своего верблюда.

- Я же сказал тебе, друг, что собираюсь той разведенке в этот праздник устроить небольшой спектакль. И эта игра,

друг, завязана на этом самом верблюде, без него никак нельзя. Честно, я же говорил тебе, что ради этого и искал своего верблюда.

Овез удрученно махнул рукой.

- С тобой все ясно, мой казахский брат, если ты не умеешь в нужном месте и при необходимости рисковать, знай, таких, как ты, и женщины не любят. Не светит тебе женитьба, так и знай.

Всем своим видом показывая, как он обижен, Овез продолжил свой путь. Небо еще больше нахмурилось, стало пасмурно. В небе свободно парили уже несколько ястребов. И хотя лицо Овеза, обиженного на своего знакомого Туменбая, было хмурым, оно потихоньку разгладилось, когда он вспомнил, что через некоторое время сядет на поезд и поедет в Ашхабад, где его дожидается прекрасная незнакомка. Всю дорогу он надеялся, что его нагонит какой-нибудь транспорт и подберет с полпути, чтобы вовремя доставить до места. Неожиданно зазвонил мобильник. Некоторое время звучит приятная музыка. Овез поднес трубку к уху.

- Алло, я слушаю.

- Дядя Овез, это я, Мекан.

- Я узнал тебя, Мекан. Как вы там, у вас все в порядке?

- Мама просила позвонить тебе на сотовый и спросить, выехал ли ты уже.

- А сама мать где?

- А где же ей быть, на кухне, братишек моих кормит.

- А отец дома?

- Нет, он на работе. Он только что звонил, спрашивал, что еще надо купить на рынке, он захватит по пути с работы. Ой, а можно я кое о чем тебя спрошу, дядя?

- Спрашивай, конечно, что ты хотел?

- Туркменское озеро большое, виден ли его противоположный берег?

- Вообще-то большое.

- Оно больше Куртлинского озера, в котором мы купаемся летом?

- Я же сказал, что оно большое, куда Куртлинскому до него! Племянник, ты хоть скоро юношей станешь, а все такой же любопытный, как в детстве, все хочешь знать.

- Дядя, а что зазорного в том, что я спросил? Мальчишки из нашей школы говорят, что вокруг этого озера должны появиться города и села. Я хотел спросить у тебя об этом, когда ты приедешь домой, а вот взял и спросил сейчас.

- Я уже сказал, что это будет очень большое озеро, скорее всего, оно будет похоже на Каспийское море, и в нем будет водиться рыба, а вокруг него будут гнездиться птицы. И там обязательно вырастут города и села.

- А сейчас там есть рыба? Вы ловите ее?

- Мы бы, может, и рады были рыбу поудить, да где взять свободное время, как у тебя? Тебе что, рыбку половить захотелось?

- Дядя, если ты и дальше будешь там работать, я, возможно, приеду к тебе. И рыбу половлю. В реке-то я ловлю рыбу, у меня две удочки лежат. Когда мы с папой ходили на рыбалку, я тоже поймал две рыбки.

- Насчет рыбы не знаю, а вот водяных птиц да чаек стало много. Они летают над головами наших трактористов да экскаваторщиков.

- Как здорово!

Разговаривая с племянником, Овез немного сбавил шаг. Заметив это, немного расстроился.

- Эй, племянник, кончай болтать. А то все деньги матери по телефону проговоришь.

- Деньги не кончатся, дядя. Мама сказала, что на Новый год придется много звонить, поэтому только вчера положила на счет кругленькую сумму.

- Ну, племянничек, тебя не переспоришь, у тебя на любой вопрос готов ответ!

- А у тебя на телефоне есть деньги?

- Есть. Во всяком случае, хватит, чтобы позвонить вам.

- Дядя, а там, где ты находишься, тоже собирается снег пойти?

- Чувствуется, что погода что-то задумала. Небо со вчерашнего дня хмурится, потемнело.

- Тогда скоро пойдет снег. У нас уже снежинки кружат в воздухе.

Овез поднял голову и посмотрел вверх, словно пытаюсь угадать намерения погоды. Он заметил кружащиеся в воздухе редкие снежинки.

Ответил племяннику:

- Еген, а здесь тоже уже падают снежинки, совсем, как у вас.

- Ты же говорил, дядя, какой красивой бывает пустыня, когда на землю ложится снег.

На этот раз Овез согласился с племянником. Он представил, как гуляет по заснеженным пескам. Овез продолжил слова племянника:

- А еще я тебе говорил, что зимой в пустыне бывает много зайцев.

- Да, дядя, говорил. Вот бы погоняться за ними по снегу.

Овез вдруг понял, что разговор с племянником может затянуться до бесконечности, и решил прекратить его.

- Еген, я в дороге. Очень спешу, потом поговорим, - хотел отключить телефон, но в этот момент племянник вспомнил, о чем еще просила напомнить его мама.

- Дядя, мама сказала, что к нам на Новый год придет еще какая-то тетя. Она говорит: в этот день мыведем ее с твоим дядей, после чего она станет твоей тетей.

- Возможно, - торопливо произнес Овез. - Я же сказал, что приеду. А сейчас я в дороге.

Отключив телефон, Овез спешно продолжил путь.

Безмолвная пустыня, состоящая из холмов и равнин. В воздухе легко кружат легкие пушинки снега. Идя быстрым шагом, Овез в конце концов поднялся на холм, за которым начинался железнодорожный разъезд. А вот и железная дорога. Поезд уже стоял на путях. Вдруг вагоны поезда, словно подталкивая друг друга, начинают медленно двигаться. Овез видит это, он растерян, вид у него такой, словно собирается крикнуть поезду «Стой!» и побежать за ним. Он даже бежит некоторое время, маша рукой. А тем временем поезд, набирая скорость, уходит все дальше. Удрученный опозданием, Овез рухнул на землю.

- Эх, если бы я немного поторопился, вполне мог успеть! – сокрушенно произносит он. Сняв шапку, кладет ее рядом с собой, вытирает со лба пот. – Ну да, я еще потерял время, пока уговаривал казаха дать мне своего верблюда, надеялся на его помощь. Да разве у казаха возьмешь его верблюда, он ведь сросся с ним и стал единым целым. Да разве он даст тебе своего верблюда, жди!- упрекнул он себя.

Остыв от долгой ходьбы, он сидел, разглядывая окружающий его ландшафт. Вставать с места ему не

хотелось. А вокруг кружатся снежинки. Отдохнув немного, Овез неспешно перекинул через плечо свой рюкзак, надел шапку и пошел дальше.

* * *

Кругом пустынно. Совсем близко впереди железнодорожная станция, позади нее еще одно здание, больше похожее на жилой дом, рядом с ним сарай, крытый соломой. Медленным шагом Овез направляется к зданию вокзала.

Толкнув дверь и войдя в помещение вокзала, за стойкой с надписью «Билетная касса» Овез увидел статную молодую женщину с приятным лицом. Она что-то писала. Когда дверь открылась, женщина оторвалась от работы, чтобы посмотреть, кто пришел. Увидев Овеза, сразу же поняла, что это опоздавший пассажир. На ее лице были написаны и удивление, сочувствие и жалость к человеку, опоздавшему на поезд.

- Вы хотели на ушедший поезд попасть?

- Да, хотел,- огорченно произнес Овез.

- Ах, но он только что отошел. Что же вы чуть-чуть раньше не пришли?

- Я видел, что поезд отходит, но раньше придти не смог.

Овез подошел к кассе.

- Милая, а каким образом теперь можно будет выбраться отсюда?

- Сегодня кроме ушедшего больше пассажирского состава не будет.

- А может, скоро пойдет какой-то грузовой состав, чтобы я мог прицепиться к нему и уехать?

- У нас маленький полустанок, поэтому и многие грузовые составы без остановки проходят мимо нас. Сегодня только один ненадолго приостановится здесь, да и то это будет около 12 часов.

Женщина опустила голову и стала просматривать свои записи, чтобы уточнить время прибытия состава.

- Он прибудет в 11.45.

- Но если не будет иного транспорта, нельзя ли как-нибудь попасть на этот?

Женщина какое-то время молчит, не зная, что ответить. Потом произносит:

- Попытаться, конечно, можно. Но машинист этого поезда – человек, строго соблюдающий законы.

- В крайнем случае, меня устроит, если он довезет меня до большой железнодорожной магистрали или хотя бы высадит возле крупной автотрассы. А уже оттуда я потом на чем-нибудь доберусь до места.

- Думаете, оттуда на какой-нибудь попутке добраться? – предположила женщина, и Овезу пришлось по душе ее догадливость. Посмотрев по сторонам, он снова обратился к женщине:

- Нельзя ли мне будет подождать прихода того поезда здесь?

Женщина:

- Но до прибытия поезда еще много времени.

- И я о том же говорю, на улице сыро, да и снежок вон начал падать.

- Снег! – восторженно произнесла женщина и посмотрела в окно. Ей хочется увидеть, как падает снег. Она вытягивает шею.

Овез отходит от окошка кассы и присаживается на

одну из пустующих скамеек. Свой рюкзак ставит рядом.

- Расстояние, однако, приличное.

- Вы от Туркменского озера идете?

- Да, я вышел оттуда два часа назад.

- Неужели вы пешком всего за два часа добрались до станции? Перед этим пришла ваша машина, почему вы на ней не поехали? Могли бы вместе со всеми уехать.

- Я получил сообщение уже после отхода машины, иначе бы...

- Сообщение хотя бы хорошее?- Женщина оторвалась от своих бумаг и сочувственно посмотрела на незнакомого мужчину.

- Не буду говорить.

- Ну, ладно, не хотите говорить, и не надо,- женщина пожала плечами.

- Потому что вы не ответили на мой вопрос, можно ли мне подождать поезда в этом зале ожидания.

В ответ на шутливое замечание незнакомца женщина мило улыбнулась и смущенно опустила голову. Затем, бросив на парня беглый взгляд, заговорила, глядя в окно:

- Можно было бы и подождать, но...

- Что за «но»?

- А то. Если на улице похолодало, то и здесь будет холодно. Значит, находиться здесь будет невозможно. К тому же, если пошел снег, зима вступила в свои права, и уж она-то точно будет беспощадна.

Овезу показалось, что абсолютно незнакомая женщина стала проявлять о нем заботу, не имея на то никаких причин. Вдруг их взгляды пересеклись. Во взгляде Овеза женщина почувствовала желание, смутилась и опустила голову. Невольно пригладила и без того аккуратно

уложенные волосы, будто хотела понравиться мужчине. Она старалась не показывать своей растерянности и волнения.

- Я сейчас покончу с этой писаниной, а потом вы пойдете к нам, можете там подождать.

Неожиданное предложение сильно удивило Овеза. Усмехнувшись, он спросил:

- А муж твой не заревнует, если ты приведешь меня в дом?

- Приревнует, так приревнует. Тогда и посмотрим.

Женщина изобразила на лице лукавую улыбку и начала собирать свои бумаги. Сняла с вешалки форменную фуражку и надела ее на голову. Заперла сейф, в котором спрятала свои документы, а ключ от него положила в карман немного тесноватой для нее формы железнодорожника. И лишь после этого вышла из своего закутка в зал ожидания, где находился Овез.

- Ну, а теперь пошли!

- Пошли, так пошли. Погода совсем испортилась, думаю, на улице здорово похолодало,- Овез взял свои вещи и последовал за женщиной.

* * *

Женщина и Овез вдвоем вышли на улицу. Снегопад усилился. Отдельные участки земли уже были припорошены снегом. Пока они шли, с неба начали падать крупные хлопья снега, похоже, скоро снег все вокруг окрасит в белый цвет. Вскоре они достигли домика неподалеку от вокзала. Снег уже забелил крыши сараев и других подсобных помещений рядом с домом. Открыв дверь, женщина вошла в дом вместе с Овезом.

- Шеше, я пришла!

- Хорошо, что пришла. Переоденься и приходи, поможешь мне, свет очей моих!

- Шеше, я и гостя привела с собой.

- Гость – это хорошо, добро пожаловать в наш дом!

Овез повернул голову в сторону боковой двери и увидел там женщину в белой косынке, она что-то лепила из теста. Он поздоровался с ней:

- Здравствуйте!

Женщина на минуту оторвалась от своего занятия и вопросительно посмотрела на незнакомого парня.

- Как дела, сынок?!

Потом повернулась к дочери:

- Проводи гостя в зал, дочка! Там и праздничный сачак накроем.

- Отец еще не пришел?

- Говорит, сделаю один круг, и увел своих овец. Снег пошел, так что он уже недолго пробудет на улице, придет. А вы идите, располагайтесь!

Женщина проводила Овеза в комнату.

- Гость, вы устраивайтесь поудобнее. Я пойду, помогу маме с угощением, а потом приду!

Женщина прошла в соседнюю комнату, сняла рабочую форму, переделась в домашнее платье и превратилась в очаровательную красавицу! Когда она шла на кухню мимо него, Овез с восхищением разглядывал ее. Вскоре из кухни стали доноситься голоса матери и дочери.

- Шеше, этот парень опоздал на поезд.

- Он кто, случаем, не чабан?

- Да, нет, вроде бы работает на Туркменском озере.

- Отец твой видел, говорит, озеро растет на глазах, огромным становится.

- Говорят, когда озеро построят, оно будет таким большим, что по нему, как по Каспию, будут ходить суда.

- Ну и времена настали! В пустыне разливается озеро, а по нему пустят суда...

- Дай-то, Бог, чтобы в нашей жизни происходили только хорошие перемены!

На кухне мать и дочь раскатывают тесто на расстеленном кендирике (кендирик – грубая домотканая ткань, на которой раскатывают тесто и просеивают муку), затем мать ножом режет его на маленькие ромбики, чтобы можно было запускать в кипящий котел. На газовой плите в казане томится мясо, приготовленное для бешбармака. Через некоторое время молодая хозяйка дома, улыбаясь, вошла в комнату, где оставила Овеза, неся в руках чайник и две пиалы.

- Ну, как, гость, не заскучал тут в одиночестве?

- Да, нет.

Женщина расстелила большой праздничный сачак (дастархан) и поставила на него чайник и пиалы.

- Гость, ты пока попей чаю, а я скоро вернусь!

Затем женщина начинает снова между гостиной и кухней, раскладывая на сачаке праздничное угощение. А сама исподтишка разглядывает Овеза.

Видя, что Овез даже не прикоснулся к чаю, женщина улыбнулась и присела рядом с ним.

- Гость, почему ты не пьешь чай? Или ты прослышал о том, что казахские девушки сами разливают чай по пиалам, и теперь ждешь, когда это сделаю я? - шутливо произносит она. Время от времени бросает на него обеспокоенный взгляд.

Только после этого Овез придвинулся к сачаку.

- И чаю попьем. А если ты сама нальешь его в пиалу, так выпью с еще большим удовольствием!

Овез тоже улыбнулся, стараясь не показывать своего смущения и держаться наравне с молодой женщиной, тон его был ироничным. Они с пониманием и каким-то скрытым интересом смотрят друг на друга. Женщина садится у сачака, по-казахски наливает в пиалу чай и подает ее Овезу. Молодой человек с радостью принимает у нее пиалу с чаем. Женщина и Овез, сидя рядышком, с наслаждением пьют чай. Через некоторое время женщина с видом человека, о чем-то желающего спросить, вспомнила, что до сих пор не представилась гостю, и смущенно посмотрела на Овеза.

- Гость, мы ведь даже не познакомились. Как тебя зовут? Меня звать Кенджекей.

Услышав имя женщины, Овез озорно подумал про себя: «Хорошее у нее имя, как хочешь, можно толковать, например: неплохо было бы потрепать ее!»

- Меня зовут Овез.

- Имя Овез и среди казахов довольно распространено. У нас Овезом чаще всего называют мальчика, который родился следующим после рано ушедшего из жизни ребенка.

- Кажется, у нас тот же принцип,- Овез протянул женщине опустевшую пиалу и попросил ее еще налить чая.

Женщина делает это с удовольствием, наполняет пиалу гостя чаем и протягивает ему. Затем со смехом произносит:

- А я думала, что тебя зовут Гарлы (Снежный).

- Почему ты так думала?

- Потому что ты принес с собою снег.

Их беседа была в самом разгаре, когда донесся звук

открываемой входной двери, кто-то вошел в дом. А затем из прихожей донеслось бормотание вошедшего.

Со снегом Новый год пришел,
Со светом пришел Новый год...
Падай, снег, побольше падай,
В прошлом году тебя было мало.

Женщина встала с места:

- Это отец пришел,- сообщила она и радостно пошла ему навстречу. В прихожей старик стряхивал с себя снег. Затем он стряхнул снег с шапки с приплюснутым верхом. Дочь помогла ему снять тулуп. В этот момент старик заметил стоящую в сторонке незнакомую обувь. Он радостно спросил у дочери:

- Дитя мое, к нам Тумен приехал?

- Нет, отец, не он

- Он же обещал приехать.

- Да, нет, это не он...

- Да откуда мне знать, пару дней назад при встрече он сказал, что поздравит нас с Новым годом, да так, чтобы он нам запомнился. Говорит, устраю вам сюрприз. Вот я и подумал, что это он.

Вешая тулуп отца, Кенджекей сказала:

- Отец, нашим гостем стал парень, который отстал от поезда. Он хочет попытаться уехать на грузовом составе, который приходит около двенадцати ночи. Я сказала ему, чтобы он подождал у нас, и привела его с собой.

- Ты правильно сделала, дочка. Говорят, в канун Нового года в этих песках гуляет Хызр (легендарный пророк; по преданию, помогает терпящим бедствие в степи).

Этот гость – или сам Хызр, или из тех, кто видел Хызра. Ты, дочка, не оставляй гостя в одиночестве, я тоже помою руки и подойду к вам...

Кенджекей вернулась в гостиную, а следом за ней тужа же вошел старик в папахе с приплюснутым верхом и просторном халате-доне из черного плюша. Он пожал руку Овезу и тепло поздоровался с ним. Приход старика успокоил Овеза, который смущался, сидя наедине с незнакомой женщиной, у него поднялось настроение. После того, как старик опустил на положенную Кенджекей небольшую подстилку, в комнату пришли, неся на подносах праздничное угощение, Кенджекей вместе с матерью. Они заняли свои места за сачаком. Хозяйка дома посмотрела на мужа и по выражению его лица поняла, что он ждет не этого угощения, а бешбармака. Обратилась к нему:

- На первое я пожарила печень и почки. Баран, которого ты освежевал, видать, был не очень молодым, мясо немного жестковато, долго тушится. Но я уже бросила в воду нарезанный бешбармак, так что скоро будет готово.

Старик отломил кусок лепешки и обмакнул его в миску с жареной печенью.

- Бисмилла, бери, гость, угощайся,- обратился он к Овезу. Затем повернулся к жене. – Пусть хорошенько дойдет, жена, не стоит торопиться. Новогоднее угощение должно быть таким же вкусным, как и застольные речи. Баран вроде бы не должен быть таким уж старым, это же двухгодовалая овца, просто она раньше времени родилась...

Все с аппетитом поедают угощение, но старику кажется, что чего-то на столе не хватает. Вытерев рот, он встает с места. Кенджекей поняла, что он хочет что-то принести.

- Отец, ты сиди, я сама принесу все, что ты скажешь.

- Нет, дочка, ты это не найдешь! – возразил старик.

Сгорбленной походкой старик прошел в соседнюю комнату и принес оттуда бутылку водки. Он торжественно водрузил ее на праздничный сачак.

- У меня была заначка, которую я держал для хорошего гостя. Вот она.

Протягивая пиалы Овезу, старик произнес:

- Возьми, сынок, хоть ты и гость, но младше меня, так что сам распоряжайся этим!

Овез разлил водку по пиалам. Подняв пиалу с водкой, старик обратился к Овезу:

- Сынок, все желания, загаданные в канун Нового года, обязательно сбываются. Тем более, когда эти пожелания высказывает гость. Давай, произнеси тост, пожелай нам и себе что-нибудь хорошее!

Посмотрев по сторонам, Овез стал говорить тост:

- Друзья мои, первым делом я хотел бы поздравить вас с наступающим Новым годом. Пусть год грядущий станет более удачным для всех нас, для наших родных и близких, друзей и знакомых, для нашей страны. Пусть сбудутся все наши желания. Мне кажется, что этот год будет гораздо лучше, плодотворнее, желаннее предыдущих. Смотрите, он идет к нам под белым покрывалом из долгожданного снега.

Собравшиеся кивком головы одобрили тост Овеза и присоединились к его пожеланиям. Старик и Овез чокнулись пиалами, и выпили водку. После пары тостов обстановка изменилась, стала более праздничной, веселой. Старик с удовольствием отделял куски мяса от головы и ножек барана, красиво уложенных на центральном блюде, и

раздавал их сидящим за праздничным сачаком. Вначале он отделил от головы язык и подал его дочери.

- На, дочка, съешь это, чтобы у тебя всегда и везде был хорошо подвешен язык, и ты могла бы ответить за себя.

Кенджекей смущенно приняла от отца бараний язык.

Два уха старик отдал Овезу.

- Бери, сынок, эти уши. Пусть твои уши всегда будут слышать нас.

Овез тоже смущается, однако с благодарностью принимает предложенное ему угощение. Глаза овцы старик протягивает жене.

- Бери, жена, глаза – твоя доля. Пусть твой взгляд всегда будет устремлен на нас.

Похоже, слова старика не очень-то понравились его жене, она что-то пробормотала, подставляя тарелку под свою долю.

- А что, без этого мои глаза куда-то в другую сторону смотрят?

Старик вытер руки и в хорошем настроении обратился к дочери:

- Кенджеке, дочка, подай мне мою домбру!

- Сейчас, папа!

Кенджекей легко вскочила с места и вышла из комнаты.

- Песня всегда украшает любой праздник. Я, конечно, не музыкант, но когда случается такое хорошее настроение, немного играю,- сказал старик.

Из соседней комнаты Кенджекей принесла домбру и подала ее отцу. Некоторое время старик настраивал ее, подтягивая колки струн, после чего дом наполнился радостными звуками чудесной музыки. Накинув дон на

плечи, старик вдохновенно играл на домбре, на лбу его проступили капельки пота. Вскоре музыка захватила всех сидящих за сачаком, завладела их мыслями и желаниями.

А в это время на улице продолжал идти снег, уже небо и земля слились воедино. И тут же с потолка стали прямо на край сачака падать капли. Взглянув на потолок, люди увидели, что на другом его краю тоже собрались капли, готовые вот-вот сорваться вниз. Именно оттуда они отделялись и падали вниз.

Старик вспомнил, что именно в этом месте крыши сломан шифер. Он стал ругаться.

- Ах, ты, зараза! Надо же было именно сегодня так испортить настроение! Я ведь еще летом собирался пригласить какого-нибудь мастера и починить крышу, да забыл. Ведь и в прошлом году, когда выпадали осадки, она уже протекала.

Затем старик обратился к дочери:

- Кенджекей, иди, дочка, принеси тазик и тряпку и вытри лужу. Отодвиньте сачак в сторонку, только постарайтесь ничего на нем не перевернуть.

Кенджекей с легкостью вскочила с места и сбегала за тазиком и тряпкой. Откинув мокрый край подстилки, начала протирать намокший пол, приводить все вокруг в порядок. Овез с интересом разглядывает ее сильные руки, которыми она делала уборку. Ему не хотелось отрывать взгляда от этих ловких и изящных рук. Тем временем Кенджекей пыталась высушить мокрое пятно, которое увеличивалось прямо на глазах. Временами бросала на Овеза виноватый взгляд, словно пыталась объяснить ему, что вот такая неприятность у них иногда случается.

Покончив с этой лужей, Кенджекей подставила под другие капли ведро, а сверху накинула на него тряпку, чтобы стук падающих капель не раздражал слух. А когда жена и дочь вышли из комнаты по каким-то своим делам, старик пожаловался Овезу: «Будь у меня сын, он давно поправил бы крышу, и не было бы сейчас этой неприятности!»

- Сынок, у меня только один ребенок, это моя дочь. Много мы детей родили, да выжила только она одна. Но и она не очень-то счастливой получилась. Вышла замуж, но не прожили они и двух-трех месяцев, как ее муж уехал на учебу, да больше не вернулся. Вот и осталась моя дочь соломенной вдовой.

Недавно открыли эту новую железную дорогу, и я сумел устроить дочь на работу около себя. Теперь мы вдвоем работаем. Конечно, к нам приходят люди, сватают нашу дочь. Но, то нам кто-то не нравится, то дочери не по душе. Конечно, нам бы очень хотелось, чтобы у нее была семья, чтобы счастлива была наша доченька, только не всегда наши желания совпадают с предлагаемыми обстоятельствами. Как знать, может, и ей однажды улыбнется счастье.

В дверях появляются мать с дочерью, они несут новое угощенье. Кенджекей с порога объявляет:

- Вот, папа, и бешбармак уже готов.

- Мясо хорошо сварилось?

- Да, как тебе нравится, тает во рту.

Они снова собрались вокруг сачака, продолжили Новогоднее празднество. Выпили по чуть-чуть, хорошо закусили, после чего старик снова взял в руки домбру и увлеченно заиграл на ней. А Кенджекей, словно выставляя напоказ белизну своих рук и дразня этим, водит ими по сачаку, пододвигая сидящим угощение.

Через какое-то время, отложив добру, старик обернулся и увидел, что с потолка перестало капать, поднял голову и посмотрел вверх.

- Оказывается, уже не капает с потолка,- произнес он. Подумав немного, сделал заключение: - Видно, снег начал замерзать.

Овез и Кенджекей тоже посмотрели на потолок и убедились, что протечка прекратилась. Старик, вытирая платком с лица пот, вдруг заметил, что жена сидит, прислонившись к стене, и дремлет. Он улыбнулся. Смотрит на Кенджекей и Овеза, словно хочет что-то сказать им.

- Молодежь, вы сидите. Жену сморил сон, так что, если позволите, мы пойдем, нам пора на боковую. Да и время уже позднее.

Старик посмотрел на висящие на стене часы. Они показывали одиннадцатый час.

Тогда старик обратился к Овезу:

- А тебе, сынок, если надо ехать, я желаю счастливого пути. Кенджекей проводит тебя. А если не сможешь уехать, возвращайся, встречайте Новый год у этого очага. Хорошо, что ты посетил наш дом, сынок. Я не помню, когда в последний раз я так хорошо провожал старый год и встречал новый. Ты, оказывается, работаешь на Туркменском озере, поблизости от нас. Так что приходи в гости, помни, что старый казах всегда будет рад видеть тебя!

- Обязательно приду, отец,- Овез за руку тепло распрощался со стариком.

- Ну а теперь нам пора спать, сил больше нет сидеть.- С этими словами старик, волоча свалившийся набок дон, поплелся за женой.- Если уедешь, будь здоров, Кенджекей проводит. Вот только тебя, радость, и не хватает в нашем доме,- уходя, бормотал старик.

После ухода родителей Кенджекей обратилась к гостю, показывая ему на заставленный едой сачак:

- Гость, почему ничего не ешь?

- Да, хорошо поели, некуда больше.

- Тогда, может, горячего чаю хочешь?

- Чай бы точно не помешал. Да еще если ты его собственноручно разольешь по пиалам,- глядя в лицо молодой женщины, полушутя произнес Овез.

Хозяйка дома налила в пиалу чай и протянула ее гостю. По-прежнему с особым интересом глядя на женщину, Овез продолжил тем же игривым тоном.

- Милая Кенджекей, ты, оказывается, можешь готовить такие вкусные праздничные блюда, да еще такой чудесный чай завариваешь. Что еще надо мне, холостяку! А я вообще не уеду от вас, жить здесь буду.

Прежде чем ответить ему, Кенджекей бросила на парня заинтересованный взгляд. Потом посмотрела ему прямо в глаза:

- А разве кто-то пытается выставить тебя из этого дома?- покраснев, нежным голосом произнесла она. После этих слов Овез буквально потерял голову. Он коснулся руками рук женщины.

В это время у него зазвонил телефон. Отняв руку от Кенджекей, Овез достал трубку. Кивнув Кенджекей, объяснил:

- Наверно, это моя сестра. Я же говорил, что она будет звонить! – он поднес трубку к уху. Хозяйка дома слышит весь разговор.

- Алло, Овез, дорогой!

- Слушаю тебя, Олока (что за имя?). Здравствуй!

- Как дела твои, брат, ты приедешь сюда?

- Да, приеду.

- Приезжай скорей. Так хочется видеть тебя счастливым. Да и молодка, с которой хочу познакомить тебя, очень милая женщина. Яшмак носит, воспитанная, уважительная. Думаю, с ней ты можешь познать человеческое счастье.

При этих словах Кенджекей насторожилась. Она вопросительно посмотрела на Овеза, как бы спрашивая у него: «Что все эти разговоры значат?» Видя, как меняется в лице Кенджекей, Овез заторопился окончить разговор. В трубку сказал:

- Олака!

- Поверь, братишка, что именно так все и будет. Дать ей трубку, скажешь пару слов?

- Нет, не сейчас...

- Понимаю, ты ведь у нас стеснительный. Ну да ладно, когда приедешь домой, сядете рядком, как муж и жена, касаясь друг друга коленками, и переговорите обо всем.

- Ну, тогда пока, Олака.

- Ты все же поспеши, парень. Теперь твоего возвращения ждем не только мы одни!

- Хорошо. А сейчас до свиданья, я теперь сам позвоню тебе, Олака!- Овез спешно отключил телефон. До этого звонка сидевшая рядом с ним Кенджекей отодвинулась от него, у нее явно испортилось настроение. Овез попытался оправдаться. – Я же говорил, что это сестра звонит,- он виновато посмотрел на молодую женщину.

Кенджекей недовольным тоном:

- Похоже, не только сестра желала с тобой поговорить,- подколола она гостя.

- Она только говорит так, на самом деле там никого нет.

- А мне кажется, что кто-то еще ждет твоего возвращения.

На что Овез уверенно возразил:

- Да, есть человек, который меня ждет. Только он не там, где, как я думал раньше, а в другом месте.

- В другом месте? – Кенджекей не сразу сообразила, о чем он говорит с загадочным видом. Вопросительно посмотрела на Овеза.

- Да, в другом месте. Не в Ашхабаде, а в доме старого казаха уже давно меня ждут.

- Ты сам-то веришь в то, о чем говоришь?

- Верю. Почему я не должен верить? Мы ведь из тех туркмен, которые придерживаются такого мнения: если нашел у порога, не ходи дальше.

Выслушав его уверенный ответ, Кенджекей немного успокоилась. После этого на ее лице появилась многозначительная улыбка, было видно, что она снова взяла себя в руки. Какое-то время они оба молчали, только было слышно, как тикали часы. Они вдруг напомнили Кенджекей совсем о другом.

- Наверно, уже началось ежегодное Новогоднее поздравление народа Президентом.

Кенджекей включила телевизор. По телевидению шло выступление Президента. Он поздравлял народ страны с наступающим Новым годом.

- Уже началось!

- Да, уже идет выступление Президента!

Кенджекей посмотрела на часы.

- Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? Те, кто, как

мои родители, рано ложатся, уже давно смотрят десятый сон.

Из Новогоднего обращения Президента к народу страны

... Независимый нейтральный Туркменистан дружно встречает Новый год большой и сплоченной семьей, и в эпоху могущества и счастья связывает с Новым годом все свои лучшие и самые заветные мечты и чаяния.

В уходящем году мы выполнили колоссальную работу, позволившую значительно повысить авторитет и славу нашего Отечества и родного народа. Во всех концах нашей страны продолжает кипеть героический созидательный труд. Мне хочется упомянуть о некоторых из сотен таких работ.

Сегодня Национальная туристическая зона «Аваза» на Каспии превратилась во всемирно известную здравницу, привлекающую внимание туристов из разных стран мира. Ей мы предрекаем большое будущее.

Еще одним грандиозным и перспективным объектом нашей страны является строительство Туркменского озера. Наш трудолюбивый народ в тяжелых условиях пустыни строит это озеро. Его строительство и сегодня ведется высокими темпами. Там работают мужественные и очень трудолюбивые граждане нашей страны.

В этом месте Президентской речи Овез отвлекся от телевизора и посмотрел на Кенджекей, чтобы поделиться с ней гордостью за то, что слова Президента касаются и его самого.

- Видишь, Кенджекей, уважаемый Президент и нас не забыл упомянуть, выказал свое почтение.

- Вот если бы папа слышал слова Президента о новой

дороге, он обязательно поднял бы бокал и произнес тост. Он бы сказал: давайте, выпьем за здоровье нашего лидера!

Овез понял намек и поддержал Кенджекей. Сдвинув две пиалы, наполнил их шампанским:

- Вот уж точно: пока в туркмена не ткнешь, он сам ни о чем не догадается!

Овез пододвигает одну из пиал к Кенджекей. А та, подвинувшись поближе к парню, подняла пиалу. Потом посмотрела на Овеза и произнесла с упреком:

- А наш туркмен, хоть и ткнули в него, все равно ничего не почувствовал,- при этом на лице у нее блуждала многозначительная озорная улыбка. Видно, что настроение женщины, подпорченное телефонным разговором Овеза, заметно улучшилось. После этого и Овез не стал таить свои чувства, полностью отдался им. Он радостно обнял Кенджекей, смотревшую на него с нескрываемым желанием.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина. Слышно лишь тиканье настенных часов. С трудом выскользнув из объятий Овеза, женщина со словами «Я сейчас!» сняла со стены часы и отнесла их в соседнюю комнату. Этим поступком она как бы сказала Овезу: «Сейчас нам никто, кроме нас самих, не нужен».

* * *

Заснеженное поле. Вдалеке, словно мираж, показался силуэт, по приближении оказавшийся впряженным в арбу верблюдом. Идя вдоль железной дороги, он свернул к дому Кенджекей. Как только телега остановилась возле дома, какой-то человек легко спрыгнул из нее на снег.

Немного прислушавшись к звукам, человек начал громко стучать в дверь.

- Эй, откройте же! Как можно спать, не встретив Новый год? – недовольно бормотал он.

Из-за двери донесся сонный встревоженный голос.

- Да погоди ты, дверь сломаешь. Сейчас открою.

Спешно накинув на плечи дон, старик вышел на улицу, чтобы узнать, кто же их беспокоит в столь поздний час. Узнал.

- О, Господи, это ты, Туменбай?!

- А кто же еще, конечно, я, ваш Туменбай. Я же обещал устроить вам в новогоднюю ночь сюрприз.

- А что это такое – сюрприз?

- Я приехал на празднично украшенной телеге. Сейчас вы с Кенджекей и тетушкой сядете в нее, и я с ветерком прокачу вас на ней. Свадьбу сыграем, вот и весь сюрприз. Вот такие неожиданные игры русские называют сюрпризом. – Туменбай обратился к старику. – Я ведь обещал приехать, не так ли? Вот я и приехал. Поехали, в доме уже все готово, осталось только свадьбу сыграть,- тоном, не допускающим возражений, произнес Туменбай.

Но тут из-за спины старика в полутьме показались силуэты жены и дочери старика.

- Мы спали уже,- недовольно произнесла пожилая женщина.

Тумен обратился к дочери старика:

- Кенджекей, а ну, одень поскорее своих стариков и будь готова, скоро поедem. Главный сюрприз вас дожидается там,- в его голосе зазвучали требовательные нотки. – Ну что вы стоите, как вкопанные, давайте скорее, я ведь за вами приехал!

- За нами? – удивленно спросила Кенджекей, неприязненно посмотрев на незваного гостя. Одной рукой придерживая распахнутый ворот платья, добавила: - И потом, у нас дома гость, а его мы куда денем?

Туменбай даже не стал спрашивать, что за гость, он был уверен в себе:

- Ничего, и гостя возьмем с собой.

- Но он путник, скоро пойдет на вокзал и сядет на поезд.

В это время на пороге дома появился Овез, он обратился к Туменбаю:

- А, это ты? А я-то думаю, кто это тут среди ночи устроил шумиху!

- Ох, Овез, это ты, оказывается, гость? – удивленно воскликнул мужчина.

- Да, это я.

- Ты что, до сих пор не уехал?

- Опоздал на поезд.

Потом он пристально посмотрел на Туменбая и недовольным тоном произнес:

- Потому и опоздал, что ты, друг, пожалел дать мне своего верблюда. Дал бы, и я бы не опоздал.

- Кто же знал, что так получится,- с ревностью в голосе произнес Туменбай, которому не понравилось присутствие Овеза в этом доме.

Однако он очень быстро взял себя в руки и пошел в атаку на старика:

- Отец, я говорил тебе, что на Новый год приеду к вам?

- Говорил, сынок.

- Говорил, что мы сыграем свадьбу?

- Говорил.

- Говорил, чтобы вы были готовы, что я приеду за вами и увезу с собой?

Старик вспомнил о данном Туменбаю слове, ему стало неловко, что сейчас он не может сдержать его. Затем он повернулся к своим и стал объяснять:

- Я сказал Туменбаю: приезжай, если ты приедешь, мы поедem с тобой. Дочка, вы с матерью поезжайте, а я провожу гостя и присоединюсь к вам.

Кенджекей недовольно нахмурила брови. Было видно, что она хочет что-то сказать отцу.

- Отец!

Старик догадался о намерениях дочери и не хочет слушать ее. Раздраженно:

- Я уже 26 лет отец. Но теперь мне уже хочется стать дедом. Пока я жив, хочу дождаться внуков. Казахам не пристало отправлять обратно экипаж, проявивший уважение и приехавший за нами. Тем более в такой момент, когда все так удачно складывается. Садись, дочка, в арбу, и мать прихвати с собой!

Тумен остался доволен стариком.

- Спасибо тебе, отец, за такие слова,- благодарно произнес ночной гость.

После требовательных слов старика мать и дочь, одевшись, сели в арбу. Овез был не в состоянии понять, что происходит, он вопросительно смотрит на Кенджекей. И женщина не отводит от него взгляда.

Довольный тем, что у него все получилось, Туменбай перед отправкой повернулся к стоящему в дверях Овезу.

- Вот, брат, можешь считать, что с этого дня в мире одним холостяком стало меньше!

Утаптывая снег возле телеги, прощается с Овезом и тепло пожимает ему руку.

- Я тебе желаю счастливого пути, чтобы ты обязательно встретился со своей половиной. А когда окажешься в ее объятьях, вспомни обо мне и скажи: я не один такой счастливый!

Ночь. Падают редкие пушинки снега.

По заснеженному полю медленно удаляется телега, везущая свою добычу. Старик и Овез продолжают стоять в дверях, наблюдая за удаляющейся арбой и пытаясь понять, что же все-таки происходит. Постепенно арба исчезает из виду.

* * *

Старик и Овез с рюкзаком за спиной по заснеженной тропинке идут на вокзал. В руках у старика фонарь железнодорожника. Идя рядом со стариком, Овез временами невольно бросает взгляд в ту сторону, куда укатила арба. Под ногами скрипит снег, издавая звуки колотого сахара.

Старик идет на пару шагов впереди Овеза. Он что-то бормочет себе под нос.

... Машинист этого поезда настоящий законник. Да, нет, он послушается меня, не посмеет отказать. Я ведь с ним в прошлом году участвовал в совещании передовых железнодорожников. На том форуме присутствовал и Президент страны, очень представительное было мероприятие.

На том собрании и мне, и ему вручили ордена «За трудовую доблесть».

Помню, как мы радовались и поздравляли друг друга с такой высокой наградой.

... Сынок, хорошо, что провожать тебя пошел я, а

не дочка моя Кенджеке. Мне-то он не посмеет отказать, возьмет тебя с собой, а вот ей мог бы и отказать, сославшись на постановление.

Мне он точно не сумеет отказать. Что же это за рабочая солидарность, если орденосный железнодорожник не поможет другому такому же железнодорожнику.

Старик с Овезом друг за другом входят в помещение вокзала.

* * *

Войдя в здание, старик проходит за стеклянную перегородку и занимает свое рабочее место. Овез остается в зале ожидания. У него плохое настроение, он удручен. Снова звонит его мобильник. Он берет трубку и слушает. Оттуда доносится торопливый знакомый голос.

- Олакга-Огулгурбан!

- Это ты, Овез? Куда ты пропал, мы жаждали тебя!

- Я сейчас нахожусь на железнодорожной станции неподалеку от Туркменского озера.

- А где это?

- Ближайшая к моей работе станция.

- Ой, так ты еще не выехал оттуда? Но ведь через несколько минут наступит Новый год.

- Передавай привет Деду Морозу и Снегурочке!

- Перестань дурачиться! Нам тут не до шуток. Скажи честно, где ты сейчас находишься?

- Я отстал от поезда.

- Нет, у этого парня никогда ничего не получается, все у него не как у людей! Только я поверила, что все налаживается, так снова какие-то неурядицы возникают...

- Да, не расстраивайся ты, Олака!

- Как же мне не расстраиваться, если у тебя все

шиворот-навыворот?! Прекрасная женщина ждет его тут, а ему все шуточки. ... Ты хоть сможешь теперь уехать отсюда?

- Не переживай, уеду. Я тут с одним старым казахом познакомился, он пытается помочь мне...

В этот момент неожиданно громко распахнулась дверь вокзала. На пороге появилась засыпанная снегом Кенджекей. Овез вскочил с места, лицо его радостно засияло. Кенджекей с ходу бросилась в его объятия. Овез с любовью в голосе:

- Милая моя Кенджеке, это ты, родная?

- Да, это я.

- Пришла?

- Очень хотелось увидеть тебя. Что мне делать на чужой свадьбе, когда скоро будет моя собственная свадьба?

- Какая же ты молодчина! Наша свадьба!- Овез еще крепче сжал ее в своих объятиях.

* * *

Один из зимних дней. Ярко светит солнце, слепит глаза. От выпавшего в Новогоднюю ночь снега нет и следа. Островки снега остались лежать лишь в тех местах, куда не попадают солнечные лучи.

На станцию прибывает поезд. Из него выходят рабочие, занятые строительством Туркменского озера. Эти люди встретили Новый год в кругу семьи и теперь возвращались на вахту. Один из них вдруг заметил своего товарища, Овеза, который сидел на крыше дома железнодорожника-казаха и укладывал шифер, а какая-то молодая женщина, снизу подавая инструменты и гвозди, помогала ему.

Перевод с туркменского Б.Оразкулиевой.

МИСКА РЕКСА

Сегодня утром Марьям проснулась от доносящегося из дальнего конца двора знакомого кокетливого смеха вдовой соседки. А ей так хотелось еще немного побыть в этом волшебном царстве сна, понежиться в согретой ее обнаженным телом постели. К тому же ей некуда было спешить, она нигде не работала и ничем особенным не занималась. Марьям относилась к категории богатых домохозяек. Ее муж был старше нее лет на пятнадцать, он был из тех, кто умело воспользовался суматохой последних лет, связанной с распадом государства, вовремя использовал ее в собственных интересах и завладел несметными богатствами. Такие, как он, называли себя “новыми туркменскими баями”, народу же они были известны как “разбогатевшие потом”. Словом, он был одним из тех, кто, как в сказке, в мгновение ока стал богачом.

На самом деле все поздние туркменские богачи действовали по одному сценарию, ведь у них не было опыта предков, поэтому они, ведя одинаковый образ жизни, набирались опыта друг у друга.

Первым делом обзаведясь парком престижных иномарок, они сразу же приступали к строительству элитных особняков в разных концах города. И вот еще в чем “новые туркмены” повторяли друг друга: имея жен, они с большим удовольствием заводили себе молоденьких любовниц, обращали на себя всеобщее внимание и даже кичились этим.

Марьям была как раз из тех, кто в мечтах о роскошной жизни становился любовницей состоятельного, хотя и женатого мужчины. Вот уже три года она в свое удовольствие

жила в доме, купленном ей ее мужчиной. И сейчас в другом конце двора был почти готов строящийся специально для Марьям шикарный двухэтажный особняк.

Года два-три назад, покупая этот дом и оформляя купчую на имя Марьям, “новый туркменский бай”, показывая своей возлюбленной на аккуратный одноэтажный домик со всеми удобствами, пообещал: “Ты пока поживи в этом доме и потерпи немного, я потом выстрою для тебя двухэтажный дворец!”

И после, когда они с Марьям, как молодожены, проводили свой “медовый месяц” на берегах Италии, он еще пару раз напоминал о своем обещании.

Если он не был в командировке, “разбогатевший потом” три ночи в неделю посвящал своей любовнице, но и в другие дни, как только у него появлялась свободная минутка, заезжал сюда, чтобы провести свою милую, крутился возле нее.

Марьям не понравился прозвучавший в неурочное время громкий смех соседки. Потягиваясь и протягивая руку к лежащему в ногах просторной кровати шелковому халату, ласкающему голое тело женщины, недовольно выругалась про себя: “Чему эта шлюха с утра пораньше радуется?!”

День уже давно был в полном разгаре. Раскрасневшийся с самого утра, как только что испеченная лепешка, шар солнца торопливо карабкался в небо, словно совершая восхождение на гору. Ничего этого не видела Марьям, укрытая в полумраке комнаты с плотно зашторенными окнами.

Сощутив глаза, зевая и потягиваясь, Марьям подошла к окну, где глазам ее предстала следующая картина: соседка, прислонившись к разделяющему участки деревянному штакетнику высотой с человеческий рост, покачивая

роскошными крутыми бедрами, словно кого-то дразня ими, стояла возле их строящегося двухэтажного особняка и весело болтала с худощавым наемным работником, которого муж со словами “плотницкие работы будет выполнять он, люди хвалят его как хорошего мастера” привел примерно с неделю - дней десять назад. Говорила главным образом соседка, время от времени прерывая разговор громким смехом, парень же, не отрываясь от работы, замерял и отрезал доски и лишь иногда, подняв голову, для приличия поддакивал ей и улыбался.

Соседке было далеко за сорок, однако была она красива и статью вышла. Это была женщина, которая умела привлекать внимание мужчин, глядя на нее, они с восхищением думали: “А кобылка-то еще ничего!”

Марьям завидовала умению той одеваться, на ней всегда были наряды европейского кроя, но с национальным колоритом. Она и сама, как все молодые и влюбленные женщины, любила одеваться. Каждый раз, надевая на себя что-то новое, она видела в зеркале, как идет ей новый наряд, который делает ее еще красивее, и верила, что после этого муж будет любить и желать ее еще сильнее. Она и сама не замечала, как временами начинала подражать соседке, перенимая ее стиль одежды и тем самым вступая в тайное соперничество с ней. До сих пор их соседство не распространялось дальше обычных приветствий. Муж советовал ей не особенно сближаться с вдовой, не водить с ней дружбы, не ссориться по пустякам и держаться от нее на расстоянии. Напоминая ей, что это не просто женщина, а женщина-журналист, которую он время от времени видит по телевизору на высоких правительственных совещаниях, он наказывал: “Не очень-то открывай ей душу, пусть она не знает твоих тайн, держись от нее подальше”. Говорил, что от

таких женщин чего угодно можно ждать, сказал, что он и сам немного опасается этой женщины.

До сих пор Марьям не обращала никакого внимания на парня, хотя тот уже несколько дней жил и работал у нее во дворе. Она считала себя принцессой, “госпожой такой-то”, поэтому парень для нее был всего лишь наемным работником, то есть обычным батраком. И вообще, как только муж привел его с собой, он сразу же не понравился Марьям. Вслух она никак не выразила своего отношения к нему, но в душе отругала мужа: “От этого неряхи вряд ли дождешься работы”, - потому что считала, что и без того строительство дома идет медленно.

Она еще больше укрепилась в своем мнении после рассказа мужа об этом мастере: “Этот бедолага был офицером, окончил в России военное училище. Лет шесть-семь все у него было хорошо, он даже командиром побывал. А потом его как непригодного к воинской службе комиссовали. Говорят, беда не приходит одна, жена этого несчастного с двумя детьми уехала к себе на родину в Россию. С тех пор он и занимается наемным трудом, и живет там, где работает...” После рассказа мужа и глядя на худобу мастера, Марьям сразу же сделала вывод: “Если он болен, значит, у него туберкулез, его же видно, небось, по этой причине и жена от него сбежала, как пить дать, у него самая настоящая чахотка... болезнь заразная, так что надо быть от него подальше, береженого Бог бережет...” Ничего не зная в точности, она тем не менее напомнила своей домработнице, что у больных туберкулезом должна быть отдельная посуда, и наказала ей не пускать его в дом, а носить еду в специально отведенной посуде туда, где он работает. Эту миску, похожую на собачью посуду, Марьям купила недавно на рынке, чтобы кормить из нее немецкую овчарку Рекса, охранявшего дом.

Она была еще новой, Рекс всего несколько дней питался из нее. Рабочий, будто бы ни на что не обращающий внимания, словно читая мысли хозяйки дома о себе, вообще не замечал ее. Он даже близко не подходил к Марьям, разве что иногда приходил к крану возле старого дома, чтобы умыться. Он постоянно что-то замерял, резал и строгал, прибавал гвоздями, словом, с головой ушел в свою работу.

Когда Марьям, медленно прогуливаясь по асфальтовой дорожке, проложенной из конца в конец засаженного розами двора, приблизилась к строящемуся дому, женщина, беседовавшая с рабочим, уже собиралась уходить. Но увидев подходившую соседку, еще немного задержалась, чтобы поздороваться с той.

Как обычно, соседки улыбнулись друг другу и, кивнув головами, коротко поздоровались. После чего вдова не преминула заметить: “Не сглазить, соседка, твой новый дом на глазах преобразается, хорошеет”,- и с завистью посмотрела на уже почти готовое строение.

- Да, только уж слишком затянулось его строительство,- выразила недовольство Марьям.

- Да нет, чего ж там долго. Разве не в середине прошлого года вы начали строить его? Стены подняли быстро. Просто на отделочные работы уходит немало времени,- соседка, поначалу возражавшая Марьям, потом вынуждена была согласиться с ней. Марьям опять с недовольным видом протянула: “Ай, теперь мы будем рады хотя бы до зимы переселиться в него”. Мастер, занятый своим делом, что-то уронил и искал среди обрезков досок, услышав последние слова Марьям, впервые оторвался от своего занятия. Было ясно, что упрек хозяйки дома он отнес на свой счет, и теперь должен был ответить на него. Когда он посмотрел на Марьям, их взгляды встретились впервые. В этот миг Марьям показалось, что кто-то слегка толкнул ее в грудь, по всему

телу словно разряд электрического тока прошел. Совершенно неожиданно она почувствовала, как у нее пересохла губы, она растерялась и тотчас отвела свой взгляд от глаз мастера. Потому что, как только их взгляды встретились, с присущей ей женской интуицией Марьям поняла, что перед ней стоит не просто обыкновенный рабочий, а человек, перед которым, при желании, невозможно устоять. Сейчас он был похож на тигра, сама же она напоминала повстречавшуюся на его пути дикую козочку, и тигр посмотрел на нее с вожделением: “Ах ты, козочка, вот я тебя...” - было написано в его взгляде, она это сразу поняла.

А когда мастер вслух сказал: “Телин, вы не очень-то подгоняйте меня, всему свое время, да и работа идет неплохо, так что ее окончание не за горами...”, его слова прозвучали для нее приятнее ожидаемого. После этого стало понятно, что в душе парня также произошел какой-то непонятный переполюх.

Вдовствующая соседка, объясняя причины своего появления здесь, сообщила Марьям, что после окончания работ хочет пригласить мастера к себе, ведь в доме, где нет мужчины, всегда есть что поправить.

После этого Марьям еще немного походила по двору, поглазела по сторонам, а когда вернулась в дом, почувствовала, что ее тело по-прежнему охвачено дрожью, неожиданно возникшей от взгляда мастера, и сама она находится в состоянии непонятного возбуждения.

Она вспомнила, что точно такие же ощущения испытывала в школьные годы, когда в укромном месте тайком целовалась со своим одноклассником Гарягды.

Войдя в дом, Марьям резко открыла холодильник, достала оттуда одну из запотевших бутылок и, не имея терпения налить воду в посуду, выпила ее залпом прямо из горлышка бутылки.

* * *

Сегодня снова был тот желанный день, которого Марьям всегда ждала с нетерпением. Она принадлежала к тем женщинам, которые знали цену мужской любви, ее душа постоянно жаждала ее.

И если на то пошло, она была женственна и хороша собой, мужчинам в ней нравилось все - и ее горделивая осанка, и ладная фигурка, женщина была уверена, что красотой своею покорила мужа, гордилась этим и жизнью своей была довольна. И потом, Марьям давно стремилась к роскоши, в которой теперь жила, своего нынешнего положения она добилась, с легкостью переступив через женское самолюбие, вставшее на пути к достижению цели, меньше всего ее волновало и то, что она была попросту наложницей женатого мужчины. А то кем она была прежде? Разве не была она одной из тысяч таких же женщин, влачащих жалкое существование от зарплаты до зарплаты? Но уж если человеку повезет, так повезет! Семь-восемь месяцев Марьям проработала переводчицей в офисе “нового туркмена”, и не успев стать незаменимым специалистом, как превратилась сначала в женщину, которую хозяин пожелал постоянно видеть перед своими глазами, а потом и вовсе в его вторую жену. Вышло как в сказке: прилетела белая птица и прямо в клюве своем перенесла ее в этот сказочный замок...

В такие дни она всегда просыпалась намного раньше обычного. Помнила, что сегодня ее должен навестить муж, а это всегда доставляло ей удовольствие. Как и обычно, сегодня она встала с постели, потягиваясь и сладко зевая, и по привычке подошла к окну. Прихватив одной рукой плотную, как кожа арбуза, спадающую до самого пола алую штору, она отодвинула ее немного и стала наблюдать за тем, что происходит во дворе.

Кругом царила тишина. Не было видно ни мастера, о котором Марьям подумала “наверно, уже бродит по двору”, ни соседки, которая обычно с утра пораньше копошится возле деревянного забора, гремя посудой, вечно подстегивая себя и носясь от стоящего там курятника к дому и обратно.

Наблюдая за окружающим миром, Марьям по привычке погладила одну из грудей, выглядывающих из распахнутого халата, получила от этого удовольствие, и окончательно проснулась. Она потягивалась, готовясь выйти во двор и заняться утренней гимнастикой. Натягивая на себя облегающий спортивный костюм, подчеркивающий все выпуклости ее фигуры, впервые задумалась о том, что рабочий и соседка могут увидеть ее в такой форме и удивиться, словно она никогда прежде не надевала ее. Почему-то теперь ей не хотелось показываться на глаза рабочему в прежнем виде. Но она тут же подумала о том, что женой рабочего была русская женщина, так что полураздетая женщина вряд ли может его удивить, эта мысль развеяла все мучавшие ее сомнения и вернула Марьям прежнюю уверенность.

Увидев выходящую из дома хозяйку, Рекс подбежал к ней и, виляя хвостом, всем видом своим выказывал радость, он лизал ей руки, путался у нее в ногах. Мастера нигде не было видно, но из глубины дома доносились стуки его молотка и топора. Слава Богу, сейчас и соседки нигде не видать. Марьям была не против отсутствия соседки, тем не менее по привычке подумала о ней неприязненно: “Неужели эта плоскостопая до сих пор дрыхнет?..” - и представила смешную картинку: женщина лежит, задрав ноги к небу, напоминая синицу, которая поднимает ноги для того, чтобы “подпереть небо, если оно будет падать”.

Выполнив во дворе несколько привычных упражнений для разминки тела, Марьям еще немного побегала вместе с

Рексом по дорожкам, она была благодарна собаке за то, что та своей беготней поддерживала и подбадривала ее.

Сегодняшний день, когда ее должен был навестить “новый туркменский бай”, для Марьям имел особенное значение, в такие дни она была бодр и вдохновенна и как-то по-особому чувствовала себя. Ей хотелось быть нарядной, хорошо выглядеть, встретить свою вторую половину со всеми почестями и всячески угождать ему. В честь его прихода она каждый раз накрывала стол на двоих и называла это застолье “маленьким праздником”. Как и всем любвеобильным молодым женщинам, ей хотелось в этот день быть нежной и заботливой, выглядеть красивой. Дни встречи со своим возлюбленным она считала самыми счастливыми для себя, ведь ее ждала полная сладостных минут бурная ночь, когда два любящих и устремленных друг к другу тела сливаются воедино и в едином порыве, издавая шлепающие звуки, дружно разминают белую глину любви.

В такие дни Марьям сама готовила угощение для своего “маленького праздника”, во-первых, так время бежит быстрее, а еще потому, что собственноручно приготовленная еда всегда кажется особенно вкусной.

Она и сегодня не изменила своим правилам. Первым делом сразу же после полудня отпустила домработницу: “Дайза, сегодня ты можешь сходить проведать своих внуков!”. Оставшись одна, она натянула на себя передник и приступила к приготовлению праздничного угощения. Через некоторое время кухня наполнилась ароматами запекаемой в духовке курицы, натертой всевозможными специями. Затем на столе появилось плоское блюдо с фруктами - яблоками и гранатами, апельсинами и бананами, вазочки со всевозможными салатами одна за другой занимали почетные места на столе.

Когда Марьям закончила приготовление торжественного ужина, готова была и курица, ее аппетитный запах, смешанный с ароматами всевозможной зелени и салатов, заполнил всю комнату.

Затем Марьям прошла в ванную комнату. Не спеша разделась, отбросила одежду в сторону. Для Марьям это место было одним из самых любимых в доме. Каждый раз за три-четыре часа до того, как попасть в объятия любимого мужчины, она любила принять ванну. Лежа в пене и с наслаждением растирая тело, она чувствовала, как под ее руками кожа становится гладкой и эластичной, бархатистой, мужчинам нравится такая кожа. Прямо напротив ванны на стене висит большое зеркало. Так вот, отраженная в этом зеркале ванна была сейчас белой яхтой, а высунувшая голову из белой пены разомлевшая Марьям походила на спящую хозяйку бегущего по волнам судна. В такие минуты мечтательные женщины в ожидании своих мужчин всегда переживают особые, приятные чувства. Вот и Марьям сейчас находится точно в таком же состоянии. Ведь она была женщиной, поставившей перед собой цель стать счастливой, а чтобы стать ею, надо выполнить ряд условий. Счастье не предназначено для одного человека, счастливым можно быть только в паре, причем, это должна быть пара из мужчины и женщины.

Выйдя из ванны, Марьям стряхнула с себя воду и подошла к зеркалу, постояла немного перед ним, любуясь своим упругим телом. Она видела, что тело ее было беломраморным, зовущим, она гордилась своими небольшими упругими грудями с темными сосками, напоминающими рожки драчливых козочек. Глядя свои груди, Марьям представляла, как она прикладывает к ним своего беленького младенца, о котором мечтала вот уже

несколько лет и которого постоянно видела в своих снах. Помня, с каким удовольствием сосут детишки материнскую грудь, она думала о том, что и ее собственный малыш, когда он родится, будет с наслаждением сосать ее грудь. Погруженная в эти мысли, она на какое-то время забыла обо всем на свете.

Стоя перед зеркалом, Марьям расчесала волосы, заплела их в косу и закрепила ее на затылке, затем, не отходя от зеркала, протянула длинную белую руку и достала с полочки флакон с хорошо пахнущими духами. Капнув на палец, она помазала духами вначале за ушами, затем нанесла их на щеки и шею, хотя и помнила, что ее муж не очень-то любит запах духов и каждый раз говорит ей: “Если хочешь понравиться мне, не пользуйся никакой химией!”. Но она оставалась женщиной, поэтому каждый раз непроизвольно тянулась за духами.

Вернувшись в комнату, Марьям, надевая новое платье с украшенным вышивкой высоким разрезом на боку, из которого при каждом ее шаге выглядывало белое бедро, снова вспомнила про соседку. Потому что такое платье впервые она увидела на соседке и тогда же захотела занять похожее. Марьям встретила ее вчера возле своего нового дома, возвращаясь поздно вечером из города, в руках у той была миска с едой. Соседка сказала тогда со смущенной улыбкой на лице: “Да вот, приготовила вкусенького и решила угостить вашего рабочего”. Марьям, не зная, как реагировать на слова соседки, улыбнулась и кивком головы ответила на ее приветствие, а затем молча прошла мимо нее к себе, но придя домой, выругалась: “Сучка, почуяла запах кобеля!”. Именно тогда она поняла, почему обед, налитый в миску Рекса, иногда возвращался от рабочего нетронутым. Так ведь его со стороны подкармливают! Марьям вспомнила,

как впервые увидела соседку, которая терлась о деревянный звбор, и на этот раз сравнила ее с вороватой козой, которая, вытянув шею, пытается достать и съесть траву с чужого участка. Обиженно подумав: “Может, эта шлюха опять что-нибудь придумала, чтобы и сегодня придти сюда”, - она подошла к окну и легонько отодвинула штору. Марьям увидела мастера, со связкой досок под мышками поднимавшегося по ступеням в дом.

Сегодня, как и обычно, в предвкушении удовольствий Марьям хорошо подготовилась ко встрече с любимым мужчиной. Стемнело. Совсем скоро у ворот дома остановится роскошный автомобиль ее принца - “нового туркменского бая”. Марьям была готова в любую минуту встретить его у порога и броситься ему на шею. Но почему-то сегодня “новый туркмен” все не приезжал. Сумерки сгустились, и вот уже наступила ночь. Марьям подошла к окну и выглянула во двор. Там она никого, кроме Рекса, не увидела. Собака, что-то вынюхивая, бродила по двору, потом вдруг подбежала к новому дому, остановилась у крыльца и стала смотреть на дверь с таким видом, словно хотела просить работника вернуть ему его миску. Постояв немного, побежала обратно.

В момент, когда зазвонил телефон, Марьям думала о том, что ее муж уже подъезжает к дому и что очень скоро светом фар автомобиля он отодвинет тьму и торжественно въедет во двор.

Марьям вздрогнула от неожиданности и схватила трубку стоящего рядом с ней телефона. Оттуда донесся знакомый хрипловатый голос:

- Сидишь?

- А что мне еще остается делать?- в голосе Марьям вместе с тревогой прозвучал и упрек.

- Сиди. Мы тут пока работаем над контрактом, который должны подписать с иностранцами, придется еще немного задержаться, ты не жди меня, поужинай, я приеду сразу же, как только освобожусь...

В такие минуты Марьям просто ненавидела телефонные звонки, потому что, если телефон звонил в неурочное время, он чаще всего приносил ей малоприятные вести: "Сегодня приехать не смогу...", "В том доме появилась небольшая проблема, придется мне поехать туда..."

Марьям изменилась в лице, у нее испортилось настроение. После этого, хоть она и сильно проголодалась, есть особо не стала, пощипала того-другого, а потом, чтобы как-то убить время, включила телевизор.

Когда телефон зазвонил вторично, была уже глубокая ночь. Марьям, устав от ожидания, задремала прямо у телевизора.

На этот раз разговор был еще короче.

- Марьям!

- Да!

- Я не смогу приехать. Ты не жди больше, ложись спать. Завтра я в течение дня навещу тебя... Не забудьте покормить Рекса!

Марьям была похожа на разъяренную тигрицу. Она со злостью отшвырнула от себя телефонную трубку, словно та была повинна в случившемся. От обиды у нее задрожали губы, к горлу подступил ком, из глаз брызнули слезы. Ведь она всем сердцем ждала и так жаждала устроенного ею "маленького праздника"! Как он мог так поступить с ней? Вконец расстроенная женщина металась по комнате не находя себе места. Она понимала, что "музыка любви" никогда не звучит соло, ее можно исполнять только дуэтом...

Новое платье с разрезом, которым она так любовалась

несколько часов назад, представляя, как будет очарован ее возлюбленный, теперь раздражало ее, сдернув его с себя, она скомкала его и со злостью отшвырнула в дальний угол комнаты.

Но и на этом не успокоилась. Напротив, спустя какое-то время в голове ее родились совсем другие мысли, которые тут же завладели ею. Она чувствовала, как пылают ее щеки, как душа ее жаждет любви, с ней творилось что-то невероятное, казалось, если она сейчас перевернет стол со всеми его яствами, ей станет легче. Но она сдержалась, только устало бросила себя в постель. Уткнувшись лицом в подушку, Марьям тихонько заплакала.

Отчаянно залаял Рекс, и в душе Марьям опять затеплилась надежда, она оторвала голову от подушки, прислушалась.

“...А может, он закончил работу и поехал сюда, соскучился по мне...”, - ей хотелось улышаться звук подъехавшей машины. Лай собаки, прозвучавший у самого порога, стал отдаляться, а потом и вовсе донесся с соседнего участка. Марьям поняла, что он снова гоняется за соседской кошкой, которая время от времени имеет привычку забредать в их двор и подбирать остатки чужой трапезы. Выходка Рекса снова напомнила ей о вдовствующей соседке, которая что ни день под каким-либо предлогом навещала рабочего. Вспомнив о ней, Марьям недовольно поморщила нос, словно вдохнула горький запах дыма. И тут же вспомнила обжигающий взгляд парня, который так и застыл в его глазах. На этот раз рабочий смотрел на нее более пристально, с вождением. Марьям даже видела, как вспыхнул его взгляд при виде хозяйки дома...

Когда Марьям, поддавшись сиюминутному желанию и забыв обо всем на свете, держа в одной руке блюдо с

запеченной курицей, а другой взявшись за горлышко бутылки с холодным шампанским, пошла к храпевшему на одном из этажей нового дома мастеру, время было далеко полночь...

* * *

Отправившись в Россию, мастер провел там несколько месяцев в кругу семьи и в начале осени вернулся, чтобы продолжить свою прежнюю работу наемного плотника. Перед отъездом он поработал в доме вдовы и там же оставил на хранение свои рабочие инструменты. Сейчас он как раз пришел к ней, чтобы забрать свое имущество. Когда он появился, “новый туркмен” только что переехал в новый дом и как раз праздновал рождение сына. Было много гостей, но еще больше угощения...

Парень вошел во двор, чтобы поздравить хозяина с праздником, и первое, что ему бросилось в глаза, была миска, из которой он столько времени питался. Сейчас она стояла перед Рексом.

Миска была до краев наполнена помоями.

ВЕЛОСИПЕД

Я был учеником то ли второго, то ли третьего класса, а папина младшая сестра Говхер в те дни была уже зрелой девушкой и заканчивала десятый класс. Перед тем, как идти в школу, она всегда прихорашивалась, с удовольствием надевала приталенное платье зеленого сукна с вышивкой, а голову повязывала шелковым платком с красивыми красными цветами по полю, папа привез его из Ашхабада.

К вороту платья пристегнута легонькая брошь-гуляка, две толстые косы спадают на грудь, и вот уже перед вами писаная красавица, глаз не оторвешь!

Много позже я узнал, что девушки, наряжаясь и двигаясь легкой походкой, хотели подчеркнуть свою готовность ко взрослой жизни и таким образом привлекали внимание сверстников противоположного пола.

В дни, когда наши смены совпадали, я чаще всего шел в школу вместе с Говхер.

Как-то, когда мы уже почти подошли к школе, нас на велосипеде догнал Сахат, одноклассник Говхер из соседнего села. Поравнявшись с нами, он слез с велосипеда и остановился: “Говхер, ты вчера забыла в классе эту тетрадь”, - он достал из портфеля толстую голубую тетрадь и протянул ей. Когда Сахат говорил, его голос почему-то слегка дрожал.

Словно уличенная в воровстве, Говхер покраснела, смущенно посмотрела на меня, по сторонам, и только потом с озабоченным видом приняла от Сахата тетрадь. После этого юноша быстро поехал дальше. Это потом я узнал, что именно в ту пору между ними начались отношения, какие бывают между влюбленными молодыми людьми. Я был мальчишкой, поэтому мне и в голову не могло прийти, что в той тетради, которую Сахат, догнав нас на велосипеде, отдал

девушке, лежало любовное письмо, которое он писал всю ночь напролет.

И потом, то было время, когда любящие друг друга юноша и девушка вплоть до самой свадьбы старались скрывать свои чувства от посторонних.

А еще как-то раз я стал невольным свидетелем того, как эти двое, укрывшись в тополиной роще неподалеку от нас, о чем-то тихо разговаривали.

Только после этого мне стало ясно, отчего Сахат, живя в соседнем селе, без конца разъезжает на велосипеде мимо нашего дома.

Мне почему-то не понравилось, что Говхер встречается и разговаривает с посторонним парнем. Я заревновал ее. И хотя меня считали еще ребенком, стало понятно, что и у меня есть какие-то чувства, связанные с защитой достоинства нашей семьи. На следующий же день я приступил к своему плану мести. На первой же перемене, когда раздался звонок на урок и все отправились в классы, я немного замешкался и отстал от остальных, потом пошел туда, где стоят велосипеды. Сразу же узнав велосипед Сахата, я проколол ему колесо. Увидев после уроков, как он пыхтит, заклеивая камеру, я остался доволен своей работой.

Когда это повторилось и в третий раз, Сахат, увидев меня, многозначительно посмотрел на меня и улыбнулся, я прочитал в его улыбке: “Ах ты, озорник!”

Мне стало ясно, что он понял, кто именно выводит его велосипед из строя, и теперь мне надо было придумать что-то другое для того, чтобы продолжать мстить Сахату.

Многим улыбка Сахата была непонятна, но я-то хорошо знал, что она означает.

Наступило лето. Говхер с другими одноклассниками, парясь на солнце, занимались прополкой хлопчатника. Я

же когда один, а иногда и два раза на день приезжал в поле, грузил на своего ишака собранные между рядов хлопчатника сорняки и увозил для своей прожорливой, ненасытной черной коровы, которой, сколько ее ни корми, все мало.

Однажды по дороге к Говхер я снова увидел знакомый велосипед, он был спрятан в укромном месте под мостом. Я представил себе Сахата. Конечно, это он, кто же еще. Наверняка приехал на свидание с Говхер. Во мне снова вспыхнуло чувство ревности. Спешно прыгнув с ишака, я схватил велосипед и вышвырнул его в излучину реки, туда, где течение было особенно бурным. Затем, чтобы он не догадался, что машина утоплена в воде, а подумал, что кто-то выкрал ее, я выломал пару кустов растущей здесь солодки, сделал веник и замел все свои следы.

Как только я подъехал к краю хлопковой делянки, Сахат отделился от работающих девушек и пошел стороной, делая вид, что не замечает меня. Глядя ему вслед, я злорадно думал: “Давай-давай, делай какой угодно вид, а я посмотрю, найдешь ли ты свой велосипед там, где оставил его, сейчас на дне реки на нем лягушки катаются”. Вытаскивая на край поля сорную траву, чтобы связывать ее веревкой, я несколько раз представлял, как Сахат мечется в поисках своего велосипеда и никак не может найти его. И радовался этому.

Впервые появившись в нашем доме, седая худощавая женщина сказала: “Я пришла породниться с вами”, а потом и вовсе зачастила. Перед самым началом хлопкоуборочной страды мы выдали Говхер замуж. В один прекрасный день приехал разукрашенный цветами и лентами “Газ-51” с полным кузовом молодых девушек и женщин, они завернули нашу Говхер в шелка и увезли ее с собой. Помню, я тогда, как и положено, вместе со своими сверстниками забрасывал камнями свадебный кортеж, а еще мальчишки радостно

воскликали: “Мое сырое яйцо разбилось на лбу какого-то человека, мой камешек попал в толстую тетку!..”

* * *

Я был студентом и учился на третьем курсе университета. На торжественном мероприятии по поводу какого-то праздника ко мне подошла незнакомая девушка и спросила: “Вы не Мурат?”

- Да, Мурат.

- Вы меня не узнаете?

- Нет.

- Ой, а я сразу узнала вас, как только увидела. Раньше я вместе с Говхер-гелнедже часто бывала у вас. Я ее золовка.

Вспомнил. В первое время после замужества Говхер, приезжая навестить родных, всегда приводила с собой угловатую вихрастую девчущку. И вот теперь она стояла передо мной.

В тот раз, подойдя ко мне, Дженнет заверила меня в своем родстве со мной, и в тот же год она уверила меня и в том, что является самой красивой, самой дорогой для меня девушкой на свете.

Как только я указал на нужный дом, моя мама, уже давно настаивавшая на необходимости женить меня, вместе с соседкой, прихватив узелки со сладостями, немедленно отправились на сватовство.

В следующую неделю отец вместе с несколькими родственниками пошел к родителям Дженнет, чтобы там, соединив наши руки, дать нам благословение на новую жизнь. В этот же день должны были обсудить список необходимых для девушки подарков, которые включались в стоимость калыма.

Когда этот список принесли домой, я не выдержал,

заглянул в него. И увидел, что в одном месте стояло слово “велосипед”. Честно говоря, меня это поразило. Я даже съязвил: “Мама, а что же ты не сказала, чтобы они включили в список еще и танк?” Мама тогда ответила:

- Ай-эйй... когда уже составляли список необходимых покупок, велосипед в него в последний момент вписал Сахат, муж нашей Говхер. А когда мы спросили, что это значит, он хитро улыбнулся и сказал:

-Я очень хорошо знаю озорника, который собирается стать нашим зятем. Если спросит, так и скажите, что это Сахат вписал, он поймет...

Мне не оставалось ничего другого, как вспомнить тот давний случай с утопленным мною в реке велосипедом, и улыбнуться.

Перевод С. Каратова

БРАТ

В те дни я с головой ушел в игры со своими сверстниками. Не знаю, может, оттого, что наши игры носили состязательный характер, когда хотелось опередить, выиграть у своих друзей, нам они казались особенно интересными. Я должен был отыграть альчик, мой любимый красный альчик, который я так старательно натачивал до блеска.

Сидя дома, бабушка по несколько раз на дню окликает меня, чтобы отругать:

- Куда ты опять собрался? - Уши у моей бабушки как локаторы, небось уже услышала цокот копыт моего ишака.

- Свою ишака на водопой.

- Да разве ж осенью ишак пьет по два-три раза на дню?

Честно говоря, мне самому не очень-то и интересно,

пьет ишак воду или нет. Мы с ребятами только что договорились устроить на песчаной дороге ослиные скачки.

А напоить ишака водой - это только повод, чтобы вырваться из дома. Хотя коровник чищу я, овец кормлю-пою я, и “мамин помощник” тоже я... И все равно моей бабушке не нравится, когда я то и дело увожу своего ишака и, считая его легендарным конем Гыратом из эпоса о Героглы, ношусь на нем, загоняя животное до полусмерти.

И потом, в доме я не единственный мальчик, есть в доме и еще один прилипала по имени Бабагельды, мой младший брат, которому на днях исполнится шесть лет. Ему ни до кого, кроме меня, дела нет. Стоит увидеть, что я куда-то засобирался, как он тут же увяжется за тобой: “И я”. Ну просто настоящая собачонка, которая ни на шаг тебя не отпускает, всюду за тобой таскается. И не дай бог сказать, чтобы он остался, так ведь такой рев устроит, что мало не покажется! Услышав его плач, мама и бабушка выскакивают и начинают с двух сторон допытывать: “Что с тобой, детка?!”, как будто его кто пилой на части разрезает. А мой братишка, заливаясь слезами, жалуется:

- Он не берет меня с собой...

Тогда бабушка начинает уговаривать меня по-хорошему:

- Сынок, ты ведь умный мальчик. Он же твой младший братишка. Пусть он с тобой поиграет. Если ты старший, ты должен и с младшим тоже играть...

- Но он ведь не умеет играть...

- Научишь, и он тоже сможет, сынок...

В этот момент я вспоминаю, что нельзя заставлять бабушку долго уговаривать себя. Иначе она может рассердиться и сказать: “А ну, если не хотите играть вместе, чтобы оба ни шагу из дома!” Понимаю, мне не остается

ничего другого, как послушаться бабушку.

Тряхнув его за плечо, обиженно произношу: “Ну пошли тогда”. Бабагельды расцветает. Конечно, он ведь добился своего.

Помню, однажды нас на “тропу войны” вывела женщина из соседнего аула, приехавшая проведать бабушку, ее хорошая подруга. Мы с братом играли возле бабушки в три альчика, “учем-учем” называется игра. Бабушка очень обрадовалась приезду этой женщины. “Вай, подруга, какими судьбами?” - и она радостно обняла свою гостью. Женщина эта вроде бы и неплохая, она сразу же ласково посмотрела на нас и стала говорить о нас слова, которые должны были понравиться бабушке:

- Какие у тебя замечательные внучата, в настоящих парней выросли. И оба похожи на своего отца в детстве, - наверно, мой брат понравился этой женщине больше, она не ограничилась тем, что погладила его по голове, еще взяла на руки и расцеловала.

Бабушка и гостя пили чай, ели, вспоминали молодость свою. Надо сказать, что несколько месяцев тому назад мы выдали нашу старшую сестру замуж как раз в то село, откуда приехала эта женщина. Бабушка возьми и спроси у нее, как там поживает ее внученька. Когда она напомнила о нашей сестре, перед глазами тотчас же возник ее родной облик. Потому что и я, и мой младший брат очень любим ее и даже сейчас скучаем по ней. Раньше, когда наша сестра жила дома, отправляясь к подругам посидеть или заниматься вышивкой, она всегда брала с собой в попутчики меня, а в последнее время с ней ходил только Бабагельды. Теперь же, приезжая погостить домой, она привозила с собой вертлявую девчонку со взъерошенными

волосами и называла ее своей золовкой. А вообще, мне не нравится, когда девушки уходят из дома и про них говорят, что они вышли замуж. Может, поэтому я не очень-то люблю родственника, который стал зятем. Да и почему, собственно, я должен любить его? За что? За то, что он увел из дома твою любимую сестру?..

Я не сразу понял, отчего на вопрос бабушки “Подруга, а как там наши поживают?” – гостья переменялась в лице. Она погладила свое широкое лицо, словно хотела стереть с него невольно возникшее выражение, связанное с предстоящим неприятным сообщением.

- Я ехала сюда с намерением ничего не говорить тебе, но раз уж ты спросила, придется сказать. Своими глазами я не видела, но ближайшие соседи вроде бы видели. Похоже, ваша девочка не очень-то ладит с мужем. А в тот день он и вовсе ударил ее по щеке...

Лицо бабушки потускнело на глазах, но поначалу она ограничилась лишь неопределенным “Гм-м...” Затем на ее лице появилось задумчивое выражение, словно у человека, размышляющего про себя: “Пойду на базар, куплю то-то и то-то, хотя денег у меня столько-то...” И лишь спустя какое-то время она произнесла фразу, которую гостья должна была помнить и по возвращении домой. “Братьям не понравится, если они узнают, что их сестра получила пощечину...” Она, конечно, имела в виду нашего отца, но и на нас с Бабагельды посмотрела выразительно, как бы говоря: “Да и эти тоже не останутся в стороне”.

Как и всегда, бабушка и на сей раз оказалась права. Мне тоже не понравилось сообщение нашей гостьи, да и кому могут понравиться обиды, нанесенные твоему близкому человеку?! Я и на следующий день несколько раз вспоминал этот разговор, а в ушах все звучали слова недовольной

бабушки: “Туркмены никогда не понимали насилия над слабыми...”

Душа моя была беспокойна, я не мог оставаться равнодушным к случившемуся, я должен был что-то предпринять, и в конце концов у меня созрело решение во что бы то ни стало отомстить обидчику сестры. Едва дождавшись утра следующего дня, я запряг своего ишачка и стал ждать удобного момента, чтобы тайком от бабушки и домашних отправиться в соседнее село и наказать ненавистного зятя. Уже взошло солнце, но погода была холодной. Карманы телогрейки, надетой поверх пиджака, были битком набиты камнями и оттопыривались. Мне бы только добраться до соседнего села, а там я найду этим камням применение! Задумав устроить мужу сестры вендетту, я отправился на каменистую дорогу, проходившую неподалеку от нашего дома, и тщательно отбирал там эти камни, которые сейчас оттягивали мне карманы. Стараясь никому не показываться на глаза, я тихонько выехал на большую дорогу и на тебе! На своем трехколесном велосипеде прямо на меня ехал Бабагельды. Я-то от него прятался, ехал по закоулкам, а он, как нарочно, опять у меня у меня на пути. А дальше все вышло именно так, как я и думал.

Отшвырнув велосипед в сторону, он затянул всю ту же песню: “И я с тобой!”. Скажешь “нет”, он такой ор поднимет, что мало не покажется, и тогда ты уже точно никуда не поедешь. Делать нечего, я протянул ему руку, подставил вместо ступеньки свою ногу и помог взобраться на ишака, усадил брата позади себя. А иначе, если бабушка вдруг узнает, разве отпустит она меня туда?!

Получив направление движения, ишак цокает копытами по глинистой обочине каменистой дороги. Бабагельды, чтобы не свалиться с ишака, сидит, обхватив

меня крепко ручонками поверх телогрейки, сидит сзади, привалившись к моей спине. Показав ему камни, которые были у меня в кармане, я объяснил братишке, что на сей раз мы едем к сестре не для того, чтобы передать ей угощение или же какое-нибудь сообщение от бабушки, а для того, чтобы отомстить за нанесенную ей обиду, дал ему пару камней, чтобы он мог запустить их в зятя. Узнав, куда и зачем мы едем, Бабагельды сразу же вспомнил, что и у него там имеется враг: “У них еще серый петух есть, я его тоже побью...”. Серый петух - это тот, который набросился на моего брата, когда он вместе с бабушкой приезжал навестить сестру, и сильно испугал его. Так что у Бабагельды были все основания заодно и петуха наказать.

Я понял, мой брат жаждет мести ничуть не меньше меня. Человек всегда чувствует себя сильнее, если у него появляется единомышленник.

А солнце наверху то выглянет из-за туч, то снова скроется за ними. Немного проехав по открытой местности, мы начали мерзнуть, день был морозный. Правда, нас согревала мысль о том, что мы едем на правое дело - мстить. Наверно, оттого, что немного замерзли, нам показалось, что село находится дальше, чем обычно. Но в конце концов мы добрались до него, правда, день уже приближался к полудню. Поставили своего ишака прямо перед домом зятя и ждем. Как только он появится, мы забросаем его камнями, вот только что-то слишком долго никто не выходит из дома. Только потом мы заметили, что на двери дома висит огромный замок. Вот незадача! Нам стало ясно, что они заперли дверь и куда-то ушли. Услышав наши голоса, из соседнего дома вышел квадратный человек со смуглой кожей.

Сощурив глаза, он некоторое время смотрел в нашу сторону, пытаясь опознать нас. Братишка, думая, что это

зять, заерзал на месте, собираясь запустить в того камнем. По нашему уговору, как только зять появится нам на глаза, мы должны с двух сторон выпустить в обидчика нашей сестры град камней. Рука братишки поднялась, но он так и не смог разжать застывший от холода кулак, в котором был зажат камень. Тем временем смуглый человек подошел ближе и обратился к нам: “Эй, ребята, вы сыновья Назара ага?”

Видно, он догадался, кто мы такие, когда мы громко выкрикивали имя сестры.

- Да.

- Это хорошо, что вы сыновья Назара ага, давайте тогда, слезайте с коня, к тому же вы порядком промерзли, пойдите в дом, согреетесь, гостями будете! А вашей Биби эдже нет, они сегодня утром целой толпой поехали в город к дочери, та сына своего женит. Так что вряд ли они вернутся прежде, чем закончится свадьба.

Я как-то не обращал внимания, а оказалось, что Бабагельды очень сильно замерз, губы у него посинели и дрожали. Когда мы ехали сюда, я слышал, как у меня за спиной что-то щелкает, думал, что это Бабагельды стучит камнями, готовится к битве, а оказалось, что это у него от холода зубы стучат.

Человека, который, признав в нас сыновей Назара, приютил у себя дома и обогрел, звали Язы по кличке сары (сары - желтый, смуглый). О том, что его зовут именно Язы-сары, мы узнали, вернувшись домой с “вендетты”. Оказалось, когда наш отец на своем тракторе обрабатывал в этом селе землю, Язы-сары был при нем помощником, учился у него водить трактор.

Язы-сары снял моего братишку с ишака и на руках отнес в дом, там он усадил его возле теплой печи. Я сел немного позади него. Расстелили сачак, мы поняли, что

нас собираются накормить. Нам принесли яичницу на сковородке. Язы сары сидел рядом с нами. “Берите, ешьте!” - предлагал он нам, сам же изредка протягивал руку к сковороде и делал вид, что ест. Да и брат мой не очень-то ест, одну руку он все еще держит в кармане. Я посчитал это неприличным и вынул руку брата из кармана. Вот тогда-то и открылась цель нашего прибытия сюда.

Когда Бабагельды разжал немного согревшуюся руку, в ней лежал один из двух камней, которые я дал ему. Только сейчас я понял: он так долго не мог разжать кулак, потому что тот задубел от холода.

Увидев в кулачке брата камень, Язы сары заинтересовался им и спросил: “Что это?”, - и тогда я вынужден был признаться, что мы приехали сюда, чтобы наказать нерадивого зятя, отомстить ему за нашу сестру.

Выслушав меня, Язы сары, задрав голову, от души рассмеялся. Оказывается, когда он так смеется, из глаз его текут слезы, а желтая кожа на его лице становится багрово-красной. Не переставая смеяться, он крикнул жене, которая сновала по дому:

- Эй, жена, вели забить одного из петухов, и сына позови, пусть моркови нарост, приготовь плов!

Не знаю, почему, но я понял, что мои слова пришлись по душе Язы сары, что они вызвали у него чувство гордости за нас. Он обогрел нас, попотчевал, как дорогих гостей, и со всеми почестями проводил домой.

Когда мы верхом на ишаке поравнялись с домом сестры, я остановился еще на минуту. Брошенный мною камень стукнулся в их дверь. Мой братишка оказался более метким, чем я, его камень угодил прямо в их окно и вдребезги разбил его.

Никто не хватился нас, когда мы уходили, зато, когда

мы вернулись обратно, нас сразу же заметили. Конечно, столько времени отсутствовать и при этом остаться незамеченным?!

Увлечшись интересными рассказами Язы сары, поев вкусного плова и расслабившись, мы и не заметили, сколько времени прошло. Когда мы вернулись, выяснилось, что бабушка и мама ходили по соседям, искали нас.

Нам не оставалось ничего другого, как честно признаться, где и зачем мы были.

Выслушав меня, бабушка всхлипнула: “В такой-то холод?”, не договорив, она обняла брата и заплакала.

Лишь спустя некоторое время, когда мы зашли в дом, разделись и устроились возле теплой печи, бабушка снова стала для нас родным и близким человеком. Она ласково журила нас:

- Вы только посмотрите, что они надумали, да еще в такой мороз! В голову ведь такое не могло придти. Видите ли, мстить они поехали. Тоже мне еще Героглы отыскиались! (Героглы - легендарный герой туркменского эпоса, человек сильный и бесстрашный). Какие из вас мстители, вы ведь совсем дети еще, только вон как продрогли... Тогда уж надо было вам еще трижды обойти вокруг “гуджума” (гуджум - ильм), пронзить его стрелой желтого лука, оставить след, а уж потом возвращаться...

Хоть бабушка и ворчала, но в этом ворчании уже не было гнева, с которым она встретила нас, когда мы вернулись домой, напротив, в словах ее неожиданно прозвучали горделивые нотки.

Не знаю, как брат, а я-то сразу сообразил, почему бабушка вспомнила о Героглы беке. “Героглы” - это книга, которую в нашем доме любят читать все. В ней рассказывается о том, как Героглы отправился мстить Арап

Рейхану, который силой увез из дома его юную сестру. Уже усадив Бибиджан в седло своего коня, он трижды обходит дерево ильм, под которым спит Арап, и выстреливает в него из лука, оставляет на дереве метку, чтобы тот, проснувшись, мог увидеть след его пребывания. Видно, наш поход за мщением напомнил бабушке тот поход Героглы, который также намеревался отомстить ненавистному врагу, поэтому она, говоря об этом, улыбалась.

МАТЬ

“Уж если плачет, то только мать...”

Труп юноши вот уже второй день висит на черной горе на другом берегу реки - на чужой стороне.

Село Марчак является одним из соседних сел, которые делят эту реку с афганскими селами, расстояние между ними не больше шестисот-семисот шагов, и выходит, что мы тут, а вы - там. Вчера в этом месте юношу нагнала единственная пуля, выпущенная афганским солдатом. И теперь казалось, что он с этого места ползет в сторону реки и вот-вот достигнет ее берега. С тех пор два воина стоят неподалеку от этого места, охраняют убитого.

Год выдался засушливым. К тому же и внутри страны было беспокойно, одних, назвав баями, упекли в тюрьму, а многих целыми семьями поснимали с мест и сослали в дальние края. Как и всегда в смутные времена, недостаток покинул и это село, подвергнув его жителей жестокому голоду. Ровно два дня назад юноша вместе с двумя напарниками, забрав из дома пару браслетов да небольшой коврик, которые можно было обменять на пуд-

другой зерна, отправился на ту сторону. Такие обмены и раньше происходили между этими двумя соседними селами. И лишь когда русские захватили страну и поделили территорию - эта сторона наша, а та - чужая, походы на чужую сторону стали более редкими.

Раньше южный берег реки был желанным местом для тех, кто жил с ее северной стороны, эти зачастую гнали на тот берег отары овец и другого скота и обменивали их на пшеницу и кукурузу, которые там произрастали в изобилии, навьючивали зерно на ишаков и верблюдов и возвращались домой. Словом, делились с соседями их достатком. Новые власти запрещали такие отношения, тем не менее местные жители, хоть и втайне, но все же продолжали поддерживать с соседями прежние отношения. "Голод что только не заставит съесть, голод что только не заставит сказать", - эта поговорка родилась именно тогда. В последнее время марчакцам приходилось пробираться на ту сторону тайком.

Первые попытки уговорить командира афганских пограничников отдать труп юноши, чтобы предать его родной земле, оказались безрезультатными, хотя обращался к нему ахун, человек известный и уважаемый по обе стороны реки.

Затем двоюродный брат юноши, прихватив с собой вола, привязал его в прибрежном лесочке, так, чтобы его было видно с той стороны, и попытался договориться с афганцами. А те, что-то бурно обсуждая между собой, все никак не могли придти к единому решению, долго не давали ответа. А юноша все еще лежал на пригорке чужой земли по ту сторону реки...

Мать, сидевшая дома в ожидании, когда мужчины принесут тело ее сыночка, в конце концов не выдержала и вместе с двумя другими женщинами поздно вечером

пришла к реке. На высоком берегу собрались мужчины, родственники юноши, и взглядами караулили лежавший на той стороне труп.

Увидев мать юноши, ее прибывший из соседнего села брат озаботился:

- Зачем ты пришла, надо было ждать дома...

- Как тут устроишь?

Сухо ответив брату, мать прошла мимо собравшихся вокруг костра и обсуждавших ситуацию родственников, дошла до спуска и остановилась.

Отсюда особенно хорошо просматривалась местность, где лежал юноша. Внизу шумит река, на той стороне юноша тоже лежит на склоне, под ним, шагах в десяти-двадцати, раскинулась низина, речные волны достигают ее кромки, трутся об нее и облизывают.

Наблюдая за этой картиной, мать подумала: “Да-а, сынок, ты уже почти у реки был... если бы прыгнул в нее, волны перенесли бы тебя на наш берег”. Потом, глядя на бурное течение реки, подумала еще: “Здесь не так и глубоко должно быть...” Потом мать долго не могла оторвать глаз от тальника, чьи длинные ветви спускались прямо к реке, словно руки пришедшего на помощь тонущему. Мысленно она помогла бегущему от погони сыну ухватиться за эти ветви и перебраться на этот берег.

Постояв немного у реки и еще больше разбередив душевные раны, мать вместе с другими женщинами вернулась домой. Не глядя на тех, кто сидел у костра, устремив взор куда-то вперед, она молча прошла мимо них. Придя домой, забилась в угол и лежала там, похожая на могильный холмик, укрывшись старым доном-халатом.

С наступлением темноты сидевшие у реки в карауле мужчины вернулись домой, чтобы немного согреться и

обсудить дальнейший план действий. Они обменивались мыслями, как лучше поступить, чтобы забрать покойного с чужой стороны.

Глубокой ночью, когда женщина выходила на двор, из соседнего дома все еще доносились голоса мужчин.

Когда только-только начало светать, вдруг зашумели, забеспокоились сельские собаки. Стало ясно, что в округе появился кто-то незнакомый. Тем временем стало видно, как впереди собак в сторону села бежит человек. В это время родственники покойного собирались снова пойти к реке и уже на месте решать, что делать дальше. Прибежавший человек, увидев стоящих у выхода людей, тяжело дыша, вымолвил:

“... Идите туда, к реке идите!” - торопливыми жестами он дал понять, что случилось что-то ужасное. Когда люди прибежали к реке, они увидели там промокшую насквозь мать, которая, лишившись сил, ничком лежала на земле, а в двух-трех шагах сзади нее находился куст тальника. На этом кусте неподвижно лежал погибший юноша.

На той стороне реки, размахивая руками, бегали и что-то зло выкрикивали афганцы в белых длинных рубахах и белых чалмах.

Люди, взяв ее под руки, помогли женщине встать с земли. Обессиленная Мать едва слышно процедила сквозь зубы:

- Теперь возьмите его и похороните!

Когда люди понесли покойного, еще не до конца рассвело. Покрывший себя чернотой правый берег недоуменно наблюдал за удаляющейся от левого берега толпой людей.

1998

*Перевод с туркменского
Б.Оразкулевой.*

БЕЛЫЙ ПАРУС

Мне, как и гостям трудящихся области — Любове Забаште. Светлане Иовенко, Валентину Солоухину. Анатолию Парпаре, Александру Лисняку, Анатолию Анисимовичу, Станиславу Зинчуку, Евгению Ерхову и другим, памятни встречи во время проведения в Закарпатье Дней советской литературы, посвященных 70-летию Великого Октября. Царившее тогда настроение, душевные живые беседы, заинтересованный диалог об общих делах, общих заботах представителей творческих союзов хлеборобами, рабочими, учащейся и студенческой молодежью едва ли не лучшие всего выражают прекрасные слова стихотворения «Чувство семьи единой» П. Тычины.

За «Круглым столом» «Закарпатской правды» мы высказали немало мыслей по поводу перестройки пропаганды художественной литературы. Следует использовать ее богатый арсенал для стимулирования активности человека, сделать так, чтобы перестройка стала необратимой. Писательское слово — и публицистическое, и лирическое — должно служить обновлению жизни. Хотел бы снова приехать в зеленые Карпаты, до земли поклониться труженикам. От всего сердца дарю новую новеллу «белый парус» закарпатским читателям.

ВОТИ ОСЕНЬ... Я шагаю по крупной береговой гальке. Никого кругом, море пустынно. Лишь чайки кричат о чем-то. крики их резки, да волны с бездумной старательностью бьются о берег и, вздохнув, уходят обратно, оставляя на мокрых камнях свою одежду — белую рваную пену.

Зрелище это спокойное, а звук тяжелый — всякий раз мне кажется, что в воду рухнула стена какого-то старого дома...

Я иду и смотрю на море и вдруг вижу: по волнам бежит небольшая лодка под белым парусом. Откуда она взялась? Не пойму.

С непонятым волнением следил за одиноким парусом в свинцовых волнах. О чем я думал минуту назад? Не знаю.

А теперь думаю о тетушке Амангуль. Ее напомнила мне эта лодочка.

Тетушка Амангуль в белом платке идет по улице, и все смотрят ей вслед... На самом деле этого не было никогда!

Женщины нашего села, когда обращались к ней, чаще всего говорили: «Мать Аганазара» — знали, как ей это приятно.

Мать Аганазара... А ведь большинство из них пришло в село, когда самого Аганазара уже не было!

Это случилось в день, когда она впервые перепеленала своего сына, такого крошечного и такого теплого, такого совсем-совсем беззащитного. Амангуль взяла его на руки и поняла раз и навсегда: вот это существо отныне будет определять всю ее жизнь.

Теперь у нее появилось столько радости и столько забот!

Ранним утром она распахивала дверь и с порога почтительно здоровалась со свекровью — таков древний обычай у туркменских женщин. Аганазар, крепкий парнишка, сидел у матери на руках и не-терпеливо ждал, когда же его наконец отпустят на землю, чтобы он мог с разбегу броситься в родные бабушкины объятия.

Жаль, что всего этого не мог видеть ее муж. Как говорили ей потом, через много и много лет, жизнь круто и несправедливо обошлась с ним...

Она растила Аганазара без мужа. Сердце Амангуль вздрагивало от радости и печали: вылитый отец! А по ночам тревожные, тяжелые думы одолевали ее. «Лишь бы судьба мое-го сыночка оказалась иной, — суеверно шептала она, — лишь бы...». Но потом опять наступало утро... Да, хорошо ей тогда жилось. Как спокойно, с достоинством, со спрятанной в сердце гордостью она приходила на все торжества. Ей тогда вообще нравилось бывать на людях. Женщины, имевшие дочерей, заводили с ней душевные разговоры, что, мол, пока, наверное, спешить не надо, но разве плохо бы нам, например, породниться?

Амангуль приветливо улыбалась и отвечала так, чтобы никого не обидеть.

В то же время она никак не могла привыкнуть, что с ее Аганазаром люди связывают такие серьезные мысли — планы всей жизни.

Глядят на него и надеются. А она все помнила его крохотным карапузом, который ранним утром глядит удивленно на красное солнце...

О, сколько сомнений она испытала, сколько пережила всего!

К соседской дочке вдруг зачастила круглолицая девчушка. Жила она довольно далеко — чего бы, спрашивается, ей сюда ходить? Подружки расстилали в тени дома кошму и принимались вышивать. И вдруг Амангуль услышала: не рукоделием заняты мысли той, круглолицей! Она все говорит да придумывает, как бы повидаться с Аганазаром... Вот оно что!

И однажды, вернувшись откуда-то домой, Амангуль увидела своего Аганазара на дереве шелковицы — он собирал ягоды для этих «вышивальщиц»! Завидев Амангуль,

круглолицая покраснела. Амангуль ответила строгим взглядом.

Та девушка давно уже стала хозяйкой в другом доме. Скоро будет нянчить внуков. Но до сих встречая ее, Амангуль удивительно ясно припоминает и горько думает: «Почему? Ведь это лишь от меня. Все получше найти, покрасивей. Сейчас не сидела бы одна в пустом доме...».

А в ту далекую пору думалось ей совсем «Куда торопиться-то? Вот армию отслужит, женю».

Письма из армии п ласковые и спокойные. «Служба идет нормально», — так Аганазар обязательно писал в конце. А через год: «Мамочка! Меня посылают на командирские курсы!» — в его слышалась гордость...

И вдруг война! Та которую люди назовут Великой Отечественной, Как многое изменилось сразу. Причем, такое, что, совсем не должно меняться. Никогда.

Изменились даже письма Аганазара: они тоже стали военными — редкие, короткие, написанные торопливой рукой.

Однажды, вернувшись с работы, она уже собиралась лечь. Тогда ведь работать приходилось много. Часто Амангуль приходила едва ли не ночью. И вот в свете луны она увидела, как к ее дому спешит мальчонка одноногого почтальона Амангуль тут же вспомнила о двух кусках сладкого шах набата, которые ожидали того, кто принесет ей весточку от сына. Улыбаясь, она склонилась над сундуком, чтобы достать свой материнский гостинец. Но когда подняла голову, письмо лежало на пороге. а мальчонка бежал прочь — один по лунной улице Словно Амангуль была ведьма.

В ту страшную ночь надломилась ее жизнь.

Она так и осталась в желтом платке, что носят пожилые женщины. И знала: никогда ей не повязать белый, который женщина, но обычаю, может надеть лишь в том случае, если до конца выполнит свой долг перед жизнью — станет бабушкой, сумеет соединить своей плотью день вчерашний и день будущий...

Долго она после этого прожила. Так долго, что устала от жизни. Тысячу новолуний пришлось ей увидеть! И ни разу никого она не обвинила в гибели сына.

Но не зря в туркменской пословице говорится, что народ, он, как ласковое солнышко. Люди делились с Амангуль тем, чего не было у нее: они делились с нею своими заботами и радостями.

— Мать Аганазара! Аман-гуль-эдже! Мы сына женим. Не считите за труд, помогите, пожалуйста, выбрать благоприятный день для свадьбы.

А если в селе умирала женщина, Амангуль непременно была одной из тех, кто убирал покойницу перед погребением. После гибели Аганазара смерть уже не была для нее чем-то страшным или таинственным.

Вечерами, в тишине своего одинокого дома, она размышляла спокойно, без суеты: «Ну, теперь мне осталось... Да наверное, не больше чем годика три-четыре. Еще помогу добрым людям, чем умею. А там уж пусть с миром земля успокоит и меня».

А годы все шли...

Оглядываясь назад, Амангуль с удивлением видела, как изменилась жизнь.

Когда появился здесь первый мотоцикл, чего она подумала? Чудо! А теперь и мотоциклов кругом, и машин...

Не изменилось только одно: больше чем за восемьдесят лет она никому ни разу не была обузой. Лишь единожды с просьбой переступила порог кабинета начальника: к р ы ш а протекает, дайте немного шифера.

Начальник, веселый молодой мужчина, засмеялся в ответ:

— Ну ты, старушка так старушка... Сколько еще жить-то собираешься?

Мысленно Амангуль ругала себя, что явилась в этот кабинет.

— Что же я поделатъ могу? Не берет меня смерть.

И ушла... Горько ей было, но не за себя. Ей все казалось, что неудачный шутник задел память Аганазара. Теперь она словно бы слышала голос сына:

— Зачем же ты просишь? Если бы судьбе было угодно, чтоб мы жили в доме с шиферной крышей, разве она прибрала бы меня так рано? Предки наши жили в юртах. Разве ты их лучше?!

Она часто разговаривала с сыном. Вот и теперь его голос звучал так ясно и так укоризненно!

А начальник тот оказался странным человеком: шутить умел плохо, а делать умел хорошо. Ближе к зиме присланный им самосвал завалил весь двор Амангуль дровами. А потом вдруг явились рабочие:

— Ишин илери, здравствуйте, мать Аганазара! Вот мы и пришли к вам крышу чинить!

Каждое утро Амангуль обязательно затапливала печку. Увидев этот ранний дым, соседи знали: ночь для старой женщины прошла благополучно, рели же Амангуль не успевала вовремя затопить, к ней, как бы по делам, приходила Огульбиби-эдже:

— Проснулась, мать Аганазара? Вот и хорошо!

Огульбиби жила вся в семейных хлопотах. Муж ее Сахатдурды тоже ушел на фронт и не вернулся. Но зато уж дети — таких поискать во всем селе! Что сын, что дочка: оба спокойные, вежливые, уважительные. Когда речь заходила о хорошей семье, непременно вспоминали Огульбиби.

Так уж повезло ей, что и невестка пришла в дом хорошая — характер открытый и работать умеет. Амангуль любила посидеть да потолковать о жизни. Не всякой невестке это понравилось бы! А эта сама заварит старушкам чайничек чая. И прилежно выслушает их советы, как простегать ватное одеяло да как подобрать для кошмы узор понаряднее.

Так прошло десять лет, и двадцать. Амангуль все жила. Годы не брали ее, опаленную огнем горя. Приходя к ней в гости, родственники не раз дарили Амангуль-эдже куски белой кисеи на платок. Поблагодарив, Амангуль убирала материю. И — словно ее не было в доме!

Опустевший за годы войны, теперь сундук Амангуль почти полон был кисеи. Она понимала: люди хотят утешить, хотят сказать ей: «Ты такая же, как наши бабушки и прабабушки. Мы уважаем тебя, мать Аганазара!».

Но ни разу Амангуль не решилась накинуть заветный платок. Ей все казалось, что хоть кто-нибудь один да непременно окинет ее насмешливым, а то и презрительным взглядом: «Вырядилась! А ведь на это надо право иметь...».

Амангуль-эдже умерла в дождливый, ничем не приметный день, каких много бывает перед наступлением холодов Ранним утром Огульбиби вошла к ней в дом:

— Проснулась, мать Аганазара? Вот и...

Амангуль лежала, зажав в руке лекарство «от головы», которое вчера вечером взяла у доброй соседки —

— Мать Аганазара! — тихо сказала Огульбиби и тихо вышла во двор. Так она в последний раз обратилась к Амангуль-эдже.

В день похорон ее поминали женщины, которым судьба не дала материнского счастья.

Я подошел к тому месту, куда должна была пристать маленькая лодка под белым парусом. Она была уже близко. Если б я крикнул: «Здравствуй, мать Аганазара!», меня бы услышали. Но я молчал. А лодка вдруг развернулась и стала уходить от меня куда-то в сторону, на запад. Волны послушно бежали за ней следом. Скоро парус совсем затерялся среди облаков и белой пены. Море было пустынно. И сколько я ни ждал ее, всматриваясь вдаль, лодка под белым парусом так и не вернулась, на вспомнила обо мне.

*Перевел с туркменского
Сергей Иванов.
«Закарпатская правда»*

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Айбёлек переживала этот момент каждый раз, когда уезжал её муж. Вот и сегодня, покормив и уложив детей спать, она взяла вещи, которые завтра утром дети должны надеть в школу и пошла гладить их в соседнюю комнату. Какую из вещей она бы ни гладила, тут же ей представлялся этот самый ребенок, его характер и привычки.

Погладив детскую одежду, она вспомнила о постиранных вещах мужа и подумала: «Понадобятся, когда он приедет, оденет их на работу...». Погладила и их.

Айбёлек была не из отлынивающих от дела хозяек. Со всеми своими делами она всегда старалась справляться сама. Она была одной из тех, кто умеет получать удовольствие, ухаживая за мужем и детьми. Даже когда её муж был дома и предлагал свою помощь, она позволяла ему помочь только в том случае, если у неё было слишком много дел.

Окончив глажку, Айбёлек легла спать рядом с заснувшим с вечера четырехлетним сыночком.

Любуясь сладко спящим в постели мальчиком, она не смогла преодолеть желания и, вдохнув его запах, поцеловала его в измазанную щёчку. Мальчик заворочался, почувствовав её прикосновение.

Айбёлек не удалось уснуть сразу. Каждый раз, когда Акмурат уезжал, она не могла спокойно спать несколько дней. Вот и сейчас был именно такой случай. Улетевший в Москву муж этой ночью или завтра в течение дня должен был вернуться. С наступлением ночи всё вокруг затихло. Некоторое время она вспоминала счастливые дни, проведённые с Акмуратом, представляла его облик, а потом задремала.

В своих мечтах она увидела, как он спускается с самолёта с дипломатом в одной руке и с плащом на сгибе другой руки. Она представила, как с аэропорта он подошёл к дверям, ближе к ней.

Подумав, что торопит события, она застыдилась и начала ругать саму себя:

– Ладно, если бы была молодой женой... Хорошо ещё, что сердце спрятано внутри и его не видно другим, иначе какой позор был бы для таких как я...

Ждать, встречать Айбёлек было не впервой. Не прошло и года, как они поженились и она переехала, а Акмурат уже ушёл в армию. Три года прожила она со свекровью, свекром, золовками и деверьями, ожидая возвращения мужа. В одном из своих писем она спросила: «Другие парни приезжают в отпуск, а ты когда приедешь?». Акмурат ответил ей, полушутя: «Айбёлек, я не хочу служить, отлынивая, уезжая, как другие. Раз начал, то приеду, уже отслужив».

О том, что это письмо муж отправил из военного госпиталя, где лечил поломанную во время прыжка с самолёта ногу, Айбёлек узнала от него, когда он уже вернулся. Но и вернувшись с военной службы, Акмурат недолго пробыл в посёлке рядом со своей Айбёлек. «Работы, которые я отправлял, прошли конкурс...», сказал он, и уехал в Москву учиться. Так Айбёлек ещё на пять лет осталась ждать мужа в обнимку с маленькими детьми. Безвестный молодой художник Акмурат вернулся из Москвы художником, о котором начинали говорить и на которого подавали большие надежды его наставники.

Айбёлек ждала, уважая своё счастье, гордясь им. Она никогда ни с кем не делилась своими секретами, будто, если она откроется кому-либо, её счастье сглазят. Она хранила свои мысли глубоко в сердце и тайно радовалась им.

Войдя в домашнюю мастерскую мужа, она увидела, что всё лежало, как и прежде, на своих местах. Акмурат не любил, когда в его мастерской что-либо трогали, перекладывали, наводили порядок. Это знала и Айбёлек, и дети. Это было место, где он оставался наедине со своими кистями и красками, написанными и пишущимися картинами, со своими мыслями.

Несмотря на то, что она и раньше не раз видела картину, которую Акмурат теперь писал, Айбёлек села на его стул и снова начала её разглядывать. Рассмотрев трёх красавиц на картине, она немного задумалась. Одна из крайних девушек была по-особенному красивой. Она не была похожа на обычного человека, а была больше похожа на картинку. Другая девушка на вид была надменной. Айбёлек не знала их, да и не хотела знать. Замужней девушкой, обнимающей мальчишку, повисшего у неё на шее, была она сама. На этой картине она выглядела намного моложе, чем это было на самом деле; а волосы с проседью на картине были совсем чёрными. «Наверное, он видит меня такой», подумала она, разглядывая картину. В этот момент она обрадовалась, что муж видит её именно в таком образе. На картине на фоне трёх девушек раскинулся большой тенистый тутовник. Это дерево Айбёлек впервые увидела из окна на следующее утро после свадьбы. Одно из окон их с Акмуратом спальни выходило как раз на ту сторону, где стоял этот тутовник.

– Его посадил старший брат моего отца, дядя Аганазар. До войны он взял его у своего друга, командира пограничной заставы, и принёс его вот так, на ладони, – рассказал ей муж, показывая свою ладонь. Тогда Айбёлек догадалась, что этот тутовник особенный, что он считается в этом доме памятью от погибшего солдата...

Когда Айбёлек снова легла в постель, уже перевалило за полночь. Увидев, как сладко спит её сыночек, она опять хотела его поцеловать в щёчку. Но зная, что этим она его побеспокоит, и он начнёт ворочаться, она подавила своё желание. Вспомнив о том, что не сегодня-завтра, в крайнем случае, послезавтра должен вернуться Акмурат, она успокоилась. Она почувствовала боль и ломоту в руках, что днём перестирали много одежды. Через некоторое время она заснула. Теперь уже ночь, давно стоявшая в сторонке, наблюдала за Айбёлек. В какую бы комнату она ни прошла, ночь ходила за ней, заглядывая в окна. И всюду видела она женщину, наблюдающую с особой женской нежностью за всем, что связано с её детьми и мужем, скучающую по своему ненаглядному, не смыкая глаз ждущую своего любимого. Как обычно засматриваешься, когда видишь что-то хорошее, так и ночь засмотрелась в этом случае. И даже после того, как потухли все огни, тёмная ночь осталась среди домов, чтобы еще раз увидеть женское счастье.

*Перевод с туркменского
Екатерины Гельдымырадовой.*

КОНЬ БЕРДЫ - СПОРЩИКА

Сегодня наша «Литературная страница» представляет творчество наших читателей: новый рассказ известного туркменского писателя А.Алланазарова в переводе учителя русского языка и литературы одной из школ Дейнауского района Р. Каныгиной.

С Нишаном-ага я познакомился в Кисловодске у Нарзанной галереи. Он приехал подлечить больное сердце. Полный, круглолицый человек в поношенной шляпе оказался интересным собеседником, и я с удовольствием проводил время в его обществе. Мы жили в санатории, расположенном в центре города и, отдохнув после обеда, обычно отправлялись пешком к Нарзанной галерее. Назад возвращаясь мы из такси. Я был бы не прочь и обратный путь проделывать пешком, но Нишан-ага жаловался на одышку, начинавшая мучить его при подъеме в гору.

Историю, которую мне захотелось поведать вам, и услышал во время одной такой прогулки. Некоторое время Нишан-ага шел молча, затем вдруг, улыбаясь своим мыслям, покачал головой:

- Да, каких только людей не встретишь в жизни. Человека, о котором я тебе расскажу, ты конечно, не знаешь, а я видел его в детстве. У Берды, так звали этого человека, был чудесный конь. Гладкий, стройный, с маленькой точеной головой, одним словом, красавец, всем на загляденье. Этого коня еще жеребенком подарил сыну Берды по обычаю «инджи», дедушка. Когда мальчик с матерью гостили у стариков, бабушка, заметив, что любимый внучок показывает пальчиком на резвившегося вокруг дома

жеребенка, рассказала ему об этом.

Не прошло и месяца, как сыновья старика привели этого жеребенка во двор Берды. Так, благодаря сыну, у Берды появился конь. Через год он уже годился под седло, а вскоре стал участвовать в скачках. Прошло еще два-три года. Конь уверенно выигрывал все заезды. И не раз допытывались у Берды товарищи, как же удалось ему вырастить такого скакуна. Берды лишь отшучивался.

Шло время, и, живший довольно бедно, Берды возгордился. Впрочем, было отчего: на праздничных скачках его конь неизменно побеждал. Поначалу он шел наравне с соперниками, но когда до финиша оставалось совсем немного, Берды как-то уловимо приседал в седле, и конь его молнией вырывался вперед. Как гордились этими победами односельчане Берды! Зажиточные люди предлагали за коня немалые деньги, но Берды и слышать об этом не хотел: ведь во всех окрестных селах только Чубарый конь Нурджумы мог соперничать на равных с его скакуном. В селе поговаривали, что через год другой Чубарый обойдет всех на скачках. Берды, горячась, доказывал, что не только через год, а и через десять лет Нурджуме со своим конем не видать победы. В этих бесконечных спорах и получил Берды прозвище «спорщик». Даже на работе по очистке арыков Берды брал с собой коня. Как холил он своего любимца, как заботился о нем!

Однажды в разгар рабочего дня вдруг раздался встревоженный голос Карамираба:

- Скорее сюда. Коня увели!

Всех, словно ветром вынесло на берег. Оказалось, что какой-то конокрад, воспользовавшись удобным моментом, ускакал на коне Берды.

Тут же, не мешкая, снарядили погоню. Берды вскочил на первого попавшегося на глаза коня. Вор, похоже, был не из местных, плохо знал дорогу, и преследователи, умело сократив путь, скоро почти нагнали его. Особенно резво мчался Чубарый. Казалось вот Нурджума схватит злоумышленника. В пылу погони Берды не сразу сообразил, чем это грозит ему, а поняв, ужаснулся. Воображению его представлялась невыносимо унижительная картина: односельчане, посмеиваясь, толкуют о том, что напрасно считали коня Берды непобедимым. И тут кто-то весело крикнул ему на всем скаку:

- Сейчас догоним твоего хваленного скакуна!

Этого самолюбивого Берды уже не мог вынести. Уловив опытным взглядом решающее мгновение, он во всю мочь закричал вору:

- Эй, да ты просто молодчина! Ударь-ка коня, да посильней, по правому боку!

Ветер донес его слова, и не было теперь на свете силы, способной догнать рванувшегося вперед скакуна. Он летел, точно выпущенной из пращи камень и скоро скрылся из вида. Поняв тщетность погони, преследователи повернули назад взмыленных коней. Берды, гордо поглядывая по сторонам, довольно посмеивался:

- Вовек не догнать моего коня! Не я ли говорил что он самый лучший, что нет ему равных,!

И счастливая улыбка озаряла его.

ОДНАЖДЫ НА КАНУНЕ НОВОГО ГОДА

В самый канун Нового года Овез, мастер геофизической экспедиции, ведущей геологоразведочные работы в недрах Каракумов, неожиданно получил от живущей в Ашхабаде сестры срочное сообщение. Сестра писала: «Братишка, наконец-то наши усилия увенчались успехом, мы нашли тебе достойную невесту. Постарайся приехать к новогоднему вечеру. Мы хотим, чтобы этот Новый год вы встречали вдвоем. Скромная, приветливая, симпатичная. Тебе она понравится».

Волнение и предчувствие чего-то хорошего охватило Овеза. Хотя всего несколько минут назад у него не было ни желания, ни стремления куда-то ехать.

Новый год он собирался праздновать здесь, среди своих товарищей по работе.

И вообще, он намеревался провести этот вечер у телевизора. Антенну для приема спутниковых каналов смастерил сам, несколько дней сваривал длинные трубы. На самый верх подставки он прикрепил собственноручно изготовленную жестяную тарелку. Вчера ему удалось настроить каналы спутникового телевидения, и геологи ужинали перед включенным телевизором.

Буквально за час до получения сообщения машина геологов отправилась в ближайший поселок, чтобы закупить продукты для новогоднего вечера. Если бы сообщение пришло чуточку раньше, Овез мог бы поехать на станцию на ней. Но что теперь говорить, в экспедиции нет другой машины, которая могла бы отвезти Овеза на железнодорожную станцию, что находилась километрах

в десяти-пятнадцати отсюда. Кто знает, когда теперь вернется отъехавшая машина? В экспедиции вахтовым методом работали две смены геологов. Менялись они через пятнадцать дней. Десять дней назад коллеги Овеза сдали вахту и разъехались по домам. Они проведут Новый год в кругу семьи и только после праздника вернутся на работу. Овез был холост, дома его никто не ждал, потому он и не стремился уезжать вместе со всеми, оставался в экспедиции. В свои выходные дни при желании он мог прогуляться по окрестным пескам, а если машина отправлялась в поселок, мог вместе с другими прокатиться на ней. По необходимости помогал рабочим, и потому даже заметить не успевал, как пролетали пятнадцать дней его законного отдыха. А если серьезно, то с тех пор, как он развелся с женой, то есть уже почти два года, его совсем не тянуло в Ашхабад. Не тянуло, потому что его не покидало неприятное чувство, что там, дома, может повториться его прежняя разлаженная жизнь.

Не глядя по сторонам и не теряя времени, шел он быстрым шагом напрямую через пески, торопясь поскорее добраться до железнодорожной станции. Сейчас все его мысли были заняты тем, чтобы поспеть на ашхабадский поезд и сесть в него. Он не знал точного расписания движения поездов, не знал, когда поезд прибывает на эту станцию, хотя и надеялся, что, прибавив шаг, обязательно успеет к его прибытию.

Овез был крепким молодым мужчиной выше среднего роста. И хотя он считал, что волны жизни уже прибили его к берегу, ему не было еще и тридцати. Наспех собрав вещи в рюкзак, закинул его за спину, и теперь он горбом болтался на его спине. На ногах у него были рабочие сапоги, которые были ему немного великоваты и потому издавали

хлюпающий звук. Хорошую обувь, которую надевал только в дни отдыха, Овез аккуратно завернул и положил в рюкзак, чтобы переобуться после отправления поезда.

Несмотря на то, что все вокруг напоминало о наступившей зиме, погода не была холодной. И вообще, последние года два зимы были бесснежными, хотя прежде на Новый год долгожданный снег выпадал обязательно. Но люди все равно не теряли надежды, они жаловались на плохую погоду, но в то же время и мечтали: «Что-то климат стал меняться. Разве на Новый год не должен выпадать снег и накрывать землю белым покрывалом? Должен, должен пойти снег».

Вот и в этом году с приходом зимы воздух стал холоднее, прошло несколько дождей, а снега все не было. Но парню почему-то казалось, что на этот раз Новый год обязательно все вокруг оденет в белоснежный наряд.

Вчера набежали тучи и закрыли небо черной кошмой, чувствовалось, что с тех пор погода, словно что-то задумав, крепко стиснула зубы и, хмурясь, начала понемногу напрягаться.

Собираясь в дорогу, парень посмотрел на погоду и стал мечтать: «Хоть бы к Новому году пошел снег, чтобы и небо, и земля побелели, чтобы все вокруг обновилось. Но пусть только снег пойдет после того, как я сяду в поезд, чтобы подумали, что это я привез с собою в Ашхабад снег».

Не обращая внимания ни на окружающие его холмы, ни на создавшиеся между ними и погруженные сейчас в тишину редкие затемненные балки, ни на растущие тут и там и обращенные к небу в ожидании влаги джейраньи чаши, он безостановочно шел к цели. Сейчас Овез думал лишь о том, как приедет в Ашхабад, привезя с собой падающие хлопья

снега, как будет хрустеть под его ногами снежный наст, когда он пойдет гулять вместе с новой знакомой, которую сестра прочит ему в невесты.

Несмотря на холодную погоду, от быстрого шага парень взмок, и его рубашка в нескольких местах спереди и сзади намокла и стала прилипать к телу. От него исходил легкий пар, однако он все равно не сбавил шаг.

Спустя некоторое время легкий ветерок, дуновение которого было похоже на поглаживание тела, донес откуда-то острый запах кизяка, смешанный с запахом овечьей шерсти. И тотчас же на вершине ближнего холма, похожего по форме на пупок, показалась отара овец, которая вначале паслась на той стороне холма, а сейчас переваливалась на его солнечную сторону. Овез, скорее всего, был знаком с чабаном и подпаском этой отары, потому что геологи знали всех здешних пастухов и поддерживали с ними добрые отношения. Он видел чабана совсем недалеко от себя, видел, как тот шел, пристроив на боку пояса чабанскую палку и держась за оба ее конца. Сейчас этот человек напоминал птицу, расправившую крылья для полета. Овез не стал заострять свое внимание на встреченном чабане, хотя и нет ничего лучшего, как встретить в пустыне другого человека именно тогда, когда особенно остро ощущаешь свое одиночество, встретить и пообщаться с ним, чтобы снова испытать чувство своей причастности к человеческому сообществу.

Сейчас у него просто не было времени даже для такого удовольствия. Ему казалось, что поезд, на который он так сейчас спешит, несется на всех парах, как легендарный Боздуман Алдара Косе, скоро он появится за поворотом и вот-вот прибудет на станцию.

Вместе с мыслями о новой невесте он с благодарностью думал о сестре и зяте, которые всем сердцем переживали за него и так беспокоились об устройстве его жизни. Еще не видя будущей невесты, в мыслях своих он уже выстроил ее образ и увидел ее именно такой, которая могла понравиться ему: в меру упитанной, росту выше среднего, со смущенной улыбкой на симпатичном лице. Он представлял, как, потупив взгляд, смотрит она на него, и видел в ее глазах любопытство и жадный интерес к своей личности. Представлял, с каким удовольствием он встретит Новый год с новой невестой. Овез уже очень давно не испытывал таких приятных чувств.

И потом, каждый раз приближение Нового года будило в людях какие-то особые мечты и желания, преддверие праздника поднимало настроение. И именно в канун Нового года человек особенно остро испытывает чувство одиночества, не находит себе места. Когда его товарищи отправлялись на отдых домой, Овез, боясь одиночества, не ездил в Ашхабад, оставался в экспедиции. Вот ведь в какие сумасшедшие игры играет с человеком жизнь! Но сегодня молодой человек, охваченный предчувствием каких-то волнующих перемен, испытывая притяжение той, которую еще даже не видел, на крыльях летел к заветной цели.

Но, как ни предавался мечтам парень, как ни летел на крыльях любви, на поезд опоздал все равно. Поднявшись на пригорок, откуда до станции было уже рукой подать, он увидел лишь хвостовой вагон удаляющегося поезда. Вон он, мчится вдаль, набирая скорость, как жеребец, которому под хвост вожжа попала. Все усилия Овеза оказались напрасными, он был в отчаянии. Остановился, как вкопанный, вытер со лба пот, сбросил со спины рюкзак и перевесил его на плечо, а потом резко сел, как собака, встретившая более

сильного врага. Он еще больше расстроился, когда подумал о том, что поезда здесь проходят очень редко. Отирая пот, прикусил губу, жалея о том, что не вышел из дома хотя бы на пятнадцать минут, на полчаса раньше. А поезд, оставивший парня ни с чем, вскоре и вовсе скрылся за поворотом.

Он давно знал, что на этой железнодорожной станции трудится казахская семья. Не раз видел и старика, встречающего и провожающего поезда с фонарем и разноцветными флажками в руках.

«А может, в том, что я не уехал, есть какой-то знак», - подумал Овез, и эта мысль воодушевила его и придала сил. Подходя к станции, он заметил выходящую из помещения кассы молодую женщину в форме железнодорожника. Увидев опоздавшего пассажира, она постояла немного, недоуменно разглядывая его, после чего удивленно спросила:

- К поезду пришел?

- Да.

- Но он только что отошел! - женщина, то снимая, то надевая на голову форменную фуражку, всем своим видом показывала озабоченность. Посмотрела в ту сторону, куда уехал поезд.

Вид у женщины был сочувствующий. Запоздалый пассажир, повернувшись боком, незаметно для нее разглядывал женщину.

Женщина была среднего роста, полнотелая. Облегающая фигуру форма сидела на ней ладно и была ей к лицу.

Ветер, впитавший все запахи окружающих просторов, доносил запах степных растений, смешанный с прелым запахом железнодорожных шпал. В смеси этих запахов явственно ощущался и дух снега.

Какой мужчина, а тем более неженатый, пропустит мимо своих глаз женщину? Стоявшая перед ним молодая женщина понравилась Овезу. «Она, однако, недурна. Приласкать бы ее», - мечтательно подумал он. А заодно стал мечтать о том, чтобы женщина, ожидающая его в Ашхабаде, оказалась похожей на эту.

- Ты, наверно, из геологов? – первой заговорила женщина, обращаясь к парню, который все еще стоял с видом человека, ищущего виноватых в своем опоздании на поезд.

- Да, из них. Получил известие из Ашхабада, просили приехать...

- Но если ты геолог, должен знать расписание движения поездов. Ваши у меня спрашивали, и с собой забрали расписание...- сочувствуя стоявшему перед ней молодому мужчине, женщина, сама того не замечая, повысила голос.

- А когда теперь будет следующий поезд?

- Не скоро. Раньше завтрашнего утра не жди здесь пассажирского поезда. Есть еще грузовые составы, но только один из них делает здесь остановку, все остальные безостановочно проносятся мимо. Да и тот один прибудет не раньше одиннадцати. Можно, конечно, поговорить с его машинистами, чтобы они взяли с собой в кабину одного человека. Если машинист хороший человек, с ним можно договориться. Но встречаются и те, кто ответит, как отрежет: «Не положено!»

Некоторое время парень стоял с растерянным видом, не зная, какими должны быть его дальнейшие действия. Подперев правой ладонью подбородок и сузив глаза, он раздумывал, что же ему теперь делать. Удрученно подумал, что поблизости нет даже автотрассы. А подумав о том,

что здесь, кроме небольшого вокзального помещения, и отдохнуть-то негде, переждать время, и вовсе расстроился. Да и его сейчас эта казашка заперла и собирается идти домой. И что теперь, назад идти? Не в двух же шагах стоянка геологов? Овез вдруг понял, что, как бы там ни было, возвращаться обратно ему совсем не хочется.

Он посмотрел на женщину, давая ей понять, что хочет еще о чем-то спросить. Постарался по возможности подойти к создавшейся ситуации с другой стороны.

Было видно, что и женщина, почувствовав на себе оценивающий взгляд мужчины, заволновалась и смущенно опустила глаза. Когда еще в этих местах появлялся мужчина, который бы разглядывал ее с таким интересом?

- Келиншек!- чтобы было понятнее, мужчина заговорил, вставляя в свою речь известные ему казахские слова. – А что, если я подожду следующего поезда здесь, на вокзале?

Женщина не сразу нашлась, что ответить на этот неожиданный вопрос. Она переводила взгляд то на здание вокзала, то на лицо мужчины.

Не успела она додумать свою мысль, как Овез заговорил снова, тон у него был полушутливо-полусерьезный. На усмотрение женщины: пусть примет тот, который ей больше по душе.

- Но я не стану возражать, если вы пригласите меня домой и позволите переждать время в теплом месте. Иначе куда мне деваться? Вон уже и снежинки посыпались,- произнес он, оглядываясь по сторонам.

На этом полустанке жили две-три казахские семьи. У них был свой интерес, потому что вокруг было много нетронутых пастбищ для выпаса скота, и они выгоняли туда

своих собственных овец. Женщина принадлежала к одной из этих семей и с недавних пор работала на станции, придя на смену своему постаревшему отцу.

Женщина кинула быстрый взгляд на незнакомого мужчину, так неумело попытавшегося шутить, но отвечать не спешила. В свою очередь и Овез думал о том, что женщина, скорее всего, не решается привести домой незнакомого мужчину, не знает, как на это посмотрит ее муж и что ему ответить, если тот спросит, кого она привела с собой. Но женщина неожиданно проявила решимость. Вежливо улыбнувшись, сказала:

- Тогда пойдемте, у нас и подождете!

Такого ответа Овез совсем не ожидал, он лишь успел заметить, как вспыхнули румянцем щеки женщины, когда та приглашала его домой. Теперь она и вовсе стала для него загадкой.

К этому времени нависшие над головой тучи стали совсем темными, а воздух обжигаяще холодным, казалось, что где-то рядом затаился невидимый глазу гигантский лютый зверь, готовый в любую минуту наброситься на тебя. Сумерки сгустились, и совсем скоро начало темнеть.

После этого Овезу, шутка которого обернулась серьезным предложением, не оставалось ничего другого, как последовать за женщиной, хотя идти в незнакомый дом ему было неудобно.

Когда дочь вернулась с незнакомым мужчиной, хозяйка дома, пожилая женщина, была занята приготовлением праздничного ужина. Она уже поставила варить мясо для бешбармака в отдельном казане и сейчас замешивала тесто для дальнейшего приготовления этого блюда. Мать знала, что дочь скоро вернется с работы, и ждала ее, чтобы она

помогла ей на кухне. Правда, та в последнее время подолгу задерживалась на работе, не спешила в опостылевший ей дом. Когда мать спрашивала ее, отчего она так задержалась, коротко и неохотно отвечала: «Работы было много». Да и на работу старалась уйти пораньше, бежала из этого дома.

Женщина начала работать на железной дороге совсем недавно. Устроив на свое место дочь, которая хорошо знала его работу и с самого раннего детства постоянно помогала ему, старик успокоился. Пару лет назад девушку выдали замуж за парня, в котором ее родители увидели будущего зятя, и хотя до того они не встречались, дочь согласилась в надежде, что со временем привыкнет к нему и, может, даже полюбит. Однако ни дочери, ни родителей надежды не оправдались. Уехавший на учебу в Алматы, юноша не приезжал на каникулы ни разу. А год назад Кенжекей получила от него последнее письмо, которое лишило ее последней надежды. Муж писал ей: «Кенжеке, ты хороший человек, настоящая жена казаха, посвятившего жизнь железной дороге. Меня же такая перспектива не радует, не знаю почему, но меня и к тебе в такой жизни не тянет. Не жди меня, Кенжеке! Будь счастлива!» И вот с тех пор ее жизнь утратила всякие краски, она жила скучно, неинтересно, безо всяких желаний. Старики сильно переживали за свою единственную дочь, с которой так жестоко обошлась судьба, им было больно видеть ее страдания. «Ты, дочка, тоже поезжай в город, поступи на учебу!»- советовали они ей в надежде, что в городе она повстречает свою настоящую половинку. Больше всего за Кенжеке переживала мать, она не могла видеть, как страдает ее дочь от одиночества, временами, когда дома никого не было, давала волю слезам и молила Бога помочь ее дочери. Сейчас она по привычке

готовилась к встрече Нового года, хотя и знала, что в доме не будет шумного застолья, праздничного настроения, что, быстренько поев, дочь уйдет в свою комнату и ляжет спать пораньше. Мать с теплотой вспоминала веселые новогодние праздники, которые они устраивали для маленькой дочери, и думала о том, как все изменилось в последние годы.

Когда скрипнула входная дверь, и послышались какие-то голоса, женщина оторвалась от своего занятия и посмотрела в ту сторону. Она увидела дочь, вошедшую с каким-то мужчиной. Еще не разглядев его толком, мать вдруг почувствовала, что дочь привела с собой в дом собственную судьбу. «Наконец-то!» - подумала про себя женщина и, облегченно вздохнув, машинально вытерла ладонью пот со лба. Мужчина остановился и смущенно поздоровался с женщиной в белом платке. Ответив на приветствие, женщина стала с каким-то особым интересом пристально вглядываться в незнакомца, пытаясь увидеть в нем что-то такое, что должно стать ответом на ее неожиданно возникшие мысли. На помощь пришла Кенжекей.

- Шеше, я гостя привела!

- Гость – судьба, проходите!

- Он один из работающих неподалеку геологоразведчиков. Опоздал на поезд.

- Ах, как жаль! – старая мать и в самом деле искренне пожалела парня.

- Вот я и предложила ему побыть у нас до прихода следующего поезда.

- Правильно сделала. Проходите в дом. Отец разделал для меня мясо и ушел проведать скотину. Должен скоро вернуться.

- Снег пошел.

- Тогда он тем более не задержится на дворе, загонит скотину под крышу. Ты проводи гостя в свою комнату и предложи ему пиалу чая... Кстати, я и новогодний сачак (дастархан) расстелила в твоей комнате, она просторнее.

Эти слова она произнесла так, словно хотела сказать, что мать ожидала появления нового человека в доме. «Хорошо сделала»,- ответила Кенжеке и проследовала с гостем в свою комнату.

Потом все было так, как бывает в доме, принимающем гостей. После появления Овеза настроение молодой женщины заметно изменилось в лучшую сторону, лицо стало приветливым, а речь ласковой. Усадив гостя, женщина вышла, чтобы переодеться. Форму железнодорожника она сменила на красившее ее длинное платье, голову повязала красивым шелковым платком. Когда она вернулась, Овез не узнал Кенжеке, так она похорошела! Она угостила Овеза чаем с молоком. По обычаю, казахские женщины должны наливать этот чай собственноручно, иначе пропадает очарование самой этой чайной церемонии. Разлив чай по пиалам, Кенжеке подумала о том, что они даже не представились друг другу. Слегка наклонив голову, произнесла со смущенной улыбкой:

- Меня зовут Кенжекей, а тебя как?

«Кенжекей, Кенжекей»,- произнес про себя Овез, и у него тут же родилась озорная мысль: «У туркмен есть похожее словосочетание «Кемже-кердем». Подумав немного, назвалса:

- Овез.

- Имя Овез и у казахов достаточно распространенное.

На какое-то время женщина задумалась над тем, что означает имя Овез. Потом произнесла:

- У нас имя Овез чаще всего дают детям в память о ком-то ушедшем, на чье место пришел новорожденный.

- Кажется, и у нас это так, - размягченным от выпитого чая голосом ответил Овез. Он старался не показывать виду, хотя в душе и корил себя, что до сего дня не удосужился поинтересоваться происхождением своего имени. Но Кенжекей, погруженная в свои раздумья, ничего не заметила.

- А я почему-то подумала, что тебя зовут Гарлы. Ведь с твоим появлением снег пошел!

Овез уловил в словах женщины едва ощутимую иронию.

За чаем, чтобы не молчать, Овез стал рассказывать о работе геофизической экспедиции, стоящей в десяти-пятнадцати километрах отсюда. Сообщил, что они вот уже два года ведут разведку этих мест. Выслушав его, Кенжекей спросила:

- И что, вы до сих пор не нашли того, что ищете? – и многозначительно улыбнулась.

- А вы как думали, разве легко найти то, что ищешь?! – в тон ей ответил и Овез, сразу же уловив в словах женщины потаенный смысл. Он увидел, что его собеседница по-своему поняла его слова, от смущения на лице женщины выступили алые пятна.

Посидев рядом с Овезом и пообщавшись с ним, Кенжекей вдруг поймала себя на мысли, что почувствовала себя замужней женщиной, что ей хорошо рядом с этим незнакомым мужчиной. От этих мыслей даме стало не по себе и она, пытаясь скрыть свое замешательство, встала с места со словами:

- Пойду, помогу маме с ужином. – Она ушла в соседнюю комнату, и Овез на некоторое время остался один на один с телевизором.

Вспомнив разговор с молодой женщиной, Овез подумал: «Казахские женщины очень остроумны. Вот и эта хорошим чувством юмора обладает».

Обычно месяца за два до прихода Нового года, с которым люди связывали свои надежды на лучшие перемены, начинает меняться погода. Набегают тучи, ущелья теряются в дымке тумана, земля покрывается инеем и с удовольствием отдает накопленные плоды. Именно в это время у людей появляются мысли о предстоящем Новом годе, о связанных с его приходом радостях. Время от времени они перебирают в памяти имена людей, которых хотели бы видеть за праздничным новогодним столом.

Очень скоро на пороге, отряхивая с плеч и шапки, с сапог налипший снег и что-то бормоча, появился долгожданный старик.

- Вон сколько снега уже выпало, а он все валит и валит! – стоя у порога, снял с головы сплюснутую папаху. Затем стал стряхивать снег с телогрейки, в которую был одет. – Года два на Новый год не было снега, так в этом году он решил взять реванш! Вон какие хлопья снега кружат в воздухе и падают на землю...

Он вдруг заметил аккуратно поставленную у порога незнакомую пару сапог. Обрадовался.

- Уж не Тумен ли к нам приехал? – назвал он имя одного из родственников, предположив, что только он мог в такой день оказаться у них.

Кенжекей подошла к отцу и помогла повесить на крючок снятую отцом телогрейку.

- Ата, у нас гость! – сообщила она.

- Гость – посланник Бога. Наверно, кто-то из тех, кто опоздал на поезд?

- Да, опоздавший пассажир.

Старик не обратил внимания на то, как покраснела его дочь при этих словах.

Посчитав снегопад предзнаменованием чего-то хорошего, а гостя, пришедшего в дом в такой снежный день, посланником Бога, старик сильно обрадовался.

Протянув обе руки, он приветливо поздоровался с находящимся в доме гостем, стараясь по его виду определить, что он за человек. Овез чувствовал себя неловко оттого, что в этот дом его привела женщина, но ему понравилось добросердечие старика. У хозяина дома было спокойное и открытое круглое лицо, спокойный и умный взгляд. В доме было тепло и уютно. Старик расположился рядом с гостем и только приступил к расспросам, как сзади него раздался звук падающих капель. Подняв голову, старик увидел, что потолок усыпан влажными бисеринками, которые, сливаясь друг с другом, образовывали небольшие капли и одна за другой падали вниз. От вида протекающей крыши у старика резко упало настроение. Только сейчас он вспомнил о том, что еще в прошлом году, когда также начала течь крыша, он собирался найти человека и обновить прохудившиеся листы шифера. Сейчас он укорял себя в том, что по забывчивости своевременно не позаботился об устранении протечки. Было понятно, что снег не только идет, но при плюсовой температуре воздуха сразу тает.

Падающие с потолка капли уже успели образовать на полу приличную лужу и намочить часть расстеленного ковра. Увидев это, старик стал звать дочь:

- Кенжекей, иди сюда, дочка! Захвати с собой таз и тряпку. Снег начал таять и устроил нам потоп!

На зов отца Кенжекей ответила из соседней комнаты

«Иду!» и вскоре принесла тазик и тряпку. Попросив мужчин отодвинуть в сторонку расстеленный в центре комнаты сачак (дастархан), быстренько собрала тряпкой воду с пола. Тщательно вытерев пол, она подставила тазик и, чтобы звук падающих капель не раздражал, застелила его изнутри хорошо отжатой тряпкой. И только после этого стала кормить родных и гостя.

Овез вдруг заметил, как красиво уложены черные, как смоль, косы женщины. Длинное платье с глубоким вырезом делало ее особенно нарядной. От внимания гостя не ускользнуло и то, с каким вожделением смотрит на него молодая женщина, и как у нее при этом горят глаза. Вначале Кенжекей думала, что интерес мужчины, при любом удобном случае разглядывавшего ее, спровоцирован несколькими рюмками водки, которую он выпил, чокаясь с ее отцом. Она не знала, что отец, воспользовавшись удобным моментом, когда рядом не было женщин, рассказал гостю о неустроенной жизни дочери, брошенной мужем-негодяем. Старик поделился с гостем своими переживаниями за единственную и любимую дочь, которой он желал не такой судьбы.

Женщина видела, с каким интересом разглядывает ее мужчина, но не могла понять, шутит он или всерьез заинтересовался ею. Да и ее собственное состояние сейчас было не лучше, чем у Овеза. Ухаживая за гостем, вызвавшим ее приязнь, она с горечью думала о том, что совсем скоро ему надо будет уезжать, и он покинет этот дом. Не приведи Господь никому провести новогоднюю ночь в одиночестве!

С аппетитом съев праздничный ужин и находясь в приподнятом настроении, старик через какое-то время вытер салфеткой пот со лба и с удовольствием взял в руки

домбру. Как только он заиграл на ней, атмосфера в комнате переменилась, как будто стали рассеиваться и уходить сгустившиеся тучи. Мысленному взору празднующих предстала картина: по бескрайним казахским степям гарцуют всадники, слышен цокот конских копыт. Эта мелодия подняла настроение и напомнила Кенжекей веселые любовные игры казахов, когда юноша и девушка верхом на коне догоняют друг друга со словами: «Если догонишь, получишь поцелуй!» Она представила себя в роли той девушки, кокетливо бегущей от юноши, чтобы не позволить ему поцеловать ее, а Овеза на месте того самого догоняющего юноши, и в ту же минуту устыдилась своих тайных мыслей, словно кто-то мог прочесть их, смущенно опустила голову. Сейчас все находились под впечатлением от прозвучавшей музыки. После этого старик, уставившись в потолок, будто пытаясь что-то отыскать на нем, обливаясь потом, запел своим хриплым голосом. Отодвинувшись от сачака, Овез слушал музыку, предаваясь своим грустным мыслям.

Температура воздуха в комнате заметно накалялась, зато на улице мороз стал крепнуть, потому что с потолка стало капать все реже и реже, а потом и вовсе все прекратилось. Видно, снег на крыше застыл и перестал таять. Да и капли падали в стороне от людей, поэтому на этот звук попросту никто не обращал внимания.

Собравшиеся за праздничным столом песнями и музыкой проводили старый год, с которым они прощались навсегда. С грустью подумалось: вот и этот год промчался мимо, как промчался мимо них тот поезд, на который не поспел Овез.

У стариков уже давно слипались глаза, но они мужественно досидели до полуночи и под звуки телевизора

с самыми добрыми пожеланиями и надеждами встретили Ашхабадский Новый год. Поздравили друг друга.

- Вы, конечно, еще и Московский Новый год будете встречать, а мы устали и хотим спать. Пожалуй, мы пойдем, а вы, молодые, посидите еще.

Оставив молодых наедине, старики отправились в свою комнату. Поднимаясь, старик вдруг вспомнил, что парню предстоит уезжать утренним поездом. И тогда он сказал вставшему вслед за ним Овезу:

- Сынок, счастливого тебе пути и будь здоров!

Про себя же подумал: «Вот тебя-то, сынок, и не хватает нашему дому! Не помню, когда я в последний раз так хорошо встречал Новый год!»

- И вам того же! – прощаясь со стариком, пожелал Овез. Он был благодарен этим людям, которые так тепло принимали его в своем доме, и всем своим видом показывал это.

- Коли ты геолог, да еще работаешь неподалеку отсюда, если будет по пути, заглядывай к нам иногда. Вспомни старого казаха и приходи. Ты мне очень понравился.

Проводив мать до места, Кенжекей вернулась за отцом и увидела, как они с Овезом, словно два собутельника, которые никак не могут расстаться, все еще прощаются друг с другом. Поправив на голове платок, женщина кинула взгляд на отца и гостя. Радуюсь тому, что увидела, понимающе улыбнулась. Подошла к телевизору, во всю мощь изрыгавшему праздничные шумы, и убавила звук.

Прихватив отцовскую домбру и идя рядом с ним, она проводила его до спальни. Вернувшись, увидела, что Овез сидит на том же месте в глубокой задумчивости. Когда Кенжекей присела, он, тяжело вздохнув, произнес: «Как

хорошо, когда есть родители!» Видно, он вспомнил своих рано ушедших из жизни родителей. Кенжекей устроилась на мягкой подстилке отца рядом с Овезом, мило улыбнулась ему и стала предлагать гостю угощаться тем, что выставлено на праздничном сачаке.

- Вы бы еще что-нибудь поели, гость!

- Да сколько же можно есть?! Я уже объелся, все так вкусно было!

Посмотрев на пустую бутылку из-под водки, Кенжекей налила в пиалу чая и протянула гостю.

- Тогда выпей пиалу чая!

- Вот это совсем другой разговор. Чай – это хорошо!

– Овез принял из рук молодой хозяйки протянутую ему пиалу с чаем.

Подавая пиалу, женщина ощутила на своем лице теплое дыхание парня. Исходящий от мужчины жар разволновал женщину, лишил ее покоя. Сердце бешено заколотилось в груди Кенжекей, во рту пересохло, как у человека, объевшегося рыбы. Она изо всех сил старалась не показывать виду, боялась, что гость может догадаться о вспыхнувшем в ней желании. Опустошив пиалу, Овез взглядом охотника посмотрел на женщину и снова протянул ей пиалу:

- Очень хороший чай получился. Налей-ка мне еще одну пиалу! – Он оценивающе посмотрел на женщину, пытаясь понять, как она отреагирует на его шутку. – Если ты умеешь готовить такие вкусные блюда, да еще такой чудесный чай заваривать, я и вовсе не уйду от вас!

Неожиданно женщины, сулыбкой на лице слушавшей гостя и наливавшей ему чай, ответ оказался готовым:

- А кто тебя отпустит?!

Для Овеза этот ответ прозвучал не просто как набор слов, он услышал в нем голос истосковавшегося по мужской ласке женского сердца. Он тоже почувствовал, что сейчас Кенжекей думает о нем, желает его. Забыв обо всем на свете, схватил женщину за руку и с силой привлек ее к себе...

Некоторое время спустя женщина, о чем-то вспомнив, осторожно высвободилась из объятий мужчины, сняла со стены часы, при каждом взгляде на них напоминавшие парню о приближавшемся времени отъезда, и отнесла их в соседнюю комнату.

А в это время москвичи, уже встретившие Новый год, шумно и весело праздновали его по телевизору, поздравляя друг друга с новым годом – новым счастьем.

* * *

Снег, выпавший в новогоднюю ночь, пролежал два дня и растаял, после чего земля вернула себе прежний облик. В один из таких дней машина геологов привезла на станцию людей, отработавших смену. Здесь они и увидели своего коллегу Овеза, уехавшего в Ашхабад на встречу Нового года. Овез сидел на крыше дома казаха-железнодорожника и приводил ее в порядок, а какая-то милая женщина помогала ему, подавая снизу необходимые инструменты.

Перевод с туркменского Б.Оразкулиевой.

СЛАДКАЯ ДЫНЯ ВАХАРМАН

(Сказка)

Когда лиса проснулась утром у неё от аппетита ныли зубы ей хотелось поестъ дыню. Была пора когда всё поспело и все с удовольствием ели дыни. Есть пожелтевшие дыни покрытые сетчатым узором было истинным удовольствием. Вспомнив еще раз о Вахармане у лисы потекли слюнки.

Это заставило лису вспомнить о ближайшей бахче где росли дыни и пуститься в путь. Чтобы не привлечь к себе внимания, она попыталась показаться бездельно разгуливающей лисой. Во всяком случае никто на нее не обращал внимания. В округе, где нашла лиса, такие бездельно гуляющие лисицы были в почете и считались «совестливыми».

Думая о похищении дынь, лиса в первую очередь вспомнила о шакале. Да, она всегда крада дыни вместе с шакалом. Во—первых вдвоем красть было легче. А во—вторых дыни крада лиса, а вся вина всегда ложилась на шакала. Лиса всегда оставалась в стороне, будто ничего не зная, оставаясь совершенно безвинной.

Вот и в этот раз лиса зная, что бездумный, доверчивый шакал запутавшись в своей хитрости будет опозорен и предвкушая что дыни достанутся ей, она запела песенку о себе.

Многие меня знают,
А кто не знает – узнает.
В наших краях есть,
Есть одна хорошая лиса.

Я очень ловкая лиса,
Имею право этим гордиться.
Я для слабых кнут,
Ум – для сильных.

Меня знает и лев,
И ты знаешь меня!
«Ты моя лиса с пушистым хвостом»
Называла меня моя бабушка.

Находя подход к сильным,
Я приговала «Лучший джигит»,
А слабые при мне
Не произнесут и слова.
Мне приходилось убегать,
(Прятаться притаившись).
Но при любых обстоятельствах
Я умею достигать свои цели.

Вот и сегодня прекрасный день,
Я имею право радоваться.
Я для слабых кнут.
И ум для сильных.

Через некоторое время лиса заметила вдали светящийся глаза. Подойдя поближе она увидела вышедшего из своей норы шакала, который мечтал поесть дыни. Он сидел задумавшись на возвышенности не зная что ему делать. Тем не менее, не теряя бдительности он не маялся бездельно сидящим. Чтобы убедиться в том, что там сидит именно шакал, лиса осторожно ступая, приблизилась к нему.

Хотя шакал сидел к ней спиной, не оглядываясь узнал её по шагам.

— Чего хитришь, подходи!

— Ты кто будешь брат? – мило спросила лиса не вставая с места.

— Подходи, я тоже из вас.

— Вот как. Тогда хорошо.

После этого лиса подойдя к шакалу очень обрадовалась что встретила своего знакомого.

— Это разве ты?

— Как будто бы я – ответил шакал без энтузиазма свойственному голодному зверю.

— Что ты делаешь в этих местах? – спросила лиса.

— Ай, я так себе прогуливаюсь – ответил нехотя шакал.

— Говори правду, милый – сказала лиса, окинув его взглядом будто она знала о его намерении хотя он ей об этом не говорил.

— Значит, дело опять дошло до этого. Тогда друг мой тебе может помочь только то, что предписывают древние лекари. Ты немедленно должен поесть «Вахарман», которого не видела ни лиса, ни сам шакал.

— Да, нет это видимо не совсем так – ответил шакал, хотя слова лисы пришлись ему по душе, но он решил не доверять свой секрет. Эти слова рассердили лису.

— Как бы ты ни старался мой милый шакал, у тебя нет другой мечты кроме дыни. Если я говорю не правду, пусть на меня спустят собак – решительно ответила лиса.

— Говори чего угодно друг, только не напоминай мне о собаках, как говориться «Про волка речь, а он тебе навстречь», ты не слышала об этом? Сейчас пусть кто

угодно придёт, только бы не собаки – после слов собаки лиса огляделась вокруг и как-то сжалась. Шакалу и без этого надоели собаки.

Заметив то, как повёл себя шакал услышав про собак и услышав сказанное им о своей простоте слова, лиса по его прямоте догадалась, что и тот готов пойти на воровство дынь.

— Нужно непременно есть дыни – сказала лиса по дружески похлопав его по спине.

— Создав любую болезнь природа вместе с тем находит противоядие против неё. Сейчас такое время, что одному не прожить. Поэтому чтобы поесть дыни необходимо объединить силы. Как говорить: — «Рука руку моей, а обе руки лицо».

— По – моему и ты права.

— Кроме того, если к этому прибавить мои уловки – уверенно сказала лиса, чтобы убедительны оказались её мысли.

Это расстроило шакала. Он нахмурился.

— При первой же возможности и ты стараешься похвалиться барабана себя в грудь.

— Ты тот ли шакал, который верит в слова? Желтую дыню можно прижать к своей груди только в том случае, если мы с тобой объединим действия...

Они стояли некоторое время представляя себе желтые дыни, которые лежали не сорванными на своих кустах на бахче.

В воздухе стоял приятный аромат дынь, которые они время от времени видели во сне.

— Ах, как они пахнут – сказала лиса, прищулив глазки и с объятием втягивая в себя воздух.

— Угу, говори, если у тебя есть план – сказал шакал теребя лапами по земле и готовый идти за дынями.

— Но есть ещё одно обстоятельство которое следует учесть – сказала лиса, считая необходимым сказать ему об этом и стала ему объяснять.

Охранник привёз из города бинокль. Теперь сидя на месте он может видеть всю округу как на ладони.

— Ой, тогда наверно он нас и сейчас видит? – сказала озарившийся по сторонам лиса и прижалась к земле. Тяжело вздохнув, она разочарованно начала что—то болтать.

— Так бы и сказать, что нам потребовать дынь.

— Этого я не скажу дружище. Если бы не сеяли дыни тогда другое дело, но если сеют придётся их есть.

Лиса сказала эти слова как бы уверяя его, в том смысле, что она сама найдет способ добыть дыни. Она думала что шакал услышав эти слова спросит её «Каким образом?». Но ожидания лисы не оправдались. Шакал ответил невнятно, говоря себе в нос:

— Ай, давай подруга оставим этот разговор о дынях.

— Ты послушай мой план – сказала резко лиса, резко взглянув на шакала, чувствуя что дела приобретают не желательный оборот.

— Угу говори, но если твой план не понравится мне я не последую за тобой трусцой.

— Ты должен зайти на бахчу справа, со стороны песков. Затем завоешь во всю глотку, подняв морду вверх будешь выть во всю мочь, словно в глаз попала пуля! Как только сторож пуститься за тобой, побежишь во всю мочь порой подвывая себе. А я в это время, зайдя с неожиданной стороны, наберу дынь. Ну каков мой план? Как видишь он не хуже плана «Барбароссы» Гитлера. Есть вопросы?

— А что будешь делать, если в тени сидит внук сторожа?

— Я это тоже учла. Он только что напевая песенку о дудочке ушел в школу. Теперь он не вернётся раньше вечера.

— Тогда испытать что ли счастье? – сказал шакал неуверенно.

— Конечно – ответила лиса, заметив как шакал склоняется к её выдумке. А затем, как бы закрепляя свою мысль сказала указывая на свою голову: — Как видишь, работает!

Вспомнив о дынях, шакал опять втянул в себя воздух...

Наблюдая за действиями шакала лиса поняла его. Она сказала ему то, что пришлось ему по душе.

— Давай-ка друг шакал, запоем нашу песню о дынях.

— Ах, так бы и сказала подружка – ответил шакал с удовольствием восприняв её предложение.

Шакал и Лиса имена наши,
Своя мечта, своя аустыня у нас.
А на огороде у дедушки сторожа
Наша радость под названием «Дыня»

Желтая дыня, желтая дыня
Покотись ты к нам сюда.

Дыня мёд для любящего,
Зарах приятен как всегда.
Разве мы стали ее бы воровать
Если бы дыня была не такой сладкой.

Желтая дыня, желтая дыня
Покотись ты к нам сюда.

Пропев песню лиса и шакал приговаривали «Ну, пошли», «Пошли» разошлись в разные стороны. Следуя по своему пути шакал вдруг вспомнил о том, что его товарищем является лиса и она при удобном случае может обмануть, засомневался в ней. «Ого она ведь снова может меня навести на капкан» — подумал он. После этого, решив проверить пошла ли лиса по своему маршруту, свернул в её сторону.

Лиса заметив шакала, тут же подумала «Ах, чертёнок. Ведь он может закапризничать, говоря, что ему не хочется туда идти.

— Шакал, ты чего свернул с пути? Что тебе стало страшно?

— Да, нет, просто давеча я забыл уточнить кое-что.

— Спрашивай, сейчас я решу все твои проблемы – ответила лиса виляя хвостом.

— Тогда скажи, почему мы поменялись местами и теперь я должен первым входить в бахчу, а не ты?

— Потому что шакал, ты обладаешь сильным голосом. Я ведь могу только тявкать и скалить, разве я могу выть как ты на всю округу?

— Ай, не расстраивай меня. Ты лиса можешь быть кем угодно. Но ты не можешь выбирать лучшие дыни. Разве ты не слышала поговорку: «Лучшие дыни едят шакалы»?

Этот разговор не по душе принятлся лисе. Обычно, когда лиса расстраивалась, она распушив свой хвост поднимала его над собой и начинала им трясти. Глаза её сильно сощуривались. Мордочка удлинялась... Вдруг, она увидела над собой размахивающийся пушистый хвост. Она вспомнила о том, что всегда брала хитростью, иначе она собиралась дать отпор шакалу за то, что он только что унизил её.

— Разве я не могу отличить хорошую дыню? – спросила лиса указывая на себя, стараясь казаться спокойной, но в голосе её прозвучала обида. «Дорогой шакал, ты знай, хотя и говорят, что лучшие дыни едят шакалы, на самом деле их едят лисы. На людях те все приписывается тебе. Потому что первым на бахчу заходишь ты и начинаешь выть не своим голосом именно ты...

— Ну, скажи тогда, какие дыни бывают сладкие? – снова спросил шакал желая угадать состояние лисы.

— Конечно желтые дыни.

— Желтые, прежелтые?

— А как же?

— Ну ты даешь! – рассмеялся шакал. – Значит ты принесла бы совсем не те дыни.

— Ведь дыни чем желтее тем слаще бывают. Ай, лучше давай мы с тобой поменяемся местами. Я принесу сладкие дыни что ты ими не наешься – с этими словами шакал зажмурив глаза стал имитировать будто он ест дыню чувствуя её вкус.

— Иди отсюда, не ешь дыню возле меня и не брызгай на меня – сказала иронически лиса и тут же обратилась к нему:

— Ну-ка, тогда скажи мне, будучи на моём месте какую бы дыню ты принёс!

Сладкими бывают жёлтые дыни,
Когда они покрыты сетью.
Дыня сладкая, очень сладкая,
Если сорвана там где не ступала нога.

Припеваючи ответил шакал.

— Я ведь тебе говорила, что покрытые сетчаткой желтые дыни – сказала лиса будто стыдя шакала.

Вахарман настоящее удовольствие,

Если можешь хорошо выбирать.

Дыня сладкая, тогда сладкая,

Если можешь её тайком стащить.

— Тебе кажется очень хочется петь – сказала лиса поддерживая его.

— Ты угадала – ответил шакал как бы приглашая её спеть вместе.

— Давай тогда споем ту песню которую мы поем друг о друге.

Прищулив глаза и вытянув морду лиса запела первой.

Морда у шакала

Полна добрата

Звербь он деловой

Прямо как я

Шакал и лиса поэт вместе:

Шакал, шакал, шакал,

Ах, какой он хорош.

Потому что у шакала,

Родная бабушка тоже шакал.

Нет высоты

Для него недостижимой

И у него не может быть

Друга кроме меня.

Шакал, шакал, шакал,
Ах, какой хороший он.
Потому что у шакала,
Шакал и мама.

Он не простой зверь
Знайте вы это
Стар и млад - все
Знают его

Шакал, шакал, шакал,
Ах, какой хороший он.
Потому что у шакала,
Папа тоже шакал

— Спасибо лиса сестричка слово друг я услышал от
тебя – поблагодарил шакал. А потом сказав:

— Теперь послушай меня – вдохновенно запев.

Не смотрите, что она такая маленькая
Она много, много видала.
И волка в капка загнала она,
А сама всегда осталась невредима.

Она же Солнце как верблюда
Ведет за собой на поведи.
Она же кусок луны
Отделали от луны.

Все её уловкам
Давно потеря счет

Пустой не вернётся
Хот куда она пойдёт

Хотел отметить это
Я с самого начала
С ней никто не сравнится
Кроме нее самой.

— Теперь давай, пока мы с тобой не остыли, двинем за дынями! – Тут же обратилась лиса к шакалу.

— Пошли! Что будет то и будет! – охотно поддержал он мысль лисы. После этого, шакал справа, а лиса слева, двинулись за сладкими дынями «Вахарман».

Напевая себе под нос, шакал зашёл с правой стороны бахчи.

Охваченный пылкой страстью,
Я совершил долгий переход.
В этом поле я встретил тебя,
Здесь есть мое не мной посаженное.

Дыня украшение праздника,
Свет Луны во тьме.
Я принес сюда свою душу,
Здесь есть мое не мной посаженное.

Я не могу тебя сорвать
И заключить в свои объятия.
Шакал говорит не могу умереть
Есть у меня уздечка по имени смерть.

Видит шакал в овраге большую бахчу дынь. Посреди бахчи стоит шалаш сторожа. Сидит в нём сторож и оглядывает бахчу в бинокль. Увидев это, шакал сделал несколько шагов в бахчу и завыл, затем отпрянул назад. Заметив, что сторож взяв двустволку, направился туда откуда послышался вой, он так как договорился с лисой начал воя ступать назад.

Притаившаяся за кустом перекасти – поле лиса наблюдавшая за происходящим, видя как сторож последовал за шакалом, вошла на бахчу. В два прыжка она оказалась возле шалаша. Она знала что это место является серединой бахчи и вокруг этого шалаша должны были быть лучшее дыни. Рядом с шалашом лежала прекрасная дыня. От этой дыни тянуло прекрасным ароматом, этот запах опьянил лису. После этого не уже не видела других дынь. Лиса решила сорвать эту дыню.

Как только лиса дохнула на дыню не успев притронуться к ней, как дыня: «Трахтара-рах!» — лопнула от сладости. Лиса вздрогнув, отпрянула назад.

— Что, разве я тебя испугала – спросила дыня.

— Хотя ты сама хорошая, характер твой скверный. Ведь я к тебе не успела притронутся даже пальцами – с обидой ответила лиса.

— Уж дотронулась так дотронешься. Ведь ясно что ты пришла сюда не топтать кусты. Ну, ладно. Скажи, ведь ты испугалась когда я выстрелила? – мило спросила дыня.

— Испугалась или не испугалась не знаю, но когда ты лопнула сердечко моё дрогнуло.

Дыня обрадовалась тому, что выстрел её не прошел даром. Она громко рассмеялась.

— Смейся если тебе смеётся – сказала лиса от обиды опустив морду.

— Ты что обиделась лиса?

— А как же.

— Теперь не буду стрелять.

— Поклянись что говоришь правду.

— Честное слово. И потом я стреляю один раз в жизни. Если бы эта моя пуля не попала бы в цель, я бы очень расстроилась.

— Хорошо было бы если бы ты и в этот раз не выстрелила – сказала назидательно лиса.

— Сестричка лиса я давно мечтала с вами увидится. Я слышала ваши песни со стороны, но мечтала услышать их сидя рядом с вами. И вот сбылась моя несбыточная мечта. Вы пришли сюда сами, спойте же мне несколько песен.

— Ой, ой, о каких песнях может быть речь возле этого шалаша?

— А почему ней? Слушать песни любит и сторож. Его внук мне каждый день мне напевает песни «Ветерок», «Дудочка».

— Милая моя дыня я тебя понимаю, но ты и меня пойми. Если я не выйду в чистое поле я не могу как следует петь песни. Если ты хочешь послушать песни, следует за мной, я спою тебе сколько захочешь!

— Мне еще никогда не приходилось выходить в чистое поле и там слушать песни, сказала дыня и остановилась в нерешительности.

— Если не слушала услышишь. Развеешься. Слушать песни на чистом воздухе одно удовольствие.

— Если я пойду с тобой как бы мне потом не заблудится.

— Я даю тебе слово, что после того, как ты послушаешь песни, я тебя приведу обратно.

Потом желая придти к определенному решению,

сделал вид что не верит дыне. Хотя и понимала, что дыня говорит от всей души.

— Мне кажется, что ты не очень желаешь послушать песни?

— Ой, я действительно хочу послушать песни.

— Если ты действительно хочешь, пошли со мной.

— Ну-ка, потише лиса, дай мне посоветоваться с моим сердцем.

— Да, ну тебя милая дыня. Если ты хочешь посоветоваться с сердцем, какая разница с каким из них ты будешь советоваться. Можешь советуйся – лиса стукнув себя в грудь подставила ей своё сердце. Дыня приложила ухо к груди лисы. Умиленная лиса, начала её гладить.

— Твое сердце певец говорит «пойдём», «пойдём»!

— Раз говорит пойдем, давай пойдём. Ты не ошибешься, если прислушаешься к сердцу.

Согласившись с лисой, дыня последовала. Когда они поравнялись с шакалом, лиса попросила дыню её немного подождать.

— Ты немножко здесь постой. В шалаше остался мой бинокль. Несколько дней тому назад сторож попросил его у меня. Сторож должен быть здесь где—то.

Дыня посмотрела вокруг, но нигде не увидела сторожа. Лисе только это и надо было. Но тем не менее действия дыни немного обеспокоили лису и она сказала: — Смотри, не закричи, не надо – с этими словами она одной лапой схватила дыню, а другой закрыла ей рот.

— Ну, что тогда будем ждать?

— Долго нам придется ждать. Кроме того бинокль же мой. Иначе он, наверное, долго будет обходить бахчу. И потом, как говорится: «если вещь нужна владельцу, она

запретна для соседа». Или может быть бинокль забрать по позже, когда тебя назад приведу. А сейчас давай вместе взберёмся на возвышенность и с удовольствием посмотрим вокруг.

— Ну, если бинокль твой, то хорошо. А я хотела сказать нельзя брать чужую вещь без разрешения.

— Да, конечно же, вещь моя...

— А ну—ка, певучая лиса спой мне песню. Иначе путь долгий, идти скучно – попросила дыня пройдя некоторое расстояние.

— Правильно, верно, только ты шагай быстрее, а песни я тебе спою – поторопила дыню лиса, а сама постоянно оглядывалась назад. А дыня вместо ответа, ускорив свой шаг, пропела:

Наступаю тебе на пятки,
Но не догоню.
Руками достану,
Но никак не поймаю.

Лиса, зайдя за спину дыни, начала что—то напевать бормоча не в склад слова.

В это время, вдруг, к ним подбежал запыхавшийся шакал.

— Ха, ха, ха, чуть было не подстрелил меня негодник...

— Да, тихо же, не уважаешь гостя – сказала лиса указывая на дыню, которая шла украшая тропинку. Увидев дыню шакал широко распростёр объятья.

— Ах, моя сладкая, это разве ты, как я рад тебя видеть.

— Ой, какой этот дядя страшный – сказала дыня, и ища защиты прижалась к лисе.

— Как ты себя ведешь? – призвала лиса шакала к порядку. – Хотя он и кажется невоспитанным он хороший. Мы вдвоём с ним хорошо поём песни. Он долго меня искал наверное. Когда ему хочется петь, он всегда себя так ведёт – постаралась отвлечь от этих действий и успокоить.

— Это что еще за песни – удивленно спросил шакал, не знавший того, о чем договорились дыня с лисой и недоуменно пожал плечами.

— Ну-ка, давай преодолеем несколько возвышенностей, вот на раздолье я тебе все объясню. Эти слова она сказала стоя за спиной дыни и знаками объясняя шакалу, мы отведём туда и съедем, а сейчас не беспокой её.

— Эх, сейчас бы с удовольствием погрыз её мордочку сказал шакал, не в силах преодолеть своё желание и приблизился к дыне. Дыне не понравилось поведение шакала и она тут же опустившись, села на песок.

— Немножко отдохнув, я пойду назад.

— Ты устала? Тогда садись на мою спину! – сказала лиса, подставив ей свою спину, чтобы разрядить обстановку.

— Нет, не устала.

— Тогда что же?

— Меня страшат глаза шакала.

— Милая дыня, он видимо тебя не узнал. Когда он тебя видел в тот раз, ты была маленькой дынькой. А теперь ты превратилась в такую прекрасную дыню. На тебя любо смотреть. Зная, что добрые слова ласкают слух, стала расхваливать её на все лады.

Дыня, слушая её похвалы, сидела опустив глазки словно красна девица.

— Видимо, я выросла певица лиса!

Наблюдая за дыней, лиса поняла, что убедила её и

подготовила преодолеть путь. Чтобы ещё более закрепить свои слова, она облизываясь стала оправдывать действия шакала.

— Он, наверное, тебе не узнал. Принял за тыкву. С тыквами он всегда так разговаривает.

— Да, я принял тебя за тыкву – промямлил шакал заметив знаки лисы.

— Вот, видишь мы и объяснились – сказала лукаво лиса.

Вдруг, шакал увидел висевший на шее лисы бинокль и удивленно спросил:

— Где ты его взяла?

— Где взял, спрашивай у вора. Мой бинокль. У меня брал его дядя сторож. Словно говоря, мне все известно, шакал рассмеялся. А потом попросил у неё бинокль, чтобы в него посмотреть.

— Возьми, посмотри, между землёй и небом у меня ведь единственный друг шакал. Я не могу тебя обидеть. – Сняв с шеи бинокль она протянула его шакалу. Взяв бинокль, шакал начал рассматривать бахчу.

— Ого—о, мы ведь стоим у самого края бахчи! Вон, моя дыня, вот еще одна, я её приметил не трогайте её...

После этого шакал опять засуетился, делая движения словно он обнимает дыни. Чувствуя что шакал потеряв голову может все испортить, лисы выхватила у него бинокль.

— Хватит, выходи из бахчи, иначе ты истопчешь все кусты!

— Дядя, дай мне, я тоже хочу посмотреть – обратилась дыня к шакалу.

— На, возьми, посмотри милая дыня. Если он тебя так нравится я тебе его отдам после того, когда мы минуем несколько барханов – сказала лиса.

— В него все видно как на ладони – похвалила дыня бинокль.

— Он действительно хороший. Все показывает близко. Нас с шакалом тоже сблизил этот бинокль.

— Если я буду так смотреть, неужели он и мои желания исполнит?

— Конечно же – не задумываясь ответила лиса.

— Тогда мне сейчас хочется увидеть дядю сторожа.

— Ты сейчас о нём не вспоминай – испуганно ответила лиса.

— Про волка речь, а он тебе навстречь – недовольно проворчал шакал.

В этот момент по близости прогремел выстрел.

— Ты никак не можешь оставить своё озорство – проворчала лиса, думая что она опять выстрелила.

— Это не я – отказалась дыня.

— И не я – с удивлением пожал плечами шакал.

— Если вы ищите кто стрелял, то это я.

Когда они обернулись назад откуда послышался голос, то увидели сторожа, который стоя на равнине и перезаряжал ружьё.

— Ой! – вскрикнул шакал и прижался к земле.

Делая замысловатые движения лиса попыталась скрыться.

Не понимая что происходит вокруг, дыня осталась сидеть с раскрытым ртом.

— Ты куда собралась увильнуть – остановил лису голос сторожа, не успела сделать несколько своих финтов.

— Дядя сторож, я только вышла из дома, уложив спать сыночка. Настало время его покормить.

После слов лисы сторож громко рассмеялся.

— Лиса, будучи женщиной как ты можешь кормить ребенка?

— Ой, разве так? Как только увижу это ружьё у меня пропадает память. – Потом сняв с шеи бинокль, она льстиво протянула его сторожу.

— Дядя, вот бинокль который вы потеряли. Я сама собиралась вам принести сама.

— Дядя сторож они тебя обманывают – не выдержав в разговор вмешалась дыня и ей пришлось сказать о том, что лиса не нашла бинокль, а взяла его в шалаше, где он висел.

— Ты дочь моя не переживай. Я их очень хорошо знаю. Ты дочь моя являешься дыней и об этом не забывай, с тобой может произойти всякое. Поэтому ты всегда должна быть на своём месте – сказал сторож.

— Отныне постараюсь не ошибаться – робко прошептала дыня.

— Если слушаешь мой совет, никогда не ошибешься.

— Дядя сторож, до меня дошла одна весть, правдива ли она – обратилась угодливо лиса к сторожу.

— Ну говори слушаем!

— Если говорить, то говорят, что мы с шакалом внесены в красную книгу!

— Ах ты плутовка – вот ты о чем – и сторож рассмеялся.

— Дядя сторож, лиса поёт хорошо – вмешалась в разговор дыня.

— Я тоже – сказал шакал надеясь с лисой выпутаться из беды.

— Какую спеть Вам песню – обратилась лиса к сторожу.

— Вы хорошо поёте песню обо мне, начинайте с неё.

— Как—то неудобно – испуганно засуетилась лиса.

— Можете петь. Без меня—то вы её поёте. Разрешаю.
Переглянувшись между собой и решив петь так петь,
они запели песню.

У кого нет седой бороды,
Не завётся он дедом.
У кого нет седой бороды,
Того не ставят сторожом дынь.

Сторожем ставиться тот
У кого не два, а один глаз
Или горбун-больной,
Или безногий.

Чует сердце наше это
Везучие мы очень.
Среди начальников
Есть наш доброжелатель.
Есть свой человек.

Вместе с ними пели песню и сторож с дыней.

— Вы хорошо поете песни.

— Вы тоже дядя сторож – сказала лиса, считая, что
своевременно похвалить сторожа.

— У вас приятный голос – по своему шакал дополнил
слова лисы.

Сторож рассмеявшись, сказал:

— Я бы с вами сейчас же расправился, но на то, чтобы
с вами не расправляться есть причина.

— Вот хорошо – сказала лиса, чувствуя, что гнев
сторожа проходит. Она была этому рада.

— Если я вас уничтожу тогда сказки, которые я рассказываю своему внуку останутся без вас. Поэтому я вас отпускаю, можете уходить – сказал сторож.

— Отныне мы не будем воровать – дала слово лиса.

— До встречи дядя сторож – сказал шакал, считая что надо что—то сказать .

— Чего, чего? – Сторож снова схватился за ружьё.

— До встречи в сказке – сказала снова угодливо лиса, видя, что дело опять осложняется.

— Вот, это другое дело!

После этого лиса с шакалом удалились. Сторож с дыней тоже пошли к себе. А пустыня все это увидела воочию.

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЦЕНА РОДИНЫ

Вепа давно хотел задать один вопрос ласточкам.

И вот однажды у арыка, увидев пьющую воду ласточку, он вспомнил свой вопрос. Этот вопрос был связан с их птичьими повадками. Ласточки точно также, как и другие птицы, каждый год с приближением зимы улетали в жаркие страны. Тогда, покинув наши края, они возвращались обратно только после окончания зимы с приходом весны.

А Вепа желал, чтобы эти красивые птички были всегда рядом и никуда не улетали.

- Ласточка, почему ты каждый год улетаешь, покидая наши края? – спросил он её.

- Чтобы знать цену Родины.

- Тогда, почему же весной, еще до ее прихода, ты возвращаешься обратно?

- Чтобы знать цену Родины.

Затем ласточка, с гордостью окинув своим взором необъятные просторы, добавила: «Цена Родины познаётся особенно тогда, когда ты расстаёшься с нею и когда возвращается к ней обратно».

«А» НА ВОЗВЫШЕННОСТИ

Вдоль дороги тянутся выстроившись в ряд телеграфные столбы. Один из них, стоявший на возвышенности, своим спаренным видом напоминает букву «А». Это не могло не привлечь внимание Ага и он, заинтересовавшись подошёл поближе к «А». На самом деле этот столб точь в точь букв «А». Первый раз с буквой «А» его познакомила в детском саду воспитательница. Она привела ему в качестве примера даже то, что и имя Ага начинается с этой буквы. Сейчас «А», стоящий на возвышенности и всматривающийся в даль, своим видом напоминает ждущего кого-то.

– «А», кого ты здесь ждёшь? – поинтересовавшись спросил Ага.

– Жду своих братьев.

– Ну, и где тогда они?

– Я здесь и они тоже теперь, вот-вот должны подойти следом.

Сказав это «А», как бы вытянувшись, снова посмотрел туда, где должны появиться его братья.

Через некоторое время на горизонте куда они всматривались, показались и другие братья «А» и друзья Ага, идущие строем по буквенной дорожке.

Увидев своих друзей, идущих из далека, Ага обрадовался.

СЛОЖНАЯ ЗАДАЧА

– Увидев играющих на дворе ребят Аман вышел на улицу. У него в руках был автомат, а на голове была солдатская пилотка. Он оделся так, в связи с тем, что вечером по телевизору видел фильм про войну. Теперь Аман считал себя одним из тех храбрых бойцов, которые защитили Родину. Ему, как и им хотелось храбро громить врага и стать героем. Если найти «врага» можно будут начать эту игру. Он подошёл к другу Ага:

– Давай, поиграем в войнушки!

– Ну-ка, подойди сюда.

– Только ты будешь «враг»!

– Ну, нет, в таком случае, я не буду играть.

Затем Аман подошёл к Сары и спросил его:

– Сары, хочешь поиграем в войнушки?

– Давай, играем!

– Тогда мы с Ага будем бойцами освободителями, а ты будешь врагом.

Сары тоже не хотел быть врагом и тут же возразил:

– Что? Если так, я тоже не желаю играть.

Затем со своей просьбой Аман обратился к Ильясу и Аширу. Только и они тоже не согласились быть врагами.

Наконец один из ребят, увидев, что Аман обижается на всех обратился к нему со своим предложением:

– Давай, поиграем только врагом будешь ты!

На лице у Амана проступила лёгкая испарина. Он мог всё ожидать, но никогда не мог предположить, что врагом вдруг придётся стать самому. Только после этого он понял, что обращался к ребятам с таким трудным вопросом

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Однажды бабушка отправила Эркина за лекарствами в аптеку. Зайдя в аптеку, он протянул женщине в белом халате листок со списком лекарства. Пока женщина подбирала лекарства Эркин стал осматривать витрины аптеки. Вдруг его взгляд остановился на соске для младенцев, стоявшей на витрине. Он даже и сам не заметил как заулыбался, потому что на витрине его любимая соска. И ему сразу же вспомнились дни, когда он ходил, не расставаясь с соской.

Вспомнить это, для него было очень приятно. Ведь он до четырех лет с удовольствием сосал соской молоко из бутылки.

Вспоминая эти дни, он вдруг будь-то почувствовал, что снова тёплое молоко потекло с губ. Ему было так приятно снова встретиться с любимым другом.

Женщина в белом халате, подобрав нужные лекарства, протянула их Эркину и при этом спросила:

– А, что тебя дать на сдачу?

Эркин, немного смутившись, даже и сам не заметил как указал рукой на соску.

Да, всегда приятно встретиться с приятным.

КОЛЛЕГИ

Юсуп после занятий в школе возвращался домой по тропинке вдоль реки. Увидев стадо овец, спускавшихся к реке на водопой, он направился к чабану, который стоя на возвышенности, и упершись подбородком о пастушью палку, наблюдал за стадом пьющим воду.

Подойдя к чабану Юсуп поздоровался и обратился к нему с вопросом:

- Дядя, а вы и правду чабан?
- Да, я чабан.
- Тогда получается мы коллеги.
- Да, выходит так.
- Ведь, я как только подрасту тоже стану чабаном.
- Ну, дружище, раз так, то поскорее подрастай, вместе будем пасти стадо – сказал чабан, гордясь будущим помощником.

АГА И ДЕДУШКА МОРОЗ

- Дедушка Мороз!
- Слушаю тебя, мой сыночек.
- Прошу тебя, возьми-ка свой посох.
- Вот, взял, сыночек.
- И закинь на спину мешок с подарками.
- Вот, как сказал и мешок на спине.
- Тогда, пойдём вместе в лес!
- Да, но зачем мне нужно идти в лес?
- Я хочу тебя увидеть около ёлки. Когда ты у ёлки – она выглядит красивой.

У-у-у-у

За селом тоскливо завыл шакал: У-у-у-у.

– Эй, шакал, что ты так воешь?

– Воздух доносит до меня аромат моей любимой сладкой дыни.

– Ну, разве из-за этого воют так?

– У-у-у-у, не поверите, как я сильно хочу есть дыню.
У-у-у-у...

СМОТРИ, КОГО ОЖИДАЛИ

Приближалась к концу золотая осень. Уже два-три дня подряд в степи дул, завывая, сильный холодный ветер. Вся окрестность была в тревожном состоянии. Ветер сметал вперёд пожелтевшие листья деревьев и неустанно поднимая и кружа их в воздухе, уносил их не весть куда. Поднятые в воздух бумажные обрывки, временами отпускаясь, касались земли и вновь уносились в высоту. Всё это походило на то, что будто все стремятся уйти от погони.

Ветер с большим усердием не переставая метёт, что кажется будто он решил обратить в ровную поверхность огромную площадь земли.

Его действия были похожи на намерение подготовить посадочную площадку, для прилетающего не весть откуда огромного самолёта.

Причина такой озабоченности ветра стала ясна только в четверг. В тот самый день, проснувшись ранним утром,

люди увидели, что всё вокруг обратилось в огромное белое поле. Выпавший вечером снег был похож на громадный самолёт. Люди лишь только увидели это как, тут же, сказали: «Смотри, для чего оказывается ветер готовил посадочную площадку. Значит она была предназначена для этого громадного самолёта».

Все с большим желанием и удовольствием глядели на белоснежное поле, с виду напоминавшего огромный белый самолёт.

САМОЕ ЛУЧШЕЕ СЕЛО

Однажды Заман вместе с мамой поехал погостить к родственникам, проживающим в отдаленном селе. Село с выстроенными в ряд домами, асфальтированными улицами, которое он обошёл сразу же после приезда, ему очень понравилось. Кроме того Заман был рад тому, что здесь были именно такие места которые были ему всегда по душе, конечно же это были места, где продавались газированная вода и мороженное. Своею красотой это село было похоже на город.

В день приезда он поверил в то, село его родственников намного лучше всех остальных сёл, которое ему довелось видеть. На следующий день, во время пребывания в гостях Заман сразу же вспомнил про бабушку, которая осталась в родном селе. Затем все началось именно с того, что вспомнить отец, братья, ровесники, с которыми он проводил время за игрой, широкое место арыка, где купались и еще многое что

было связано с родным селом всплыло в памяти.

К тому же он почувствовал, что какая-то неведомая, необъяснимая сила притягивает его к селу. После чего, каждый раз вспоминая и тоскую по всему этому, его желание возвратиться поскорее в дорогое сердцу и родное село не могло даже убавить и то внимание и гостеприимное отношение как к гостю со стороны родственников и их детей.

Через неделю, когда Заман с мамой, погостив у родственников, возвращались домой, сидя в автомашине, он обрадовался как только в дали показалось родное село. Его охватило нетерпение поскорее добраться до села и сказать: «А ведь, из всех сел, ты моё село, являешься для меня самым близким и родным!»

Хотя Заман и не понимал почему, но для него было приятно сознавать, что на всём белом свете нет лучше села, чем их дорогое и родное село.

*Перевод с туркменского
Аннаберды ГОЧАМАНОВА.*

داستان صحرا

MAGYARORSZÁG

AGAGELDI ALLANAZAROV 1948-ban született paraszti családban. Pályafutását tanítóként kezdte, majd a moszkvai Gorkij Irodalmi Intézetben folytatta tanulmányait. Első prózai műve - egy kisregény - 1975-ben jelent meg. Verseket is ír. A Nap háza című, első türkmén nyelvű verseskötete 1977-ben látott napvilágot. Jelenleg a Türkmenisztán kiadó szerkesztője. A kötetünkbe felvett elbeszélésének orosz címe: Sztarik*

AZ ÖREGEMBER

Alig pitymallott, amikor Gurban-mergen kiért a faluból. Még csak keleten emelte fel szoknyája alját az éj, és a nyílt mező kissé megvilágosodott. Az öreg valameddig még az ismerős ösvényen haladt öszvérén a dombok között. Végre sikerült kiszabadulnia az álom öleléséből. Frissnek érezte magát, megigazította köpenyét, szorosabbra húzta széles övét. Idehallatszott a távolból az ébredő falu zaja: elnyújtott számárbögés, ismétlődő, hangos kutyaugatás, harsány kakasszó. Nemsokára ezt is elnyelte az öszvér patkójának csattogása.

Gurban hirtelen megérezte az ezgen illatát; a cserjéshez érkezett. Visszafogta az öszvért, s öreges lassúsággal nézett körül a félhomályban. Nagyon vágyott a sivatag után. Már régen ideköltözött volna, ha nem tartja vissza, ha nem köti le minden gondolatát, s nem fékezi szándékaiban a fehér inges, hímzett tübetejkás gyerek. Mindig így látta maga előtt a fiút, akivel olykor napokig barangolt a homokon, anélkül hogy elfáradtak volna. Mennyire várta annak idején a fiú világra jöttét! Úgy képzelte, hogy reá hagyja azt a puskát, melyet ő is az őseitől örökölt, s a gyerek majd szép lassan felcseperedik a homokban játszadozva, melyben ősei csontjai porladnak.

Az öreg néha visszagondolt, mi is nyugtalanította őt gyermekkorában, és most úgy találta, hogy a fiút is ugyanaz foglalkoztatja; ez nem kis meglepéssel töltötte el. Szinte biztosra vette, hogy a fiú ugyanazt hiszi, mint ő gyermekkorában: a sivatag azért forró, mert valaki tüzet rakott alatta.

Bár Gurban úgy tervezte, hogy az út nagyobbik részét még a forróság beállta előtt teszi meg, most mégsem sietett. Sohasem bízta magát csupán a jó szerencséjére. Ha vadászni indult, mindig figyelte az időjárást, a vadak tartózkodási helyét, számolt szokásaikkal. Máskülönben nem tartotta volna magát igazi vadásznak.

Kis ideig a felkelő napot nézte, amely óriás hajóként tört elő a köd sűrűjéből; azután újból gondolataiba merült. Mint már annyiszor, most is eszébe jutott a sivatag gazdag múltja. Szinte maga előtt látta a lejtőkön legelő hatalmas gazellacsordát. De ez már a múlté. Azóta megváltoztak a vadászat feltételei. A gyors közlekedési eszközöktől és a messze hordó fegyverektől megfélemlített gazellák lakatlan helyekre menekültek, oda, ahol viszonylag biztonságban érezhetik magukat.

Gurban-mergen jól emlékszik arra a tavaszi napra, pedig milyen régen volt, amikor először ment vadászni. Az anyja előszedte a ládából a fehér inget, amelyet ő eddig csak akkor vett fel, ha távoli faluba mentek vendégségbe. Szironybőrből készült durva cipőt húzott, s fejébe csapta apja hímzett tübetejkáját. Tizenkét éves lehetett akkor. Emlékszik, milyen telhetetlen volt némelyik vadász: egyik gazellát a másik után fogta puska végére, pedig már jó néhányat elejtettek. Eszébe jutott apja szigorú arca, amikor társait korholta: „Ez már aljasság! Végtere emberek vagytok. Megöltetek néhányat, ez bőven elég. Amit ti csináltok, az rablás. Nagy árat fizettek még ezért!”

Gurban akkor egyszer s mindenkorra megfogadta apja intelmeit, s örökre meggyűlölte a szülőföld kincseinek pazarlását. Teltek-múltak az évek, és vele is megtörtént, amiről azt tartja a közmondás: „Gyűlöli a kígyó a mentát, de az a fészkenél nő.” Gurban a háború alatt a gazella-vadász és -húsfeldolgozó brigád vezetője lett a kolhozban. Már nem is emlékszik, hányat lőttek le naponta.

Rég volt, csak a rossz emlékek maradtak meg lelkében. S mindig keserűséget érzett, ha a vadban gazdag évekről mesélt a fehér inges legénykének, aki talán egy szavát sem hiszi, mert ugyan ki tudná azt ma már bizonyítani.

Meg virradt, mire az öreg kiért a cserjésből. A táj élesen rajzolódott ki előtte, csillogott a növények szára a nap első sugaraiban. Gurban figyelmesen nézte a nedvdús fűvet az öszvér lába alatt. „Jól teleszívátok magatokat vízzel, kedveskéim” - gondolta elégedetten. Megállította az öszvért, kezéből ernyőt formált a szeme elé, s a zöldessárga homokszőnyeggel borított, hatalmas térséget kémlelte, amely most élettelen pusztaságnak látszott. Leszállt az öszvérről, és tea főzéshez látott. Teaázás közben a mezei-egereket nézte, amelyek hátsó lábukon ülve rövid, szaggatott hangon adtak jelt egymásnak. A tea túl erős volt, kilötytyintette, aztán egy száraz fűszálat cipelő gyíkra figyelt fel. Az öreghez érve a gyík egy pillanatra gyanakodva megállt, aztán szürke villámként siklott tova a fűben. Azelőtt sohasem érdekelték ezek az apró teremtmények, sőt visszataszító külsejük inkább undort keltett benne. Most az öregember arra gondolt, hogy talán utoljára jár itt, ezért minden lényhez jó és igazságos akart lenni. De kis idő múlva lehiggadt, s az előbbi érzékenyülést öregségével magyarázta.

Ha eszébe jutottak a kígyók, mindig végigfutott a hideg rajta. Kellemetlen emléke fűződött hozzájuk. Akkoriban a

badhizi vadaskert őreként dolgozott. Nyár volt. Gurban délben érkezett Odzsarliba, ebédre megette, amit magával hozott, majd kiválasztott egy terebélyes fát, az ágaira dobta köpenyét, s a jó pihenés reményében hűsölni az árnyékba heveredett. Arra ébredt, hogy valami nyomja a mellét. Kinyitja a szemét, hát látja, hogy egy foltos kígyó kúszott a mellkasára. Arról hallott már, hogy a kígyó állítólag szereti hallgatni a szívdobogást, de mégsem hitte volna, hogy ezt ő is tapasztalni fogja. Egy pillanatra megdermedt az ijedségtől. Becsukta szemét, mert félt, hogy a kígyó észreveszi tekintetét. Egész testében remegett, kiverte a hideg, tapadós verejték. A kígyónak szemlátomást nem tetszett a változás; magasra tartott fejjel kúszott el.

A rossz emlék, úgy látszik, balszerencsét hozott.

Gurban-mergen arra a helyre érkezett, ahol, szerinte, meg kellett jelenniük a gazelláknak. A hőség elérte a tetőpontját. A napsugarak fonalai keresztül-kasul varrták a földet. Gurban kihúzta nyeregtáskájából a puskát, és maga elé tette. Azután finom sugárban homokot pergetett a markából, hogy lássa a széljárást. Közben távcsövével a Gendikus csupasz lejtőit pásztázta, mert tapasztalata szerint onnan kell érkezniük a gazelláknak. Tavasszal a gazellák általában a völgyben legelnek, de tavasz végén, amikor a fű kiszárad, a meredek hegyoldalra mennek, ahol friss füvet találnak. Csak akkor ereszkednek le ismét a homokra, amikor a hegyekben már leesett a hó. Gurban arra számított, hogy amint kitisztul az idő, a gazellák az itatóhoz jönnek.

Puskáját a támasztékra tette, és fél szemét behunyva beállította az irányzékot. Ismét a gyerekekre gondolt, szinte érezte a jelenlétét, hozzá is fogott, hogy átadja neki tapasztalatait. „Nincs jobb fegyver, mint a hirli puska, csak érteni kell hozzá. S arról se feledkezz meg, fiam, Allah adja, hogy minden jól menjen, hogy te magad se ügyetlenkedj. Óvatosan bánj vele, kisfiam!”

Azt mondják, a fegyver csak az első hét évben okozhat kárt a gazdájának. Amíg az öreg hosszasan magyarázott, váratlanul, a homokbuckák mögül, ahonnan nem várta, gazella-szarvak bukkantak elő. „Biztosan a vezérállat jön elől” - villant át az agyán, és hirtelen mozdulattal ráfogta a puska csövét. A fej nem mozdult. Az öreg vadász nyugtalanodni kezdett: „Mi ez, meglátott talán, vagy kiszimatolta, hogy itt vagyok?” Nem volt türelme tovább várni. Célzott, és meghúzta a ravaszt. Fűlsiketítő dörrenés, a levegő megtelt az égett puskapor szagával. A távoli hegyoldal visszhangozta a zajt, a lövés még egyszer felhangzott, de most már csendesebben. „Menjünk, fiacskám, most magad is láthatod, hogy a célt még most se tévesztem el” - mormogta elégedetten a fiúnak, aki a képzeletében mindvégig mellette állt.

Ahogy a homokbucka mögé ért, látta, hogy tévedett, de sehogy se akart hinni a szemének. Sokáig keresgélte a homokban a vérfoltokat vagy legalábbis a paták nyomát. De hiába, a golyók alighanem az odzsar száraz gallyai között repültek el, ezt hitte ő gazellaszarvnak. Bosszúsan dobta el fegyverét, és úgy duzzogott, mint egy megbántott gyerek. Legjobban az fájt neki, hogy nem tudja megtartani, amit unokájának ígért.

És ekkor szemrehányóan fordult az előtte elterülő Karakumhoz:

- Ej, barátom, miért tetted ezt velem? Hiszen ez utóbbi tíz évben egyszer sem tévesztett célt a fegyverem. Emlékezz csak, az én vadam egyszer se menekült meg. Ma pedig nem is vagyok egyedül, az unokámmal vergődtünk ide. Kihoztam őt is, hadd ismerjen meg téged, hadd tudja meg, mi a vadászat. Veled együtt kéne megáldanunk őt, hiszen ki tudja, el tudok-e még jönni hozzád valaha az életben, s neki kell ápolnia a barátságunkat, de te mégis...

A Karakum egész életében szinte testi-lelki jó barátja volt. Fiatal korában Gurban mindig irigyelte azokat, akiknek igaz barátjuk van, pedig ő is próbált barátságot kötni nemegyszer, de unta a zajos, vidám evés-ivást, a tréfás mondásokkal fűszerezett társalgást. Aztán volt idő, amikor úgy látta, hogy a gyermeke, a hozzátartozója a legjobb barátja. De előttük mégsem önthetjük ki a szívünket. Csak később jött rá, hogy neki is van igaz, megértő, bőkezű jó barátja, ekkor azonban már harmincéves is elmúlt. A felfedezéstől szinte újjászületett, másképp látta az életet - pedig ez a barát már jóval az ő születése előtt létezett. Mert barátja nem más, mint a Karakum-sivatag.

Tekintete a mellette elhaladó teknősre tévedt, és ismét csodálkozott a természet rendjén. Tavasszal a teknősök Badhizban élnek, gyakran látta, ahogy az esőben a páncéljukat mosták, majd a friss szélben szárították. De a nyári hőség beköszöntével elköltöznek onnan. Az ideérkezésük utáni százharmin-cadik-százhatvanadik napon beköszönt a karakumi nyár. Megszólította a teknőst, habár inkább önmagával beszélgetett:

- Mi van, teknős, tán a sivatagtól búcsúzol? Ha igaz, hogy olyan szép kort megértetek, te kétszázötven évesen se látszol öregnek. Biztos már az apámat is láttad gyerekkorában, no, valld csak be nyugodtan. Jól van, öreg, csak tréfálok, sok-sok tavaszt érj meg!

A teknős válaszul a nyakát ráncolta, és fejét a páncélja alá húzta. Az öregember felállt, levette az öszvérről a hurdsunt, és a forráshoz ment, melyet a környékbeliek Fügés-forrásnak neveztek. Vize a völgyteknőbe futott, s partján kicsiny fügefafa nőtt. A helybeli pásztorok rendszerint innen visznek ivóvizet. Télen és tavasszal néptelen a forrás környéke, mivel akkor a völgyekben megmarad a víz, s a gazellák néhány hónapig nem járnak ide.

Gurban kiöblítette a tuncsát, vizet vett, tüzet rakott, és megteázott. Amikor ki akarta venni a hurd-zsunból a kenyeret, keze sima, hideg tárgyba ütközött. Lám, egy kourma aludt tej is van nála, ettől mindjárt jobb kedvre derült. „Úgy látszik, megérezte az asszony, hogy ma semmit sem lövök, s bepakolt.” Mindig elérzékenyült, ha közös emlékeikre gondolt.

Már a házasságkötésük napján elhatározta, hogy megmutatja a menyecskének a sivatagot, csak hogy nemigen volt rá alkalom, hogy kettesben eljöjjenek hazulról, feszélyezte magát az öregek miatt. De mindennek eljön az ideje. Egyszer az anyja ráparancsolt, hogy vigye el a feleségét látogatóba a szüleihez, a szomszéd faluba. Gurban kapva kapott az alkalmon, s bejelentette, hogy onnan meg vadászni megy. Végül útnak indultak. Ujjongott magában, tréfálni, nevetni volt kedve, de komolynak kellett mutatkoznia, mert a faluban sokat adtak a külsőségekre, ezért nemcsak hogy nem nézett a feleségére, hanem előrelovagolt, s az asszony csak messziről követte. Mikor már távolabb kerültek a falutól és elhagytak néhány homokbuckát, rákanyarodtak a dombok felé vezető ösvényre. Kisvártatva megállította a lovát, s megvárta az asszonyt, aki nyugtalanul kérdezte: „Mi ütött beléd, ifjú uram, tán elment az eszed? Még meglát valaki!” De Gurban mit sem törődött vele. A korlátlan szabadság, fiatal felesége szinte megrészegítette. Megbéklyózta a felesége szamarát, kicsapta legelni. „Tudod, mit énekelt ilyenkor öregapám öreganyámnak? - kérdezte. - »Asz-szonykám, lelkecském...«, no én meg azt mondom neked, pattanj mellém a nyeregbe, leikecském!” Azzal nyergébe emelte, maga elé ültette a menyecskét, sebes vágtára fogta a lovát; úgy érezte, szinte repülnek.

Azt a felhőtlen boldogságot, amit akkor érzett, azóta sem felejtette. Ma is látja a tavaszi virágok között lépdelő fiatalasszonyt, ma is előtte van, ahogy ettek, szorosan egymás mellett ültek, s

csillogó szemmel nézték egymást. Aztán megfürödtek a forrás vizében. Gyorsan peregetek az emlékképek, ső egyre csak a fejét ingatta.

Ahogy a nap delelőre hágott, minden megélnékült körülötte. Kisebb-nagyobb rovarok, szénfekete hátú bogarak menekültek az árnyékba - az üregekbe vagy a kiszáradt kórók tövébe - a nap heve elől. Amikor pedig a nap már lejjebb gördült az égen, megnyúltak az árnyékok, könnyebb lett a lélegzés is, minden élőlény előmerészkedett búvóhelyéről, s az élet ment tovább a maga útján. A sivatag lakói közül talán csak a rabló bögölyt nem zavarta a hőség, ő mindvégig büntetlenül zaklatta a badhizi kulan-nyáját.

Aztán száraz köd szállt a sivatag fölé, s Gurban azt hitte, hogy az ő szeme homályosuk el. Egyelőre a forrás közelében maradt. Szunyókált egy kicsit, majd az öreg puskával bajlódott: szétszedte, tisztogatta. És csak akkor ment tovább, amikor már kissé hűvösebb lett. Ment valameddig, majd ismét elővette a puskáját, maga elé tette a nyeregbe, s úgy folytatta útját, meg-megállt, s figyelt, mintha a fű suttogását hallgatná. Tudta, hogy ez a hely fácánban gazdag. De ezúttal elmaradtak a fácánok, mintha a föld nyelte volna el őket, pedig máskor mindig az öszvér lába alól röppennek fel, megijesztve az állatot. Az igazi vadász, ha csak nem szenved szükséget, nem is tartja méltó vadnak a fácánt, tréfásan úgy szokták mondani: „A türkmén embert csak a nagyvad érdekli.” Rendszerint ő is csak gazellára vadászott.

De most mindenáron vadászszákmányt akart mutatni az őt követő fehér inges fiúnak. Áldását akarta adni rá, hogy folytassa az ő mesterségét, így ő is nyugodt lélekkel mond búcsút a vadászéletnek. „Vagy lehet, hogy ma nincs jó vadásznapiom? - töprengett bánatosan az öreg. - De nem, amióta világ a világ, a szerda minden vállalkozásomhoz szerencsét hozott.”

De bárhogy igyekezett meggyőzni magát, hogy van még remény, a kedve már nem a régi, s amikor néhány fácán tűnt fel a távolban, az öreg már ügyet sem vetett rájuk, nem ébresztették fel benne a vadászszenvélyt. Görnyedten, mogorván ment tovább, semmi kedve sem volt zsákmány után nézni.

Estére kelve szél kerekedett, s poshadt mocsárszagot hozott a távolból. Valahol bagoly huhogott. Gurban a szakszaul-cserjéshez ért. Az alacsony, ritkás ágú törzsek tönkökre hasonlítottak. Pedig volt idő, amikor a cserjés a fiatal feleségét juttatta eszébe, s olyankor mielőbb otthon akart lenni.

Kikötötte az öszvért, teát főzött, és megvacsorázott. A fény szinte a környék minden muslincáját, gyíkját ide csalogatta. Zöld tűz égett a lángot der-medten bámuló, megbűvölt gyíkok szemében. Kiitta teáját, majd homokot szórt a tűzre, eloltotta, hiszen a fény másféle sivataglakót is ide csábítana. Azzal a szilárd elhatározással dőlt le, hogy alszik egyet, de nem sokáig aludt. A szél elült, s a cserjésben fűledt meleg lett. A bagoly a közelben huhogott, ettől minden álom elszállt a szeméből. Ismerte a baglyokat, tudta, hogy ez sem hagyja abba egész éjjel. Minden madarat felver, és ezek majd kábultan nézik őt a sötétben, s a bagoly csak virradatkor tűnik el a madarak köréből.

Gurban egy ideig álmatlanul feküdt, a csillagokat bámulta, majd felült, és megdörzsölte hasgatódzó lábát. Úgy gondolta, hogy valahol szellősebb helyet keres magának. Talált is egy tágas, fehérő helyet a sötétben, gondolta, gyűjt egy kis száraz kórót, tüzet rak, s egy jó teával elűzi a kibírhatatlan fáradtságot. Nagy keservesen lekászálódott az öszvérről; érezte, hogy ereje elhagyja.

Egykedvűen, szinte gépiesen evett, majd kortyolt egyet a bádogkulacs meleg vizéből, csak éppen hogy a száját megnedvesítse. Lefeküdt, és azonnal elnyomta az álom.

„A rossznál is van még rosszabb”, tartja a közmondás.

Álmában egy meztelen nő közeledett felé, letérdelt előtte, majd így szólt hozzá: „Nem ismeresz, Gurban? A feleséged vagyok.” A nő felkacagott, karját ölelésre tárta; nem volt se szemöldöke, se szempillája, hatalmas, üres szemgödre furcsán fehérlett ...

Az öregember megrázkódott, és felébredt. Örült, hogy csak álmodott, és babonásan mormolta: „Allah, ments meg a gonosztól!” Felült, nem merte lehunyni a szemét, mert attól félt, hogy álma visz-szatér.

Amikor az ételért nyúlt, s véletlenül megpillantotta fegyverét, nyomban elment a kedve az evéstől. Csak most vette észre, hogy a Sós-lápnál van. „Hát ezt is megértem, hogy a sóra feküdtem aludni” -sóhajtott fel. A só már belepte fegyverét, s neki eszébe jutott a mondás: „Ami sóba kerül, nem menekül.”

Fájdalmasan felkiáltott:

- De hiszen tovább kell adnom a puskát az unokámnak! - és a sóba merülő fegyver után kapott.

Ám a karja reménytelenül lehanyatlott. Rádöbbsent, hogy nincs is semmiféle fehér inges unokája, hogy a menyé utoljára is leánygyermeket szült. Szeme elhomályosult, fogát csikorgatta keservében. Kisvártatva szédelegve felállt, s köpenye zsebében kotorászott. Az utolsó, súlyos, kerek töltények kop-panva szóródtak szét a sós földön.

Szakály Teréz fordítása
A, FEHE DA MSZARVAS 1980

EESTI

ÄGAGELDO ALLANAZAROV on sündinud 1948 aastal, töötanud õpetajana ja lõpetanud Gorkinimelise Kirjandusinstituudi. Turkmeeni keeles on temalt ilmunud neli jutukogumikku, ta on Kirjanike Liidu liige. Tema töid on tõlgitud vene, ukraina, ungari, kirgiisi ja tatari keelde.

VANAMEES

Kui Kurban-mergen oma muula seljas külast välja sõitis, polnud veel koitmagi hakanud. Ainult idast kergitas öö veidi katet ja taevas muutus altpoolt heledamaks. Sõitnud veel natuke maad tuttavat teerada pidi, tundis mergen end juba ärksamana. Ta kohendas halatti ning tõmbas vöö rohkem pingule.

Üha kaugemale jäid ärkava küla hääled: eesli veniv röökimine, koerte lajatang haukumine. kukkede kõlavad kikerikiid...

Ja juba oligi kuulda üksnes muula kapjade klöbinat.

Ninna tungiva lõhna järgi võis isegi tihedas hämaruses kindlaks teha, et on jõutud koirohupadriku juurde. Kurban pidas muula kinni ja vaalas ümbrust pikkamööda, nagu elatanud inimesele kohane. Nüüd mõistis ta täieli-kult, kuidas oli kõrbe järele igatsust tundnud.

Ta oleks ammu siia tulnud, kui teda poleks tagasi hoidnud valge särki ja tikitud tübeteikaga poiss, kes oli hõivanud kõik ta mõtted ja kavatsused. Vanake kujutles teda alati sellisena. Mõnikord kõndis poiss koos temaga päevade kaupa väsimatult mööda liivavälja ...

Mergen oli selle poisi ilma-letulekui kaua oodanud. Tema

arusaamise järgi pidi poiss kasvama keset liiva, kuhu olid maetud ta esivanemate luud.

Vanamees meenutas endamisi, et teda ja poissi erutasid ikka ühised mõtted ja mured, ja see tegi talle rõõmu. Ta ei kahelnud ka praegu, et poiss mõtleb samuti nagu tema ise lapsepõlves — et kõrbeliiva all teeb keegi tohutu suurt lõket ja just sellest kõrb nii kuum ongi.

Ehkki mergen oli tahtnud suurema osa teed läbida varakult, enne leitsakut, ei kiirustanud ta sellele kainele kaalutlusele vaatamata proegu millegipärast sugugi. Ta ei läinud kunagi jahile lihtsalt hea õnne peale lootes. Ei, jahile asutades jälgis ta alati ilmamärke, uuris välja, kuskandis asusid pauiasti loomad, keda ta küttida tahtis. ja võttis alles siis teekonna ette. Tõeline jahimees pidi tema meelest talitama nimelt niiviisi.

Mõtlikult vaatas vanamees, kuidas tärkav päev nagu hii-gellaev lahkuva hommikuhämarase varjust välja sõudis. Talle meenus selle kõrbe küllane minevik — hiiglasuured džeiraanikarjad künka lõtvadel.

Praegu ei saanud enam niiviisi küttida nagu vanasti: tulirelvadest ja mootorünürinast kehatatud loomad olid

Siit põgenenud paikadesse, kuhu inimjalg polnud veel astunud: seal tundsid nad end suhteliselt ohutult.

...Palju aastaid oli möödunud, ent Kurban-mergen mäletas hästi seda sügispäeva, mil ta esimest korda jahile läks. Ta oli umbes kaheteist-kümneaastane jõmpsikas. Ema võttis kirstust välja valge särgi, mida ta pojale varem ainult pühade puhul oli selga andnud. Jalga pani Kurban tšokaid ja pähe isa tübeteika. Mõned jahimehed võtsid džeiraanikarja endale otsekui märklauaks, muudkui tulistasid, aga eemalt liivalt paistis juba mitu tapetud džeiraani. Kurbanile meenus isa karm nägu, kui ta jahimehi noomis: «Mis sigadus see siis on! Te olete ometi inimesed, no

lasite paar looma maha, ja piisab üheks korraks... See on juba rööv jaht!.. Aga looduses on kõik arvel.»

Sellest peale hakkas Kurban kogu südamest vihkama neid, kes oma kodumaa heldust nii hoolimatult kuritarvitasid. Aga möödusid aastad, ja tal tuli toimida oma tõekspidamiste vastu. Sõja ajal määrati Kurban kolhoosi jahimeeste brigaadi etteotsa. Ta isegi ei mäletanud, kui palju džeiraane ta siis päevas maha lasi. Mattis tapetud looma liiva alla, et kärbsed ligi ei pääseks, ja kiirustas järgmist tabama...

Kuigi see kõik oli ammu üle elatud, oli see aeg jätnud hinge sügava jälje. Oli valus mõelda, et kui ta nüüd jutustab valge särgiga poisile neist heldetest aegadest, mil kõrb oli loomi täis, siis poiss võib-olla ei usugi teda, ent oma juttu tõestada pole sugugi lihtne...

Kui vanamees padrikust välja ratsutas, oli juba päris valge. Põõsad löid esimestes päikesekiirtes läikima nagu äsja sündinud vasika puh- takslakutud selg.

Vaadates tihedat rohtu muula jalgade all, arutles mergen, et niiskust on sel aastal nähtavasti olnud küllaldaselt. Jõid isu täis, kullake,» mõtles ta rahuldusega. Muula kinni pidanud, vaatas ta kätt päikesevarjuks tõstes kõrbe poole. Rohekas-koilane liivakõrb, näiliselt päris elutu, ulatus siit kuni Hindukuši mägedeni välja.

Vanamees ronis muula seljast maha, tegi hagudest lõkke üles ja keetis vett. Lõhnavat teed juues jälgis ta loomi, kes tagajalgadel istudes vilistasid. Tundes, et kangest teest hakkab süda liialt tugevasti lööma, läigatas mergen ülejäänud joogi liivale. Möpdakiirustav sisalik tardus ohtu aimates hetkeks puigale ning kadus siis välkkiirelt rohtu.

Varem polnud need väikesed olendid kunagi mergeni tähelepanu köitnud, pigem peletasid oma näotu välimusega eemale. Ent praegu, kui vanamees oli tulnud viimast korda kõrbega kohtuma, tahtis ta olla õiglane ja tähelepanelik kõige vastu, mis

siin oli. Tema tavaline külmavere-lisus ja enesevalitsemine tulid tagasi.

Vanamees mõtles ka madu→dele. ja kohe tajus ta jahe→dust, mis hoovas sellest» nast ja sellega seotud mälef, tusest. Ta töötas tookord Badhōzi looduskaitsealal. Ühei palaval päeval sõitis Kurban mergen Odžarlisse. Lõuna paiku päralt jõudnud, võtt ta einet ja otsis siis põõsas te all sobiva koha puhkus Ta viskas veel halatigi okst le, et varjulisem oleks, nin, sirutas siis end pikali kii la kavatsusega pärast tublit tööd hästi puhata. Kurban är kas arusaamatust raskustundest. Ta avas silmad ja nägi oma rinnal, otse südame vastas suurt kerratõmbunud madu. Selliselt keras olles meenutas madu kirjut vaagnat. Kurban oli kuulnud, et maod armastavad inimese südant kuulata, kuid polnud kunagi arvanud, et selline lugu võiks juhtuda temaga. Ta tardus ja sulges silmad, kartes, et madu võib märgata ta pilku. Ometi ei suutnud ta kergelt värinat tagasi hoida ja tundis samal ajal, kuidas keha kattus kleepja higiga. Madu arvatavasti tajus seda samuti, meelepärane paik muutus talle ebameeldivaks. Ta sirutas pea välja ja libistas end Kurbani rinnalt maha, kirju kera hargnes lahti ning lookles ji väikese mao pea järel minema . . .

Näis, et see paha mälesttq kuulutas tänaseks ebaõnne.

Kurban-mergen oli just selles kohas, kuhu tema arves tuse järgi pidid tulema džeiraanid. Nüüd kõrvetas päike juba täies väes. Mergen võt tis paunast püssi ja pan enda kõrvale, siis kahmas maast peotäie liiva ja poetas seda peenes joas sõrmede vaheit välja, et tuule suunda kindlaks teha. Ta vaatas läbi pikksilma teraselt mäeaheliku lagedaid nõlvu — sealt-kaudu pidid mägedest tulevad džeiraanid alla laskuma.

Kevaditi olid džeiraanid tavaliselt orus söömas, kuid suve poole, kui rohi hakkas juba kuivama, siirdusid nad mäenõlvadele, kus maa veel rohetas. Kõrbesse tagasi pöördusid loomad alles siis,

kui mägedes juba lumi maha tuli. Mergen lootis et džeiraanid lähevad siitkaudu joo-gikohta.

Ta tõestas püssi ja hakkas, üks silm kinni, sihikut sättima. Ja taas ilmutas end talle valge särgiga poiss. Mergen tundis nii selgesti poisi kohalolekut. et hakkas talle oma jahikogemusi jagama: «Kai oskad hõrlõga õigesti ümber käia, siis sellest paremat püssi ei olegi, pojake. Annaks muidugi jumal, et kõik oleks, aga ära sa ise ka hooletuks mine. Nii et ära, pojake, unusta: ole ettevaatlik!...»

Ootamatult ilmusid kõrvalt barhaanide tagant nähtavale džeiraani sarveotsad. tavasti on see juht,» mõtles mergen ja keeras täpse, mõõdetud liigutusega püssiotsa sinnapoole. Kuid sarved jäid tardunult paigale. Jahimees muutus rahutuks: «Mis see siis on, eas ta nägi mind või tundis kahtlast lõhna?»

Tal ei jätkunud kannatust, ta sihtis pool sokit sarvedest allapoole vajutas päästikule. Püss paukus kõrvulukustavalt ja õhku tõusis kõrbenud püssirohu lõhna.. Paugu kaja kandus kaugele mägede poole. Ta tulistas veel kord. «Lähme, pojake, vaata oma silmaga, kui täpselt ma märki tabasin. kui õigesti sihtisin,» ütles ta nüüd valge särgiga poisile. kes oleks nagu ikka ta kõrval olnud. Ta ei kahelnud, et poiss oli kogu selle aja tõesti siin lamanud, jälgides ta tegevusi ja õppides jahitarkusi.

Lähemale minnes mergen, et oli eksinud, agc ei tahtnud seda kuidagi uskuda. Ta silmitses maapinda, otsides liivaltlaike või vähemalt sõrajälgi. kuid selgus, et kuulid olid lennanud kuivanud põõsaste vahele, mille oksi ta oli džeiraani sarvedeks pidanud. Südametäiega viskas ta püssi käest ja istus maha, nagu mossis nagu solvunud lapsel. Kõige enam pahandas teda see, et ta oli valge särgiga poisi ees tühja hoobelnud.

Ja siis pöördus ta etteheitega ääretu Karakumi poole:

«Oi, sõbrake, mis sa tegid?! I iirnase kümne aasta jooksul

pole mu kuul kordagi märgist mööda lennanud. Tuleta meelde, kordagi pole saak minu käest minema pääsenud. Ja täna pole ma pealegi üksi — näed. tulin koos pojapojaga. Tõin ta siia sinuga tutvust looma. Tahtsin, et ta jahist osa saaks ja et me sinuga koos teda õnnistaksime... Vaevalt ma enam kunagi sinu juurde pääsen... Mõtlesin, et las ta jätkab sinu ja minu sõprust, aga sina...»

Kogu pika elu jooksul polnud mergen leidnud lähedast sõpra, ehkki külalisi vastu võtta ja võõrustada ta oskas. Nooruses oli ta tihti kadestanud neid, keda ümbritsesid head sõbrad. Ta proovis korduvalt kellegagi sõbraks saada, ent lärmakad, lõbusad koosviibimised oma tühisusega, mõttetute naljade ning teravmeelsustega tüütasid teda. Hiljem veenis ta ennast, et parimad sõbrad on oma pere ja lapsed. Ainult et neile ei saa südant puistata.

Seda, et tal siiski sõber on — truu, kõikemõistev, lahke ja hea — mõistis ta hiljem, kui oli juba üle kolmekümne. See avastus andis talle uut hingejõudu ja ta hakkas elule rõõmsama pilguga vaatama. Mis sellest, et too sõber oli olemas juba ammu enne tema ilmaletulekut.

Selleks sõbraks oli Karakumi kõrb . . .

Mergeni tähelepanu köitis möödaroomav kilpkonn. Keva-diti elasid kilpkonnad Bad-hōzis; ta oli tihti näinud neid vihma käes oma kilpe pesemas ja tuule käes kuivatumas. Kuid suvekuumuse tulekul kolisid kilpkonnad mujale.

Ta kummardus kilpkonna poole:

«Noli, kallis kaasmaalane, kas sinagi jätab kõrbega hüvasti? ... Vaata, kuidas tahad, aga kaht ja poolt sajandit — olen kuulnud, et nii vanaks te elate — annaks sulle välimuse järgi kuidagi. Küllap oled sa mu isagi näinud, kui ta veel poisike oli. tunnista aga üles! Noh. ma teen nalja, kulla vanamoor, sul on muidugi veel palju kevadeid ees...»

Vastuseks tõmbas kilpkonn kaela kipra ja peitis pea kilbi alla. Vanamees ajas end sirgu. võttis muula seljast veenõu ja läks allika juurde. Seda lätet mägede ja kinkude vahel kutsuti Viigimarja allikaks, ta meenutas looduse enda tehtud suurt kaussi. Vesi täitis kausi, kerkis üle ääre ja voolas lisse nõkku. Oja kallastel kasvasid madalad viigipuud.

Siinsed karjused võtsid joogivee tavaliselt siitsamast, ainult talvel ja kevadel oli Viigimarja allika juures vaikne. Sel ajal oli nõgudes küllaldaselt vett ja ka džeiraanid ei tulnud siia mitu kuud.

Mergen loputas veenõu puhtaks, võttis vett, tegi lõkke üles ja hakkas teed jooma. Kui ta oma käe märssi pambu järele torkas, puutus see vastu klaaspurki. Kurgis oli kourmn. Vanamees muutus tusaseks: «Tnaine aimas juba kodus, et mul jaht seekord luhta läheb.» Naisele mõtlemine aga tegi ta meeleolu jälle leebemaks ja pahameel kadus iseenesest.

...Varsti pärast pulmi oli ta tahtnud naisele oma kõrbet näidata, kuid häbenes isa ja ema ees naisega ilma põhjuseta kahekesi välja minna. Ent varsti lahenes see mure õige lihtsalt. Naine pidi minema naaberkülasse vanemaid vaatama ja Kurbanil tuli teda saata. Kurban, kes oli säärast juhust just oodanudki, ütles, et sõidab siis naaberkülast otse jahile. Nad asusid naisega teele. Mõttes ta juubeldas, tahtis nalja heita ja naerda, ent külavahel pidi säilitama tõsiduse ja soliidsuse ning seetõttu ei vaadanud ta naise poolegi, vaid sõitis oma hobusega temast koguni kaugel eespool.

Kui nad olid külast välja jõudnud ja ületanud kaks kõrget barhaani, keeras Kurban jalgrajale. mis viis küngaste poole.

Varsti peatas ta ratsu. Teda ei kõigutanud naise keelitused ja sõnad: oled või, äkki keegi näeb?» — praegu oli ta iseenda peremees, ta oli joobunud vabadustundest ja oma noore naise lähedusest. Ta kammitses naise eesli ja laskis looma värsketele

rohule sööma.

«Arvatavasti ütles mu taat vanaemale sellisel silmapilgul: «Kallis naisuke!» jaminagi ütlen sulle: «Istu minu hobusele, kallis naisuke!» Ning tõstnud naise enda ette sadulasse, kihutas ta tuhatnelja kõrbesse, nautides võrratut lennutunnet.

See päev jäi talle alatiseks meelde... Nende helge õnne päev. Ta imetles oma noort naist, kes kõndis erksavärvi-liste kevadlilledel keskel... Siis istusid nad rohule, et einestada. Istusid, põlved vastamisi, ja vaatasid teineteist säravate silmadega, unustades kõik muu maailmas. Pärast aga suplesid Viigimarja allikas ja ta kiigutas oma naist lainetel, peenikesi ja tõmmut. . . Üksteise järel vilksatasid need hetked vanamehe mälus ja ta vangutas neid meenutades pead...

Päike kõrvetas üha tulisemalt ning kõikvõimalikud sitikad ja mardikad pugesisid pakku — otsisid urgudes või kuivanud rohu varjus kohta, kus keskpäevane leitsak mööda saata. Kui aga päike madalamale laskus, varjud pikenesid ja hingamine kergemaks muutus, täks elu jälle edasi. Parmud olid kõrbeasukatest ainsad, kellele kuumus midagi ei lugenud, karistust kartmata jälitasid nad Badhōzi kulaanide karja.

Mergen ei lahkunud allika juurest enne, kui kuumus järele andis. Vanake tukastas veidi, siis korjas oma püssi üles ja puhastas ära.

Veidi maad sõitnud, võttis vanamees püssi uuesti välja ja seadis selle risti enda ette sadulale. Ta peatas koguni muula ja kuulatas. Ta teadis, et selles kohas on palju faasaneid. Kuid täna ei näidanud faasanid, kes mõnikord olid lausa eesli jalge alt lendu tõusnud, end kordagi, olid otsekui maa alla vajunud. Varem polnud jahimees neid mingiks saagiks pidanud: «Mulle, turkmeenile, on ikka midagi toekamat vaja,» oli ta mõelnud ja

tavaliselt ainult džeiraane küttnud.

Praegu aga tahtis ta valge särgiga poisile, kes ta järel tuli, kas või mingisugustki saaki näidata. Ta oli ju kavatsenud seekord poissi õnnistada vanaisu jahimehe-teed jätkama. Pärast seda võiks ta ise küttimise rahuliku südamega järele jätta. «Ehk on täna lihtsalt halb päev?» mõtles vanamees nukralt. «Ei, iidsetest aegadest peale peetakse kolmapäeva jahimehele edukaks ja õnnelikuks päevaks.»

Ta püüdis end küll igati innustada jahti jätkama, kuid tuhin oli juba üle läinud ja need mõned faasanid, kes kaugelt teda ära jooksid, ei suutnud hasarti enam uuesti äratada. Ja ta ratsutas edasi, küürus ning tusane, hoides kätt nüüd juba tarbetul püssil.

Õhtuks hakkas puhuma nõrk tuul. Aeg-ajalt kuuldus kaugusest öökulli huikeid. Lõpuks jõudis vanamees sak-sauulitihnikuni. Kunagi oli aeg, mil need puud tõid talle meelde ta noore naise, ja see mõte oli teda sundinud kiiremini koju tõttama. . .

Mergen sidus muula kinni ja keetis vett. Tegi ülejäänud kourmast puljongit. Lökke-tulinäis olevat kohale meelitanud kõik siitkandi kihula-sed; tardunult vahtisid lõket sisalikud — näis, nagu kavatseksid nad tulle viskuda. Teine, rohelise leegiga lõke hõõgus vastu tont teab kustkohast siia roomanud zeni silmadest.

Teejoomise lõpetanud, puistas vanamees lõkkeaseme liivaga üle: tule peale võinuks kohale ilmuda ka teistsorti kõrbeelukaid. Tulel oli nende jaoks eriline võlu, seda la teadis.

Mergen heitis pikali kindla kavatsusega uinuda, ent ei maganud kuigi kaua. Tuul oli vahepeal vaibunud ja sauulitihnikus hakkas lämbe.

Siinsamas, peaaegu ta pea kohal, seadis end sisse öökull ja peletas oma huigetega vanamehe une lõplikult, öökulli kombeid mergen teadis: seda huhuutamist jätkub nüüd kauaks, hommikuni

välja, öökulli vaibumatuist hüüdeist ärkasid kõik ümberkaudsed linnud ja hakkasid talle vastu laulma, ilmselt võlutud tema silmade hiilgusest.

Vanamees lebas veel natuke aega, vaadates tähistaevasse, tõusis siis istukile ja hõõrus oma pakitsevaid jalgu. Seejärel mõtles, et läheb otsib endale õhurikkama paiga. Alles südaööl leidis ta lõpuks avara, pimedas heledamana paistva platsi. Ta tahtis lesüütamiseks hagu korjata, et kange teega väsimust peletada, ent muula seljast maha ronides tundis, et ei suuda enam midagi teha. heitiski ta teed joomata magama.

Unes tuli ta juurde alasti naine ja laskus tema ette põlvili: «Sa ei tunne mind ära, Kurban? Ma olen ju sinu naine.» Naine puhkes naerma ja ajas embuseks käed laiali, tal ei olnud kulme ega ripsmeid, üksnes ta suured tühjad silmakoopad helendasid...

Vanamees võ ärkas. Rõõmuga taibanud, et see oli ainult uni, pomises ta ebausklikult: «Jumal, kaitse õnnetuse eest!» ja jäi lahtisi silmi istuma, kartes, et muidu võib unenägu tagasi tulla.

Kogemata langes vanamehe pilk püssile, mis oli veidi eemale lebama jäänud, ja ta sai alles nüüd aru, et oli sattunud Soolasohu ning istub ise praegu mingil mättal.

«Mis minuga küll on, heitsin soola peale magama!»

Püss oli juba peaaegu üleni soola sisse vajunud. «Soolasse sattunud muutuvad soolaks,» meenus talle.

«Ma pean ju püssi pojapojale andma!» Vanamees kavatses juba püssi poole küünitada, et seda soola seest välja kiskuda.

Aga siis langes ta käsi rüppe tagasi, ta mõtles ühtainsat selget mõtet: mingit valge särgiga pojapoega tal ei ole. Minia oli ka seekord sünnitanud tütre.

Ta tõusis vaarudes püsti, torkas käe halati taskusse... Ja tema viimased padrunid pudenesid soola peale laiali.

Журнал «Норус». Август 1981г.

ТОҶИКИСТОН

ОЙИНИ БИЁБОН

(Новелла)

Эскадрони сахт кӯфташудаю нимааш аз байн рафта аз маркази Қарақум бармегашт. Муҳорибаи охирин хеле бераҳмона буд. Ҳатто ба ҷанги тан ба тан расиданд. Вале охирин босмачиён ба зарби шамшери аскарони мо тоб наоварда, ҷониби рег-зор фирор намуданд. Ин ғалаба, албатта, ба осонӣ ба даст наомад, сӣ нафар аскарони сурх ба ҳалокат расиданд. Баробари ба қисм баргаштан қумондони эскадрон фармон дод, ки Семён Платонов ба ҳабс гирифта шавад. Лекин ба пурсиш шурӯъ накарл зеро монда шуда буд, ҳуди маҳбус низ базӯр дар пояш рост меистод.

Платоновро ба хоначаи торике, ки шафати са-исхона қарор дошт, бурда, дар ба рӯяш маҳкам кар-данд. Қулфи калон овезон шуд.

Қумондон ба ин қарор танҳо баъди муҳорибаи Қарақум, ҳангоме ки чанд сарбоз арз кард, Платонов баъди задухӯрд бо дасти ҳудаш як босмачии ҳалокшударо ба хок супурд, омад.

- Ҳатто, рафиқ қумондон, - арз кард як сарбоз, - вай ашк рехт.

- Платонов гиря кард? - бовараш наомад.

- Ман ашки чашмонашро дидам.

Семён Платонов муқобилият нишон надод, хомӯшона яроқашро супорида ба сарой омад. Гарамии бедаи тағи пояшро густурда дастонашро тағи сар кард. Ба димоғаш бӯи алафҳои хушк расид. Мондаю шалпар, ки буд, даррав хобаш бурд. Хобкунон андешид, пагоҳ албатта ҳамаашро ба қумондон меғӯяд, мефаҳмад...

Дар Марв чамъомади фаврии ҳайати роҳбарон доир гаипу дар он масъалаи роҳҳои мубориза бо гурӯҳи навбаромади ғоратгар муҳокима шуд. Аз рӯи овозаҳо ин як қисми боқимондаи тӯдаи Ҷунайд буд ва гурӯҳ сар то по мусаллаҳ.

Онҳо баъди шикасти Ҷунайдхон пароканда гашта, дар атроф бедодгарӣ доштанд. Акнун дастаҳои боқимондаи босмачиён сарҳадро убур карда фирор доштанд.

Дар чамъомад қайд шуд, ки тӯдаи босмачиён пеш аз фирор ба хориҷа аҳолии назди сарҳадро аз қафои худ бурда истодаанд. Амр шуд, ки минбаъд ҷоҳҳои обӣ, ки аз шафати онҳо босмачиён мегуза-ранд, зери назорати қатъӣ гирифта шаванд. Вақте ки гурӯҳи Семён Платонов баъди дурӯза роҳ ба ҷоҳи оби Чилқиркулон расид, нисфирӯзӣ буд.

Атроф хомӯш ба чашм расид, гармсел мевазид. Дар биёбон хорбуттаҳо аҳён-аҳён алвонҷ меҳӯрд. Баъди роҳи дурудароз сарбозон монда шуда, базӯр чашм мекушоданд. Сарбозон аввал об захира кар-да, баъд аспҳоро об доданд. Сипас дуртар аз ҷоҳ паногоҳе ёфтанд, ки атрофро хуб назорат карда мешуд. Сарбозон паноҳгоҳро бо хорбуттаҳо пӯшонда, аспҳоро ба қафои хомаи рег бурданд.

Аз рӯи гуфтаи роҳбалад дар ин атроф дигар ҷоҳи оби нӯшиданӣ нест. Хоҳу ноҳоҳ дастаҳои ғоратгар аз ин ҷо хоҳанд гузашт. Мавзеъ васеи ҳамвор буд. Атрофи ҷоҳ пайи аспу одамонро дида, Платонов супориш дод, ки ҳама ҷойро тоза намо-янд. Панҷ сарбоз бо буттаҳо пайи атрофи ҷоҳро кӯр карданд, то босмачиён пай набаранд. Аскарони урх се шабонарӯз наззора карданд. Рӯзона Платонов бо дурбин биёбонро наззора мекард, шабона ба замин гӯш медод, ки аҷаб не садои пои аспонро мешунавад. Лекин атроф ҳамоно хомӯш буд, танҳо аз дуриҳо фарёди парранда хомӯшии

атрофро ха-лалдор мекард.

Рӯзи чаҳорум ҳам бенатиҷа гузашт, танҳо дар осмони дашти Қарақум лошахӯре болафшонӣ дошт. Лошахӯрро дирӯз Семён дида буд. Платонов мушоҳида кард, ки дуртар боқимондаи ҳасади ҷонваре намудор аст.

Бегоҳӣ қарор шуд, ки бо фарорасии шаб сарбо-зон ин мавзёро тарк месозанд, зеро натиҷае надод. Платонов ғажмида, ки босмачиҳо бо дигар роҳ раф-таанд. Бо қадом роҳ, номаълум. Ё ҳудаш ҳам ин ҷойҳоро хуб медонисту роҳбалад низ. Нохост садои тир баланд шуду Платонов яроқашро омода кард.

Аз теппае савораи яроқдор пайдо шуда фарёд кард.

- Болшевик, саратро нигоҳ дор!

Савора дар як лаҳза нопадид шуд.

Савораро танҳо Платонов медид, шояд бовараш намеомад. Аз гармии тоқамтфарсо шояд гу-монаш ботил шуд. Вале савораро ҳамаи сарбозон диданд, аён гашт, ки дар наздикиҳо дастаи босмачӣ ҳаст. Рафтори савора Платоновро ба ҳулосае овард, ки душман ба қувваи ҳудаш боварӣ дорад, акнун пешорӯи аскарони сурх озмоиши саҳте меистод.

- Ба ҷанг! Фарёд кард ӯ.

Ҳамон дам тирпарронӣ сар шуд. Аз ду ҷониб тир жола барин мерехт.

Босмачиҳо аскарони сурхро имкони сар боло қардан надоданд.

- Оташ! Фармон дод Платонов.

Аскарони сурх якбора оташ кушоданд. Ҷанг идома дошт. Амалиёти ҷангӣ нишон дод, ки қувваҳо баробаранд. Оғиб гуруб дошту дар Қарақум шаби маҳтобӣ доман паҳн кард.

- Лазаренко, назди ман! - амр кард ба Платонов ва

дигар сарбозон фаҳмиданд, ки агар вазъият тағйир наёбад, тирпарронӣ кашол хоҳад ёфт. Аз ин рӯ ба як хулосаи даркорӣ омадан лозим.

Платонов ба сарбози наздаш расида амр кард, ки ҳарчи тезтар ба ҷохи оби ҳамсоя рафта вазъият-ро хабар додан лозим.

Аммо сарбоз Лазаренко ҳангоми ба зини асп савор шудан тир хӯрд. Сарбози дуҷум Чорӣ-мерган ба асп нарасида аз тири душман ҳалок шуд.

Платонов имкон наёфт, ки ба сарбози сеҷум су-пориш диҳад, дуртар, даҳ қадам поёнтар чашмаш ба буттаи гулхор афтоду кулоҳеро дид. Имкони милтиқро гирифтани наёфт, ки садои тир баланд шуд.

Платонов дар китфаш сӯзише ҳис карда якпахлу афтид. Хаёлаш, ки оромӣ ҳукмрон шуд. Вале садои тирпарронӣ, овозҳои ношинос, шиҳаи аспон, доду фарёд аз дуриҳо меомад. Гӯё ҷанги ғайриодие дуртар мерафт. Чашмонашро кушода болои сараш Хайруллинро дид. Сарбоз ким-чизе мегуфт, вале Платонов чизе намефаҳмид. Хайрул-лин ўро кашолақунон ба каноре бурда болояшро бо пояи баргу буттаҳо пӯшонд.

Семён Платонов дар чуқурие, ки бо буттаҳо пӯшида буд, бедор шуд. Атроф рӯшану моҳтоб ме-дурахшид. Хайрон шуд, ки аз хотирааш шаби си-торазор нарафтааст. Инҷо шаби маҳтобӣ. Ў базӯр аз ҷояш хеста буттаҳоро яктарафа кард. Шаб ба на-зар орому осуда метофт. Платонов дар ғилоф таппончаашро дида хайрон шуд. Пай бурд, ки гурӯҳи аскарони сурх шикаст хурдааспу босмачиён баъзе чизҳоро ба яғмо бурдаанд. Беҳуда нагуфтаанд, ки босмачиён мисли шағолон тарсончаканд, андешид Идатонов. Нигоҳи Платонов ба зарфи об афтод. Зарф аз замин бардошт. Зарфи ҳолӣ ду-се

қатра об дошту халос. Аммо барои одами дар биёбон танҳо афтида ин ду-се чакра ҳам азиз аст.

Пуштаро гузашта Платонов часади якчанд сар-бозро дид. Дуртар боз мурдаи сарбоз. Маълум, гурӯҳ қаҳрамонона чангидааст.

Платонов бо андешаҳои парешонаш ҳайрон монд. Наход дар Марв аз ин задухӯрд огаҳ набо-шанд? Дар дигар чоҳҳо вазъият чӣ гуна аст? Чӣ шу-да бошад?

Ӯ қониби шимол мерафт. Ба андешаи ӯ наздик-тарин чоҳи об онҷо воқеъ буд. Нисфишабӣ ӯ ба роҳи назарногире баромад. Роҳ камодам буд, вале Платонов боварӣ дошт, ки ин роҳ ӯро ба ҷое хоҳад бурд!

Пеши назараш хаймаҳо, хаймаҳое, ки ба хоначаҳои туркманӣ шабоҳат доштанд, пайдо шу-данд. Хаёлаш ҳамаи онҳо як хел буданд.

Қариби сахар вай дар пастхамии аз роҳ дуртар нишаст. Тамоми вучудааш дар оташ месӯхт. Дарди ҷароҳати китфаш ҷонсӯз гашт. «Наход ин хаймаҳо поён надошта бошанд?» - андешид Платонов. Та-моми шаб мисли сангпушт миёни онҳо меҳазам. Онҳо ҳаёле маро думболагир кардани, пайт мечӯянд. Чӣ хел ин шағолон ба ман дарнаафтода-анд, ҳангоме ки тамоми шаб дар чуқурӣ хоб будам. Яке ба хотир овард, ки чӣ тавр рӯзи аввал дар ҷои муҳориба дар осмон лошахӯре давр мезад.

Лошахӯр аввал ӯро хурсанд кард, ки ақаллан дар ҳамин наздикӣ, ғайр аз вай дигарҳо низ ҳастанд. Як муддат Платонов паррандаро мушоҳида кард, ҳатто гардишҳояшро ҳисоб кард, вале оқибат сарҳисобаш гум шуд. Аз наззораи ос-мони бекарон буд ё андешаҳои бесарунӯг, ки Платонов якбора худашро танҳо раҳгумзада ҳис на-муд. Баъд якбора ӯро сусморе ба хотир омад, ки дар кумзор дида буд. Сусмор

ба асп дарафтодан хоста, ҳар замон забонашро бароварда, лаб мелеси-ду бо думаш бозй мекард.

Ҳар замон Платонов лошаҳӯр ва сусморро баръало медид, бовараш намеомад, ки ӯ худ зинда аст ё мурда? Шояд вай кайҳо мурда бошаду акнун дар он дунё дафтари аъмолашро варақ мезанад.

Платонов дар болои сараш садои ноошноеро ҳис кард. Чашмонашро кушода дид, ки чанд лошаҳӯр сайр дорад. Рӯзи равшану офтобӣ буд. Платонов аз худ беҳуд шуд.

Охирин қувваташро чамъ карда, Платонов базӯр аз ҷой хест ва дасти сихаташро алвонч дода фарёд зад.

- Ман ҳанӯз зиндаам. Чашмонам ба шумо ар-зон намеафтанд!

Яке қадам зад ва ҳис кард, ки аз кучо то кучо рафтанист. Ӯ озодона қадам мемонду хаёле пойҳояш ҷисми сабукашро мебурд. Боз шаб шуд ва пардаи торикӣ атрофро пӯшонду осмон ситоразор гардид. Платонов чӯёи ситора буд. Вай аз биёбон ҳамоно ба осмон нигоҳкунон бисёр меҳост, ки ситораи кутбро пайдо намояд. Вале сараш чарх зад, фаҳмид, ки истироҳат намудан лозим, то андаке қувват гирад. Ба хомаи рег худро афканду зуд хо-баш бурд. Платонов танҳо дами субҳ аз хоб бедор шуд. Акнун рӯз мешуду атроф рӯшан. Вай дар ҷояш нишаста фикри ба кадом самт рафтанро дошт, ки ногоҳ ба гӯшаш овози сағ расид. Платонов бо таачҷуб аз ҷояш хеста ба атроф гӯш дод, ки боз овози сағ баланд шуд. Аниқ шуд, ки дар ҳамин наздикиҳо чӯпонҳо зиндагӣ доранд. Сағҳо бошанд аз масофаи хеле дур бўи одами бегонаро фаҳмида беқарор шудаанд. Ин дам Платонов хурсанд шуд, ки оқибат манзили одамонро пайдо карду наҷот меёбад.

У бо эътимод ҷонибе ҳаракат дошт, ки аз он ҷо шамоли биёбон ҳар замон овою аккоси сағҳоро ме-овард. Платонов

теппаеро гузашту нигоҳаш ба водӣ ва деҳаи на он қадар калон афтод. Хоначаҳо ҳамагӣ як хел менамуданд. Аҳолӣ ханӯз дар хоби ноз буд ва дар деҳаи назарногир ҳаёт ҳаёле қатъ ёфтааст, ки касе наменауд. Дар деҳа гулхане месӯхт ва саги танҳое гаштугузор дошту халос.

Ин дам аз заминкан як зан, ки дар даст чойник дошт, баромад. Шояд барои таҳорату намозхонӣ баромадаст. Ногоҳ зан марди ношиносро диду дар чояш шах шуд. Чойникро ба замин гузопгга рӯяшро бо кафи дасташ пӯшонда зери лаб чизе гуфт. Семён фаҳмид, ки агар як қадами ночое монад, вай албатта доду фарёд карда, мардумро чамъ хоҳад кард. Платонов аз чояш наҷунбида аз хотир гузаронд, ки ин чӣ гуна деҳа бошад? Дар вай киҳо зиндагӣ мекунад. Маълум, ки деҳа нав пайдо шудааст.

Дар ҷое, ки лаҳзае пештар зан меистод, чойник буду халос. Вай дудила шуд, ҳатто хост қафо гашта, пинҳон шавад, ки яке аз заминкан марди яроқдоре берун шуда, назди Платонов омад:

- Шумо кӣ? Аз кучо?

- Об! - базӯр овоз баровард Платонов дар ҳоле ки нерӯи охири тӯро тарк мекард. - Ман мачрӯҳ.

Одами яроқдор атрофро аз назар тузаронда, боварӣ ҳосил кард, ки вай танҳост, каме ором шуд. Ё паҳлӯи Платонов нишаста мӯзаашро аз нав пӯшид.

- Об! - хоҳиш кард Платонов - Хез, худро ба нодонӣ назан, - гӯён бо қундоқи камон тӯро пешандоз карданӣ шуд. - Дар биёбон чӣ гум кардӣ, ё дар ватанат ҷонат танг шуд?

Муносибати бад Платоновро ба худ овард. Пу-шаймон шуд, ки бо пои худаш сӯи марг омад. Ак-нун ин мардаки сиёҳчурда бо тақдираш бозӣ до-рад. Сиёҳчурда ҷунон бераҳм, ки аз вай ҳама чизро интизор шудан мумкин буд.

Овози оромонаи зан Платоновро наҷот дод.

- Писарам, бечора об мехоҳад. Обаш деҳ, то ба серӣ нӯшад.

Марди сиёҳчурда қафо гашт. Дар поён ҳамон зане, ки Платонов аввалин шуда дар деҳа дида буд, меистод.

- Обаш деҳ, - гуфт модар ва суханашро идома дод - меғӯянд, ки ба назди инсон ғизоле меояд, ки ба ғайр аз нигоҳи пок чизе надорад.

- Ин ғизол нест, балки гурги маҷрӯҳ аст.

- Касе набошад ҳам, ёрӣ додан лозим аст. Бераҳм набош, писарам. Вай меҳмон, меҳмон бо-шад аз падар болост. Ҳамин хел анъанаи қадимаи турманӣ дорем. Бародари худат Оразқлич дар тирпарронӣ хангоми Ҳимояи меҳмоне ҳалок шуда буд. Афсӯс, ки он айём ту хурд будӣ ва Оразқличро дар хотир надорӣ. Семён мисли дар хоб дид, ки марди сиёҳчурда ба модараш чизеро мефаҳмонд ва яроқашро дода назди Платонов баргашт...

Семён дар хонаи сиёҳе, ки рутубат дошт, бедор шуд. Шояд дар ин бино пештар ҳайвони хонагӣ нигоҳ медоштанд. Платонов рӯи алафи хушк хоб рафта ба худ суол медод: дар кучост, бо ӯ чӣ воқеа шудааст?

Яке вай задухӯрд, чуқурӣ, лошахӯронро ба хо-тир овард. Ҳамин вақт дар кушода шуду бино рӯшан гашт. Боз ҳамон зане, ки дар деҳа саҳарӣ вохӯрда буд, хӯрок гирифта наздаш омад. Вай боэҳтиёт маҷрӯхро боло бардошта, таги сараш болишт 1у-зошт. Ҷои захмашро малҳам дору молида, хомӯшона баргашта рафт. Малҳами табобатӣ ба ҷонаш осоиш бахшид, ки даррав хобаш бурд.

Даме, ки бедор шуд, назди дари нимкушода ҳамон марди сиёҳчурдаро дид, ки нишастааст. Вай дар тан либоси сурх ва куртаи сафед дошт. Тӯпии сараш низ нишаму зебо ба назар мерасид.

- Нағз, ки ман ба дасти инҳо афтидам, - фикр кард Платонов. - Чизе маро начот дод, ғайримуқар-рарӣ. Агар зинда монам, миннатдориям асосан ба ҳамин мардак ва модари ӯст. Бемодар, андешид Платонов, ин мард бо ман чӣ хел рафтор мекард, номаълум. Хуб шуд, ки маро занаш не, модараш дид. Занро туркманҳо он қадар гӯш намекунанд.

Марди сиёҳчурда дид, ки Платонов хоб нест, омада телпакеро, ки гӯшае меҳобид, ба сараш монд.

- Ту забони туркманӣ медонӣ?

- Кам-кам медонам.

- Набошад гӯш кун...

- Хомӯш будан ҳам хунар аст, - гуфт марди сиёҳчурда.

- Акнун туро муолиҷа намудан лозим. Ҷои захмро кушодан даркор, набошад фасод меги-рад. Албатта дард мекунад. Мо туро мебандем. Боз дод нагӯй.

- Кӯшиш мекунам.

- Кӯшиш намо. Фаҳм, ки ин ҷо одамон зиндагӣ доранд, онҳое, ки аз болшевикҳо гурехтаанд. Агар будани туро дар хонаи мо пай баранд, маро, мода-рамро ҳамаро бо оилаамон мепаронанд... - Мефаҳмам, - охиста гуфт Платонов. - Ҳамаашро мефаҳмам.

- Хуб шуд, ки фаҳмидӣ.

Марди сиёҳчурда гапро тамомшуда пиндошта хост равад, ки яке нигоҳаш ба чашми Платонов аф-тод.

- Чӣ меҳаҳӣ?

- Чӣ ном дорӣ?

Марди сиёҳчурда табассум карда 1уфт:

- Маро Ҷуманқлич гӯй.

Ҳини рафтан Ҷуманқлич дарро маҳкам карда, Семёро танҳо гузошт.

Боз ба ёди вай хона, аскарон, ҳалокшудагони назди

чохи Қиркулон, модари Ҷуманқлич омад. Платоновро бо хӯрокҳои лазиз зиёфат кард. Ин дам Ҷумақлич бо бачаи дувоздаҳ-сездаҳсолае баргашта омад.

Платонов фаҳмид, ки онҳо барои тоза кардани ҷои захм омадаанд. Ба «ҷарроҳӣ» Ҷуманқлич роҳбарӣ дошт.

Ӯ даври пойҳои Платоновро баста ба амалиёт шурӯ намуд.

- Ҷароғ, - амр кард ба писарак.

Дар як дам ҷароғи лампагӣ рӯшан шуд. Зан ҷои захмро тоза кард. Бо оби гарм шуст. Ҷуманқлич ба теги ҷарроҳӣ даст бурд. Семён чашмонашро пӯшид. Асосаш дод нагӯяд, андешид Платонов. Майлаш бе даст ҳам зиндагӣ кардан мумкин. Пла-тонов надид, ки чӣ тавр ҷарроҳӣ дорад. Дарди мар-говар баданашро месӯхт. Хаёлаш, ки дасташро мебуранд. Хост фарёд занад, ки ўро ба ҳоли худааш монанд.

Ҳар гоҳ, ки чашм мекушуд, болои сараш на-здик-наздики рӯи арақшорӣ Ҷуманқличро медид. Шунид, ки вай оҳистаю номаълум ба тобеонаш су-пориш меод. Ҷарроҳӣ поён ёфт. Семён фикр кард, ки ҷарроҳӣ як шабонарӯз давом кард. Ҷуманқлич ба ҷои захм малҳами қадимӣ баст. Зану писарак хона-ро тоза карданд. Зиёда аз як шабонарӯз Платонов хоб кард ва дард оҳиста-оҳиста кам мешуд. Аммо ӯ худро суст, бемадор ҳис карда, наметавонист пой бар замин монад.

Зани пир ҳар замон барояш хӯроки гарм меовард. Гоҳ шӯрбою гоҳ шир, ё алафҳои шифобахш.

Ҷуманқлич низ медаромад.

- Чӣ хелӣ, урус?

- Нағз, - мегуфт Платонов, - шифо меёбам.

- Худо хоҳад, шифо меёбӣ.

Платонов мефаҳмид, ки марди сиёҳчурдаро ким-чӣ хел мушкилоте азоб медиҳад. Ҷуманқлич одами биёбон аст, биёбон ойинҳои худро дорад. Лекин Ҷуманқлич инсонӣ комил асту ҳамеша хомӯширо авло медонад.

- Ҷуманқлич, - садо кард Семён.

Ҷуманқлич баргашта абрувонашро дарҳам кашида пурсид:

- Чӣ меҳаҳӣ?

- Ман меҳостам пурсам, ки чаро ту инҷой. Чаро аз болшевикҳо гурехтӣ. Охир, боигарӣ надорӣ-ку. Аз кафи дастонат маълум, ки ту коргарӣ, на сарбоз. Шумо бояд аз чизе натарсед.

- Барои наҷоти шараф кучое хоҳӣ, мегурезӣ, -илова кард Ҷуманқлич.

- Беҳуда ин тавр мегӯӣ. Иттиҳоди шӯравӣ бо ҳукумати шумо ҷанг накардааст. Баръакс, давлати советӣ барои шарафи камбағалҳо меҷангад.

Ҷуманқлич хеле песонд Платоновро, тамасхур карду хомӯш монд.

Семён низ хомӯш буд.

- Хайр майлаш, - гуфт Ҷуманқлич, - ҳамин киаз ҷоят хеста тавонистӣ, бирав. Тезтар бирав, дигар ба чашм нанамо.

Нафаҳмид. Чизеро нафаҳмидаст, андешид Платонов, одами хуб аст, аммо ӯ баринҳоро бойҳо аз роҳ задаанд, бойҳо ин ҷо ҳам зиндагӣ карда ме-тавонанд, лекин Ҷуманқлич баринҳо беҳуда ҳалок мешаванд. Вай оқибат ватан, ҳама чизро бой медиҳад. Оҳ, агар ман ақаллан забони туркманиро медонистам.

Охир донишони забон зарур аст. Дар вақташ падарам таъкид мекард, ки забони туркманиро омӯзам. Бо падарам дар бисёр мавзӯҳои кӯҳистон кор кардам. Лекин забонро аз

худ накардам, ба чуз баъзе калимаҳо, мефаҳмам, лекин гап зада намета-вонам. Платонов дар умраш аввалин маротиба афсӯс хӯрд аз надониستاني забон...

Чӣ қадар мушkil буд ба Семён баъди рафтани Ҷуманқлич. Акнун ӯ дар олами андешаҳои бесарунӯги худ ғарқ гашта, илоҷи воқеа мечуст. Ӯ соатҳои дароз нишаста, рафтори охирини Ҷуманқличро таври худ арзёбӣ мекард. Наход ӯ бо босмачиҳо монад. Платонов аз сӯрохии девор берун ва майдони деҳаро тамошо мекард. Пештар он сӯрохӣ бо алаф пӯшида буд, хуб шуд, ки алафро шутур ё ягон хайвони хонагӣ хӯрду сурохӣ кушода монд. Акнун Платонов ҳаёти мардумро баръало медид.

Қарибҳои шаб дар талҳои хомаи рег гурӯҳи саворон чамъ шуданд. Аз дур Семён дид, ки онҳо миёни ҳам баҳсу талош доштанд. Семён афсӯс хӯрд, ки овози онҳоро намешунид. Аз сӣ нафар савораҳое, ки мусаллаҳ буданд, бо чехраи ғазоболуд норозӣ ба ҳамдигар чизеро мефаҳмонданд.

Платонов аниқ кард, ки марди болобаланде, ки дар саманди сиёҳ нишаста бо камчинаш имою ишорат дошт, сардори даста аст. Охирон вай даст афшонда аспашро пеш ронду дигар савораҳо аз қафояш тохтанд. Деҳа ҳолӣ ва хомӯш гашт.

* * *

Савораҳо рӯзи дигар баргапганд. Аввал ба деҳа ду тойча расид. Онҳо пеш-пешӣ галаи саворон мис-ли сағҳои шикорӣ медавиданд.

Ҳамин, ки назари кӯдакон ба тойчаҳо афтод, онҳо ба истикболи савораҳо бароманданд. Занон ҳам дар қади кӯча интизорӣ доштанд. Ба хоначаи Платонов бӯи иштиҳоовари

гӯшти пухта расид. Савораҳо ҳамагӣ чанд қадам дуртар аз Платонов омаданд. Гуфтугӯи пасту фирҳ-фирҳи аспҳои мондашударо шунид. Нохост қалби нозуки Семён фи-шор хӯрд. Қариб буд, ки аз ин тасодуф дод занад. Аз қафои савораҳо сарбози пойлучу дастбастае ка-шола шуда меомад. Платонов ўро нашинохт, аммо пай бурд, ки аскарӣ сурх аст. Аз ҳавлии Чуманқлич дуртар асирро ба замин хобонданд. Акнун ўро се нафар посбонӣ мекард. Кӯдакон бо таачҷуб асирро тамошо доштанд.

- Бо ў чӣ мешуда бошад? - аз дил гузаронд Платонов.
- Онҳо чӣ фикр кардаанд?

Асирро истинтоқ карданду боло бурданд. Бос-мачие бо асир ғайб зад. Семён ҳис кард, ки асир чӣ аҳвол дорад. Ў аз дарди зиёд лабонашро хуншор кард, таъми талхи он дар гулӯяш монд.

* * *

Рӯз бегоҳ мешуд. Платонов ором нишаста бо алам аз ҳамон асири бадбахт ёд мекард, ки чӣ гуна босмачиён қатлаш карданд. Ў ҳам дар дами марг аст. Ин дам дар ғичиррос заду Платонов дид, ки писарак наздаш омадааст. Ҳамон писараке, кивақти чарроҳӣ ба падараш ёрӣ дод. Ў барои Семён ош оварда буд. Бӯйи оши лазиз ба атроф паҳн шуд. Писарак ба Семён табассумкунон ба дар нигаристу баъд ситорачаи сурхи пеши барашро нишон дода хост чизе гӯяд. Яке дар назди дарвоза Чуманқлич пайдо шуду ҳарфи писарак дар даҳонаш монд. Пи-сарак ноаён берун баромад.

- Чойникро гирифта биёр, - амр кард ба писа-рак Чуманқлич.

- Ҳозир!

Ўуманқлич назди Платонов нишаст. Харду якҷоя ош хӯрданд. Ўуманқлич гӯштро зиёдтар назди Платонов мегузошт. Аз чехрааш маълум, ки орому осуда аст. Ў мисли одамони хотирчамъ раф-тор кард. Баъди хӯроки нисфирӯзӣ Ўуманқлич на-моз хонда сачда карду аз кисааш папирос баровард.

- Меҳохӣ, - таклиф кард ба Семён.

- Не, ташаккур.

Ўуманқлич чанде орому хомӯш чашмонашро пӯшида ба ҳаёл рафт. Ҳаёле шах шуд. Семён ҳам қудрати хомӯширо вайрон кардан надошт. Ўуманқлич оқибат хомӯшу бесадо баромаду аз қафояш зани шинос даромад. Вай рӯзе ду-се маро-тиба назди Платонов омада аз аҳволаш хабар мегирифт. Вале ин дафъа суҳанони вай ўро ба ҳайрат овард.

- Аз ин ҷо рав, писарам, - изҳор кард вай. Дас-тат ҳам шифо ёфт. Кампир аввалин маротиба ба ин тарз суҳан гуфта, илова намуд:

- Маро бубахш, писарам, агар малол набошӣ. Саломат бош, ба дил нагир бадиро.

Ин дам Платоновро модари ҳудаш пеши назар омад. Кампирак боз ким-чиҳо гуфт, аммо Платонов ҳамаи гапашро нафаҳмид.

Ўуманқлич нисфишабӣ ба ҷои хоби Платонов омад. Мусаллаҳ. Дар қафи дасташ панҷтирай ҷопонӣ дошт. Семёноро арақ зер кард, тарсид.. Ҳу-дашро гум кард. Ҳаёлаш, акнун умраш ба поён ме-расад. Охир имконият буд, ки гурезад, аз дил гуза-ронд Платонов.

- Ўуманқлич ба ў кӯлоҳ ва мӯзаҳояшро баргар-донда амр кард, ки ин сарулибосашро пӯшад.

Семён тугунҷаи занонаро диду фаҳмид, ки дар бораи инсонҳои нек фикри нодуруст кард.

Дар баромадгоҳ онҳоро модари Ҷуманқлич интизорӣ дошт.

- То манзилат саломат рав, - нидо кард модар.

- Ташаккур, - изҳор кард Платонов бо меҳру сипос.

Онҳо хомӯшона аз кӯчаи беодам гузаштанд. Дар ҳамгашти болои хомаи рег писараки шинос гулхан фурузон намуд. Акнун Платонов фаҳмид, ки деҳа аз чор тараф посбонӣ мешудаасту имшаб нав-бати Ҷуманқлич будааст. Барои фирор мурсати муносиб.

Ҷуманқлич ба писараш амр кард, ки асирро биёраду гулханро хомӯш созад.

- Писарам, агар маро пурсанд, гӯй, ки ба ҷустуҷӯй асп рафтааст.

- Хуб, - ҷавоб дод писарак ва поён фаромад.

Ҷуманқлич ва Семён дар як асп бо ҳам ништастанд. Хомӯшона, ҳар кас пойбанди фикрҳои худ буд. Платонов хурсанд, ки баъди ду-се рӯз назди ҳамроҳонаш бармегардад. Акнун субҳ майли дами-дан мекард, ки Ҷуманқлич аспро нигоҳ дошт.

- Он тарафи роҳ худат танҳо меравай, рост раф-тан гир, ба деҳа мерасӣ, онҷо болшевикҳо.

Ҷуманқлич аз борхалтааш кӯзаи об ва нон ба-роварда ба Платонов дод.

- Гир. Даркор мешавад ва аспашро қафо гар-донд.

- Ҷуманқлич, ба ҳамааш ташаккур, - бо изти-роб гуфт Платонов. - Ту бародарӣ манӣ, мефаҳмӣ?

- Рав, рав назди одамони худ. Ту маро надидӣ, ман туро. Чунин аст ойини биёбон. Ту душман, ле-кин меҳмони ман будӣ, - ҷавоб дод Ҷуманқлич ва аспашро маҳмез зад.

* * *

Рафтори Платонов рафиқони ҳамяроқашро ба тааччуб овард.

- Ман онҳоро мефаҳмам, - аз дил гузаронд Платонов, охир онҳо аз сарлузашти ман огоҳ нес-танд. Ман дигар хел рафтор карда наметавонистам, аз дил гузаронд ӯ. Ҳа, Ҷуманқлич ҳамроҳи босма-чиён мечангид. Ҳатто чанд аскари сурхро захмин кард. Вақте ки задухӯрд' поён ёфту босмачиёни боқимонда фирор карданд, ҷасади Ҷуманқлич дар як гӯшаи хомаи рег монд...

Ҷасади Ҷуманқлич болои хомаи рег намудор гашт. Хаёле атрофи дашти Қарақум бо ӯ хайрбод мекард. Кулоҳи Ҷуманқлич бо риштаҳои дарози шоҳӣ, ки дуртар меҳобид, буттаҳои регзор барин тофт. Шамол нимаи шамшерро дар рег гӯтонда буд ва ба кадом тараф афтоданаширо намедонист...

*Тарҷумаи Мария Салим,
«Насими Хазар» 2008.*

БАРФИ АВВАЛ

Мерган аз хоб бедор шуда, назди тиреза омад. Ба берун нигариста аз ҳай-ратдаҳонаш во монд. Барфи нахустини ногаҳон борида болои замин сарандо-зи чашмхирақунандаи сап-сафедро гу-старда буд. Ва дар ин лаҳзаҳо вай бовикор, тоза, чун арӯс ба назар мерасид. Дарахтони тути шоҳу баргҳояшон ба ҳар тараф паҳну парешон, ки аз ҳавлӣ на-чандон дуртар қад афрохта буданд, ба таври афсонавӣ ва дар либоси арӯсӣ чилванамой мекарданд. Тобистон дар сояи анбӯҳи ин дарахтон намад густар-да, болои он чойникҳои чои сабзро ме-гузоштан. Акнун ин чойҳоро аккаҳо манзил қарор дода, бо ғиш-ғиши дағалу гӯшкарқунанда гӯё гулӯи хушкшудаи хешро тоза мекарда бошанд, гӯшҳоро ба дард меоварданд.

Падар така ба чапари оғил дода, рост меистод. Вай ҳар сабоҳ аз ҳама пештар тарки чогаҳ мекард. Ба пеши чорво коҳу алаф мерехту сипас ба коғаз тамоку андохта, пасу пеш тоб медоду баъд онро даргиронда, гоҳ-гоҳ дудро ба ҳаво сар медод. У ба ширдӯшии модар дуру да-роз наззора мекард. Ин субҳ ҳама чиз чун пешина, бетағйир, дар қои худ буд, албатта, бидуни барфи аввал.

Мерган аз тиреза дур шуда, як қад парид. Аз сари нав мағзаширо андешаи Ойпарӣ фишор овард, ҳамон андешае, ки ваҳтҳои охир ӯро на шаб ором мегу-зошту на рӯз. Ин ҳаёл ӯро доимо ба из-тироб меовард. Духтараки нозукандом, бо куртаи нилобӣ чун пари кабутарон, боз пеши назари ӯ ба чилва омад.

Ин лаҳза дар чехраи ӯ осори малӯлӣ ва озурдагии дирӯза хонда намешуд. Чашмони мешиаш аҷаб зебо медурахшиданд. Инак, Ойпарӣ аз канори дарах-тони паси клуб

гузашта, саросема нашу-да, ботамкин, мисли духтарони кадрас, чониби мактаб равон буд. Дар даромад-гоҳ аз суръати кадамҳояш каме коста ва бодикқат ба рӯи Мерган нигарист. Табас-суми бошавқу завқ дар лабонаш гӯё ба вай мегуфт: «Ҳой, бача, агар забонат ба комат начаспида бошад, ақаллан чизе бигӯй!»

«Дар ҳар сурат Ойпарӣ духтари ба ситоиш арзанда аст», - зери лаб пичир-рос зад Мерган ва ин лаҳза аз дарёи ҳаёлот берун шуда, дар дил қатъӣ қарор дод, ки фикрашро дар бораи вай ҳеч вақт дигар намекунад. Ҳатто баъди ҳодисае, ки дирӯз рух дод

Аз он лаҳзае, ки нигоҳи Мерган ба Ойпарӣ афтоду ўро дар дилаш ҷой дод, тамоми фикраш банди ў буд ва дигар ҳеч духтаре дар дили ў маъво нагириф-та буд. Акнун вай ҳамеша, дар ҳама ҷо, дар хобу бедорӣ ҳамроҳи ў буд. Дар дил, бале, дар дил, дар асл чӣ? Гап дар сари он буд, ки духтар аз ҳиссиёт ва таваҷҷӯҳи писар хабар надошт. Аммо Мерган ҳеч наметавонист, ки дилашро пеши ў ҳолӣ намояд. Чаро ки духтарак ҳеч гоҳ танҳо набуд, дугонаҳояш ҳамеша ҳамроҳ, дар паҳлӯяш буданд.

Ва, инак, ниҳоят Ойпарӣ дар синфхона танҳо монд. Вақте Мерган дари синфхонаро кушод, духтар рӯи китоб ҳам шуда, бодикқат чизеро меҳонд ва хушу ёдаш батамом банди китоб буд. Ин лаҳзае буд, ки онро Мерган кайҳо боз орзу мекард. Агар ҳамин ҳоло ин фурсати муносибро истифода накунад, тамом, Худо медонад, ки он боз кай фаро ме-расад.

Вай ба ҳаяҷон омада, дарро боз кар-ду вориди синфхона шуд.

-Ойпарӣ!

- Чӣ гап? - сар аз китоб набардошта ово кард духтарак.

- Ту медонӣ-чӣ, Ойпарӣ!..

Вай бештар ба ҳаяҷон омаду давоми сухан дар даҳонаш монд.

Ойпари ҳайрон сар бардошта, дар руба рӯяш Мергани арақшор ва ҳаяҷон-задари дид.

- Ачиб. Ман чиро бояд донам?

Мерган сурфид.

-Ту, эҳтимол, ин рафтори маро аз рӯи одоб намедонӣ ва, албатта, ҳақ ҳам ҳастӣ... Лекин чи илоҷ, ту ба ман бисёр маъкул ҳастӣ! - чун тир аз даҳонаш ба-ромад ин суханҳо.

Духтар хомӯш монд. Арзи дили Мер-ганро шунида, вай худро гум кард ва надонист, ки он лаҳза чи ҷавоб диҳад. Мерган бесаброна ҳукми ўро нигарон буд. Ойпарӣ аз афташ акнун ба фаҳми суханҳои Мерган рафта, чизи шунидаашро дарк намуда, бо ҷашмони дурах-шони ғазоболуд ранчидахотир садо кард:

- Ҳоло ист, ман ба хона равам!.. Онҳо ба ту нишон хоҳанд дод, ки ки маъкул асту ки не!..

Мерган ба даҳон гӯё об гирифта бо-шад, рост меистод. Эҳтимолан духтар аниқ ӯ ба бародарон ӯ ба падару мода-раш ишора мекард. Яъне ки онҳо адаби ўро хоҳанд дод. Чунин зарбаро нигарон набуд ӯ. Ба бахти бадаш боздар ин лаҳ-за касе ба синфхона даромад ва хавфи фош шудани розиёдтар гардид. «Агар фаҳманд, ба ҳолам хуб меҳанданд» - аз дил гузаронд ӯ. Дар дилаш хоҳише пай-до шуд, ки тирвор аз синф берун шуда, ба кучое, ки ростояд, биравад. Лекин... акнун кӯшиши аз синфхона баромадан карда буд, ки занги бемаҳал садди ро-ҳаш гашт. Дигар илоҷе набуд. Ягона роҳ ҳамин буд, ки ба ақиб баргашта, то охир заҳри ошуфтагию музтарибиро нӯш ку-над ва аҷаб не, заҳри шармандагиро низ.

Ўро аз вазъияти ногувор овози му-аллим раҳо кард:

- Ойпарӣ, ба ту чӣ шуд?

Муаллим дар пахлӯи духтарак рост меистод. Вай худ ба худ даргирифта, нигоҳашро ба ягон тарафи дигар гурезонда наметавонист.

- Гап зан, чӣ ҳодиса рӯй дод?

Ойпарӣ ниҳоят сарашро боло карда, чизи дар гулӯаш дармондаро беихтиёр фуру бурд. Мерган бешубҳа тарсида буд ва интизори он буд, ки духтарак ҳоло ҳамаашро мегӯяд.

- Дандонам дард мекунад, - зери лаб пичиррос зад вай.

Мерган нафаси сабук кашид.

- Рав, ба духтур нишон деҳ, - гуфт муаллим.

- Тоқат кардан мумкин. Баъди дар-сҳомеравам.

Лекин баъди ин ҳам Мерган ҳанӯз қарор надошт, интизор буд, ки эҳтимол, сирри ӯ, сирре, ки меҳост аз ҳамсинфо-наш пинҳон кунад, ин лаҳза ё лаҳзаи дигар, албатта, фош хоҳад шуд. Дар та-савури ӯ, агар онҳо аз изхори ишқ кар-дани Мерган хабардор шаванд, тамом, ин гап ба зудӣ аз даҳон ба даҳон гузаш-та, дар ҳама ҷо овоза мешавад. Барои чи ӯ ин тавр фикр кард, ҳудаш ҳам намедонист.

Муаллим аз назди курсиҳо, партаҳо гузашта, корҳои мустақилонаи хонанда-гонро аз назар гузаронда, пай бурд, ки ба Мерган низ ҳодисае рӯй додааст. Ҳавосаш парешон. Ҳарчанд ором нани-шаста бошад ҳам, вале дар дафтар масъалаеро ҳал накардааст.

- Донаев, ту ҳоло дар кучо қарор дорӣ? - пурсид муаллим.

- Лаббай? Чӣ? - аз ҷой чахида суол-борон кард Мерган.

- Пурсида истодаам, ки дар кучо қарор дорӣ? Ба назарам, дар ҳама ҷо қарор дорӣ, танҳо дар дарс не. Ман дуруст мегӯям?

- Лаббай? Ҳа-ҳа, дуруст мегӯед.

Синф ба чунбиш омад. Кадоме қикирросзанон хандид.

- Ба ман талабае, ки дар кадом-як ҷои дигар, дар олами дигар гаштугузор до-рад, лозим не, - ранчидахотир гуфт муаллим. - Рав, ба ту ҷавоб!

Мерган аз синф бо чехраи ғамолуд, норозӣ аз ҷазои ноҳақ берун шуд, ле-кин дар дилаш аз ин ҳолат хурсанд буд. Ба сахни мактаб баромада хурсандона ҷастухез кард. Вай аз он, ки аз ғазабӣ директор ва ё муаллиме дигар ба осонӣ раҳой ёфт, хеле хурсанд буд. Ба ақиб нигоҳ карда, сипас аз сӯроҳи девор оҳис-та баромада думро хода кард.

Ҳар тобистон хангоми таъмир бо да-стури роҳбарони мактаб ин сӯрохро бо-диққаттахтабандӣ мекарданд, лекин дар рӯзҳои аввали сентябр бо дастони ба-чаҳо сӯроҳ боз ба шакли пешин табдил меёфт.

Мерган аз канори ҷӯи калон ба пеш қадам зада, ғарқ дар гирдобӣ ҳодисаи рухдода, ногаҳон чашмаш ба бачаҳо афтод.

- Ҳой, шумо дар даруни лой чӣ кор мекунед?

- Моҳӣ мегирем, - садо дод як нафар аз онҳо ва ба сатил ишора кард.

Ҳақиқатан дар он чанд адад моҳӣ меҳобид.

- О, дар ин ҷо об қариб нест-ку, - бо тааҷҷуб пурсид Мерган. - Моҳиҳо аз кучо пайдо шудаанд?

- Ҷони гап ҳам дар ҳамин. Барои он ин ҷо моҳӣ бисёр, ки обро ба дигар та-раф сар додаанд. Моҳиҳо ин ҷо монда-анд. Гирифтанашон осонтар.

- Яъне, ки ин ҷо моҳӣ бисёр!

- Инроҷйтаврфаҳмонем? Агарқапи-да тавонӣ, маълум мешавад, ки бисёр будааст. Ин ба ҳунари ту вобаста.

- Ҳаққи манро ҳам медихед?

- Бошад, марҳамат!

-Хунук намехӯрем?

- Одами моҳигир аз хунукӣ наметар-сад.

Вай натанҳо хунукиро фаромуш кард, балки ҳодисаи дар мактаб рухдо-даро низ аз хотир бурд. Аввал дар лаби ҷӯй истода кӯшиш кард, ки моҳӣ қапад, пекин баъдтар, чун пояш лағжида ба об ғӯтид, нифаи эзорашро боло бардошта, бо шавкӯ завқ ба моҳигирон ёрӣ расонд.

Вай саропо тар бо сару рӯи аз шид-дати сармо каб-кабуд бо сайди хуби моҳӣ дар хона пайдо шуд.

Пагоҳии рӯзи дигар Мерган бо дили нохоҳам ва хастаю кӯфта роҳ ҷониби мактаб гирифт. Андешаҳои мухталиф, тира ва сард ўро печонда буданд. «Аҷаб не, Ойпарӣ бегоҳ ба аҳли хонавода ши-коят карда бошад, ки ман ба ў рӯз наме-диҳам». Ва, албатта, ҳанӯз имкони ба синф даромадан нашуда, ўро ба хонаи муаллимон ҷеғ мезананд ва он ҷо, аҷаб не, маро падари духтар, муаллим ва мумкин мудирӣ мактаб ништа, инти-зоранд. Он ҷо рост ист, аз шарм суп-сурх шав.

Вакте ки аз сӯроҳ гузашта, ба ҳавлии мактаб ворид шуд, он ҷо ҳолнти вҷиба ба назар мерасид: писаракону дуктпрп кон овоз баланд карда, ба сару рӯи ҳам-дигар барфкулӯлаҳоро мепартофтанд. Шодию нишоти барфи аввал аз балан-диҳо ба гӯш мерасид.

Мерган аз бозигарон гузашта, бо табъи хира ба тарафи баромадгоҳ роҳ гирифт. Вай ба остона наздик шавам-нашавам, ки банохост кулӯлаи барф, ба китфаш бархӯрд.

Мерган ба ақиб нигарист. Ва чашмаш ба Ойпарӣ афтод, ки бо дугонаҳояш бар-фбозӣ мекард... Вай аз барф кулӯлаи нав сохта, ҷониби ў табассуме ҳадя на-муд ва худро чунин вонамуд сохт, ки ҳеҷ чизеро намедонад. Худро ба нодонӣ андохта, нигоҳашро ба тарафи дигар гардонд.

Тарҷумаи Ато ҲАМДАМ

«Адабиёт ва сангат» 29.07.2010

TÜRKİYE

KOCA

öykü

Avcı Kurban eşeğini sürerek köyden çıktığında henüz gün doğmamıştı. Ancak arkadan gece karanlığının eteği âdetâ çizgi oluşturup, beyazımsı bir dilim açıklık olarak görünüyordu. Avcı iyi bildiği vadiden biraz daha gittikten sonra uyku sersemliğinden açılıp, vücudunun biraz daha hafiflediğini hissetti, hırkasını düzelterek kuşağını daha bir sıktı.

Artık ona, anıran eşeklerin köyü sarsan sesi, zamansız havlayan köpeklerin uğultusu, horozların inceden keskin ötüşleri zar zor iştiliyordu. Sonlara doğru bu sesler de boz eşeğin ayak seslerine karışıp kayboldu.

Yezgen'in alışılmış kokusu birden bire burnuna geldiği zaman, şimdilik etraf görünmese de, neredeyse, Yezgenli'ye girdiğini anladı. Bineğini durdurarak, ihtiyarlara mahsus tavırla etrafını seyredip biraz durdu. Kendisinin çölü ne kadar özlediğini hissetti.

O çöle bundan daha bir iki yıl önce dönmek istemişti, onu engelleyen daima zihnini meşgul eden, hayalindeki beyaz gömlekli, başı takkeli¹ oğlancık olduğuydu. O kendisinin zihninde sürekli bu şekilde, bu giyimde canlanırdı.

Çocuk bazen tüm gün onun yanından ayrılmadan hep birlikte yürürdü.

Avcı, bu çocukcağızın dünyaya gelmesini çok beklemişti. Kendi düşüncesine göre, oğlan hem eskilerden beri babadan oğula geçen “hırlı”nm-da² mirasçısı olmalıydı, hem de çaldı dikenli, kendinden öncekilerin yürekten bağlandıkları çölde oynayıp büyümeliydi.

Koca, bazen kendi çocukluk yıllarına döndüren anılarım hatıralayıp, çocuğaun da aynı duyguları yaşamasını isterdi. Bundan da kendince zevk alırdı. Şimdi bile o çocuğun: "Birileri bu çölün altında ateş yakıyordur, ondan dolayı da çölün üstü sıcak oluyordur" diyerek, bir zamanlar aynen kendi düşündüğü gibi onun da böyle düşüneceğinden asla şüphe etmiyordu.

Avcı, evden çıktığında havanın serinliğinden faydalananak yol almayı düşündüyse de, Yezgenli'den ayrılarak kendi avım arama konusunda acele etmiyordu. O hiçbir zaman "Filan derede av çoktur" diye boşu-boşuna dolaşıp kendini yersiz yonmazdı. O daima ava çıkmadan önce, havanın durumunu gözden geçirirdi, hangi mevsimde olduğunu kestirmeye çalışırdı, avlayacağı hayvanın huyunu hareketlerini akimdan geçirirdi. O tüm bu şeyleri hatırladıktan ve ölçüp biçtikten sonra avlanmaya giderdi. Onun kanaatince, biğiülük her avcıya özgü olması gereken yeteneklerden biridir.

Koca yaşlanmış gözleriyle karanlık gecenin içinden adeta büyük bir gemi gibi gelen gündüz güneşini biraz seyrettikten sonra yine düşünceye daldı: Her zaman çöl ile baş başa kaldığı esnalarda olduğu gibi, tekrar çölün bereketli zamanların» hatırladı. Sürü sürü olarak yokuşları tutan ceylanlar canlandı gözü önünde...

Aslında herşey tamamen farklıydı, son zamanlarda avlanma çok daha zorlaşmıştı. Hızlı taşıtlardan, gelişmiş ateşli silahlardan ödü kopan ceylanlar insan oğlunun çok az uğradığı yerlere doğra çekilerek, gözden ırak duruyorlardı.

Aradan çok zaman geçmiş olmasına rağmen, Avcı Kurban kendisinin ilk defa ava gittiği o bahar gününü hâlâ hatırlıyordu.

¹El işlemeli Türkmen millî takkesi

²Doldurulan tüfek

Annesi o defasında ona, diğer köye dayılarına gittiğinde giydirdiği beyaz gömleği sandıktan çıkarıp vermişti. Ayağına çokay¹, başına ise babasının takkesini giydirdi.

Avcı, o zamanlar daha on oniki yaşlarında bir çocuktur.

O gün birkaç avcının bir sürü ceylan avladıklarını, hayvan leşlerinden küçük bir tepe oluşturdıklarını, öldürülen ceylan kafalarının ise, oraya buraya gelişigüzel atıldıklarını ilk kez görmüştü. Bu durum karşısında babasının avcıların yaptıklarına hem üzüлp hem sinirlenip: „Nedir bu gözü dönmüşlük! Bir iki tanesini avladıktan sonra nefsinize hakim olsanız olmaz mıydı? Hesapsız hiçbir şey yoktur, bunu bilersiniz ha...” dediği hâlâ akimdaydı.

İşte o gün Kurban, müsriflikten tüm kalbiyle nefret etmişti. Ama birkaç yıl sonra „Yılanın nefret ettiği nane, o da tam ininin ağzında yeşerir” atasözü gerçek oldu.

Savaş yıllarında kolhoz tarafından o, ceylan avlamak, et hazırlamak üzere oluşturulan özel grubun amiri olarak göreve getirildi.

O günlerde hergün kaç ceylan avladığım bazen kendisi de unutuyordu, avladığı ceylanın düştüğü yere sineklerin konmaması için ceylanı kuma gömdükten ve o yeri işaretledikten sonra sıradaki avm peşine düşerdi.

Etrafında gelişen bu olaylar gerçek bile olsa ona karmaşık bir rüya gibi geliyordu, Bazen hayalindeki o beyaz gömleklі çocuğa çok ceylanlı, bereketli yılları anlatsa, o çocuğun bunlara inanmayacağını, göstermek istese bile, şimdi bu civarlarda eskisi gibi bol avlı alanların kalmadığını hatırlayarak üzüлüyordu.

Eski zamanlarda kullanılan, hayvan derisinden dikilen millî ayakkabı, deve derisinden dikilenine “çokay”, keçi derisinden dikilenine “çarık” adı verilir.

Koca, Yezgenli'den çıkana dek şafak da sökmüştü.. Etraf duralmış, güneş doğmuştu, kurumuş otlar sanki sırtı yalanmış buzağı gibi ışıldıyordu.

Avcı ayak altında gıcırdayan otları seyrederek, çöle oldukça yağmur yağdığını fark etti. „Kurban olduğum, yağmur iyice yağmış” diyerek kaâbindekini diline getirdi.

Eşegini durdurarak, bir süre Hindikuş Dağlarına kadar uzanan bazı yerleri yeşile çalan san halıya benzeyen alanı, elini alnına koyup güneşi engelleyerek seyre daldı.

Eşekten inerek çay koydu.

Topladığı çalı çırpıyla kaydattığı çayını içerken, etrafında ıslık çalıp bir biriyle oynayan tarla farelerini seyreliyordu. Gitgide acımaya başlayan çayın sonunu yan tarafa döktükten sonra, bir yerlerden ağzında küçük bir çöp olarak çok dikkatlice gelen kertenkeleye seyretti.

Kertenkele biraz dayanarak etrafını bakındıktan sonra tepeden aşağıya inerek otların arasında kayboldu.

Koca, bu küçük canlılara pek bir önem vermezdi, hatta bazılarının dış görünüşlerinden dolayı onlardan nefret ederdi. Fakat evinden çöle geldiğinde, bu defa buralara son geliş olduğunu zannetmesinden olsa gerek, o küçük canlılar bile kocanın dikkatini çekti, hatta onlara herhangi bir iyilik yapmak istedi. Biraz vakit geçtikten sonra kendine geldi, bu hassaslığının yaşlılıktan kaynaklandığını düşündü. Yılanlar akıma geldiğinde ise, bu ismin kendisi için hâlâ soğuk olduğunu anladı. Yılanlarla ilgili yaşadığı bir olayı hatırladı.

Bu olay Avcı Kurban'ın Badhız koruluğunda koruma olarak çalıştığı yıllarda gerçekleşmişti.

Bir yaz günüydü. Avcı Kurban Ocarlı'ya gelerek öğle yemeğini yedi ve çayını içti. Sonra bir çalının üstüne hırkasını sererek, gölgenin hareket edeceği tarafı seçerek biraz yatıp

dinlenmek için uzandı. Birazdan kamının üzerinde bir ağırlık hissedip uyandı. Merakla başım biraz .kaldırıp kamının üzerine baktı. Orada, tam kalbinin üstünde yuvarlak ekmek gibi çöreklenmiş bir yılan yatıyordu.

Avcı Kurban yılanların insan kalbini dinlemeyi sevdiklerini duyduysa da, böyle birşeyin kendi başma geleceğim hiç düşünmemişti. Koca ilk önce şaşırdı, korktu. Sakın yılan görmesin der gibi korkudan büyüyen gözlerini süzerek yavaşça kapattı. Bedeninde ince bir titreme meydana geldi ve yattığı yerde sırlıklam terledi.

Kalp atışları hızlandığı için yılan kocanın üstünde çok yatmadı. İlk önce kafasını yana uzattı, sonra yuvarlak ekmek gibi dolanmış gövdesini toplayarak kendi yoluna gitti.

Bu hatıra, kocayı sanki o günkü gibi yine rahatsızlandırdı. Avcı Kurban, ceylanların ineceğini düşündüğü yere geldiğinde sıcak iyice bastırmıştı. Güneş ısınan, âdetâ yerin üstünde beyazımsı siyahımsı iplikler gibi tikreşiyordu.

Avcı heybesinin gözünden hırlısını çıkardıktan sonra, her zafnan yaptığı gibi oturduğu yerden bir avuç kum alarak havaya savurdu, böylece rüzgarın hangi taraftan estiğini belirledi. Zaman zaman Hindikuş Dağının sakın eteklerine dürbünle baktı. Koca ceylanların sadece o taraftan, dağdan ineceğini düşünüyordu.

Ceylanlar, ilkbahar mevsiminde alçak yerlerde gezseler bile, Badhız'da ilkbahar sona erip yeşillik azalmaya başladığında dağlara, henüz yeşilliğin olduğu yerlere doğru giderlerdi. Sadece kar yağıp da, hava soğuduğunda, onlar yine çöle, bol kumlu bölgelere geri dönerlerdi. Avcının hesabına göre, güneş iyice yükseldiğinde, ceylanlar onun bulunduğu yerden geçerek aşağıdaki pınara su içmek için inmeliydiler.

O tüfeğinin yere sabitlenen bölümünü toprağa iyice yerleştirdikten sonra, bir gözünü yumarak nişan aldı. Hayalindeki

beyaz gömlekli çocuk yine onun yanında hazır oldu. Avcı o çocuğa sanki yanındaymış gibi fısıldadı: „Atmayı başarırsan, bu hırlıdan daha iyi tüfek yoktur, oğlum. Ama birşeyi asla unutma, evvel Allah komşun, fakat kendin de çok dikkatli ol! Tüfek sahibine yapacağı kötülüğü ilk yedi yılında yaparmış”.

Tam o sırada, kocanın hiç ummadığı taraftan iki üç tane boynuz görüldü. „Sürünün önünü çeken koç olsa gerek” diye Avcı umutlandı. Tüfeğin namlusunu o tarafa yöneltti. Fakat ceylanlar belli bir süre görünmediler.

„Vah, zavallı hayvanlar, beni görmüş olabilir mi, yoksa rüzgar estiği yönü değiştirip onlara haberimi verdi mi acaba?” diye koca heyecana kapıldı.

Ne kadar sabretmeye çalışdıysa da, koç tamamen görününceye kadar tahammül edemedi. Elinin, gözünün yorulduğunu, böyle nişan alarak uzak yatamayacağını anladı.

Boynuzların yarım karış altıdır diye nişan aldı.

Tüfek patladı. Havaya yanmış barutun kötü kokusu yayıldı. Vadide öncekinden biraz daha düşük bir tüfek sesi yankılandı. „Hadi oğlum, şimdi görürsün kurşun tam istediğim yere isabet etmiştir diye, avcı beyaz gömlekli çocuğu aklına getirerek, kurşunun değdiği yere gitmeye acele etti. O çocuğun az önce, hedefe nişan aldığı yerde yatarken yanında olduğundan, onu izlediğinden emindi.

Koca kendisine boynuz gözüken yere geldiğinde aldanmış olduğunu fark etti. Öyle olsa bile biraz etrafta gezindi, kumun üzerinde izleri, kan lekelerini görmek istiyordu. Fakat o kadar aramasına rağmen, gözüne boynuz olarak görümmüş kura sazağı¹ delip geçen kurşun izinden başka birşey bulamadı. Morali bozuldu. Tüfeği yan tarafa bırakarak, sanki küsmüş çocuk gibi

¹Çölde yetişen odun olarak kullanılan bir ağaç türü

biraz öfkeli oturdu. Yanında getirdiği küçük çocuğa ceylan avlayamadığı için kendi önünde küçük düşmüştü. Bir süre oturduktan sonra yine çöle seslendi.

- Dostum, niye böyle yaptın .bunu! Son on yılda hiçbir kurşunumu boş geçilmemiştin ya. Hatırlıyorsan şimdiye dek benim nişan aldığım avın kurtulan yeri yoktu. Bugün ise ben yalnız değilim, bak, beyaz gömlekli torunum da benim yanımda. Seninle tanıştırmak için getirdim. Ona da av etinden tattırıp, seninle birlikte ona hayır dua edecektim, seninle böylece helalleşecektim. İkimizin dostluğumuzu devam ettirecek olan bu çocuktu. Beni artık buralarda ya görürsün, ya göremezsın, ama sen...

Avcı misafirperver bir insan olmasına rağmen pek bir uğrayacağı arkadaşı da yoktu.

Gençiken birbirleriyle sarmaş _dolaş arkadaş olan insanları gördüğünde, kendisinin böyle arkadaşının olmadığından onlara imrendiği de olmuştu. Ama boş boş dolaşmak, yemek içmek, boş laflar... onu çabuk bıktırmıştı.

Onun "Gerçek arkadaşın akrabalar ve çocuklarıdır" dediği zamanlar da olmuştu. Yeri geldiğinde onların da içinde gizlediklerini paylaşabilecek tarzda arkadaşlık yapmaktan aciz olduğunun ' kanaatine varmıştı. O, kendisinin çok değerli gerçek dostunun olduğunu biraz geç, yaşı otuzu geçtikten sonra anladı. O andan sonra kendisinin dostu arkadaşı olmadığına hiç üzülmedi, aslında onun bu dostu o dünyaya geldiğinden beri vardı, ama avcı böyle bir dostunun olduğunu ancak o anda anladı. Sevindi, O'nun gerçek dostu bu çöldü.

Bir yerlerden emekleyerek gelen kaplumbağayı görünce, avcının dikkati tekrar dağıldı. Kendince bir hesaplar yaparak mırıldanıyordu. Kaplumbağalar Badhızhn sadece yaz aylarında burada bulunurlardı, fakat ilkbaharda onların çanaklarını

yağmura yıkatıp, rüzgara okşattığım her zaman görme imkanı vardı. Baharın sonlarında, yazın başlarında kaplumbağaların ayağı bu civarlardan çekilirdi. Havanın şimdiki durumu Karakum'da 130-160 gün sürecek olan aşın sıcakların habercisiydi. Gökyüzü bulutsuz, güneş parlaktı. Koca nereye gideceğini kestiremeden oyalanıp duran kaplumbağaya laf attı, kendisinin başka bililerinden duymak istediği sözleri söyleyerek, kaplumbağanın gönlüne teselli verdi. „Hemşerim, sen de çölle vedalaşmaya mı geldin? Ama hayır, sen daha çok genç görünüyorsun. Kaplumbağalar iki buçuk asırdan bile çok yaşarlarmış. Sen benim rahmetli babamm bile çocukluğunu görmüş kaplumbağa olmalısın. Hadi gel, ger ceği söyle! Yaşamaya devam dostum, sen daha çok yazlar görürsün” dedi. Kaplumbağa ise cevap vermek yerine boynunu taş çanağının içine çekti.

Koca tüfeğini alarak, yerinden kalktı. Kösteklenen eşeğinin üstünden heybesini alarak pınar başına geldi.

Bağ ile bayırların birleştiği noktadaki bu pınar „İncirli”, adı ile tanınırdı. Burada tabiatın oluşturduğu doğal havuz her zaman suyla doluydu. O havuzdan taşan bir yolak su ise9 vadi boyunca inerek bayırlara doğru akardı. Etrafında boyu küçük dağ incirleri yetişiyordu.

Bu civarlarda çobanlar çoğu zaman içme suyunu, gelip buradan alırlardı. Sadece kış ve ilkbahar aylarında İncirli'nin etrafı sessizleşir, pek geleni gideni olmazdı. Meydanın nemi yeterli olduğu için ceylanlar da bir kaç ay pek suya inmezlerdi.

Avcı çaydanlığım iki kere çaykaladıktan sonra ateş yakıp çay koydu.

Ekmek torbasını çıkarmak için elini heybeye soktuğunda parmakları soğuk ve kaygan birşeye değerek irkilmişti. Bu içi kavurmalı cam şişeydi. O. şişe kocanın daha da keyfini kaçırdı. „Karım bu kez avlanamayacağımı evden çıkmadan önce anlamış

olmalı” diye düşündü. O anda karısına ait bir olayı hatırladı, biraz yüreklendi.

...Karısına çölü gezdirmeyi evlendiği zamanlar kafasına koymuştu, ama karısını yanma alıp gitmenin bir türlü imkanını bulamamıştı. Babasından çekindi, annesinden utandı.

Bir keresinde o gökte aradığını yerde buldu. Annesi ondan gelinini aşağı köye, baba evine götürmesini istedi. Avcının istediği de buydu. Avcı karısını götürdükten sonra, ava gideceğini de söyledi ve yanma karısını alarak yola koyuldu. Bir şeyler diyerek karısıyla şakalaşmak istese de, köyden çıkıncaya kadar terbiyesinden karısının yüzüne bile bakmıyormuş. gibi davrandı. O karısından birhayli önde yürüyordu.

Köyden çıkıp biraz uzaklaştıktan sonra kumlu yola doğru sağa dönüp bayırlara yöneldiler.

Avcı tam o yerde atım durdurdu. Baha taze gelin „Birileri görürse ne der, senin akim başında mı?” diye itiraz etmesi de onu düşündüklerinden döndtremedi. O kendi istediğini yaptı. O karısının bindiği eşeğini köstekleyerek otlu vadiye kovduktan sonra: „Bemm zavallı dedem daha gençken anneanneme şöyle demiş:..

- Kancığım, eancağazım, bin sırtıma hancağazım, demiş” dedi ve karısını atının sırtına bindirerek yola koyuldu.

Al yeşil güllerin arasından yürüyerek gelen güzel kansım seyretmek, bu geniş dünyada onunla diz dize oturup yemek yemek avcının çok hoşuna gitmişti.

Serin havada bu çeşme gölüne suya girip eğlenmelerini de hatırlıyordu...

Koca bu mutlu dakikaları göz önüne getirerek başını sallayarak gülümsedi. O zaman kansım ancak iki gün sonra köylerine getirmişti. Bu mutlu anlan hatırlattığından olsa gerek, koca her ava çıktığında İncirli5ye uğramadan edemiyordu. Her

öle ıkışında bu olayı bazen bir, bazen birkaç kez onun göz önüne gelirdi.

Güneşin sıcaklığı iyice bastırdıktan sonra etrafta hareket gitgide azaldı. Küçük böcekler bile bir yerlere kaybolmaya başladı. Güneş ısıdıktan sonra, başını sokacak bir yerler aramak, öl canlılarının alışkanlığıydı. Onlar ögle vakitlerini inlerinde ya da herhangi bir bitkinin gölgelerinde geçiriyorlardı.

Güneş alçalıp, tepelerin gölgeleri uzadıktan ve etraf biraz serinledikten sonra böcekler yine bir yerlerden çıkmaya başlarlardı.

Hâlâ meydanlarda göze arpan, tek başlarına apulculuk yapan, ancak at sinekleri idi. Onlar Badhız'ın biyabanı eşek sürüsünü sürekli kovalıyorlardı.

Hava sıcaklığı buharlaşmaya başladığı için, meydan onun gözüne biraz karanlık göründü.

Avcı Koca ta güneşin sıcaklığı azalınca kadar pınarın başından kalkmadı.

Biraz uyudu, dinlendi. Tüfeğini temizlemekle oyalandı. O yola koyulduğunda hava biraz seriniemişti ve nefes almak daha kolaylaşmıştı.

Avcı Koca biraz yol aldıktan sonra, heybesinden hırlısını ıkradı ve önüne yan yatırdı. Otların hışırtısını duymak istiyormuş gibi etrafına kulak verdi.

O şimdi geçmekte olduğu vadide sülünlerin çok olduğunu biliyordu. Fakat ne kadar istese de, her zaman on adım ilerde gürültüyle havalanan sülünler bu kez onun eşeğini bir kere bile ürkütmemişlerdi. Onlar sanki yer yarılmış içine girmişlerdi. Koca hiç avlanamamış olsa bile sülüne av mısın bile demezdi. „Türkmene daha irisi” diye ceylan avlamayı düşünürdü. Şimdi ise peşinden gelen beyaz gömlekli çocuğa helal bir av avlamayı gösterse kâfi idi. Evindeyken kafasına koyduğu gibi, ona av etinden

yedirecek, hırlım eline verip, çölle beraber ona helallik verecekti. Böylelikle kendisi avlanmayı bırakacaktı, „Yola gitmek için kötü bir gün müydü acaba?” diyerek daha önceki yaptığı hesaptan şüphe etmeye başladı ve yeniden günleri hesaplamaya koyuldu. Hesapta yine aynı günler tekrarlanıyordu. Eskiler „Çarşambada dört bîr yana” demişler, uğurlu bir gün yola koyulmuşum” diye, avcı rahatladı. Tüfeğini tekrar heybesine koyduktan sonra, koca, eşeğini tekrar yola sürdü. Biraz uzakta ürkererek kaçan 3-4 tane sülün de artık onu ilgilendirmiyordu. O artık hiçbirşeye tüfek doğrultmak istemedi. Keyfi kaçmıştı, eşeğinin üstünde öylece oturuyordu.

Akşam üstü esen rüzgar bir yerlerde ölmüş olan hayvanın, pis kokusunu getirdi. Zaman zaman etrafta baykuş sesleri duyuluyordu.

Koca, sazaklı alana geldiğinde hava daha yeni kararıyordu. İğneyapraklı sazıklar kararak sadece kütüğe benzer bir haldelerdi. Bunlar bahar aylan yeşil gelinlik giymiş gibi göründükleri için, avcıya karışım hatırlatıp, onun evine çabuk dönmesine sebep olduğu zamanlar da az olmamıştı.

Avcı açık bir alanda eşeğini bağladıktan sonra ateş yakarak çay koydu. Arta kalan kavurmasını kâsesine atarak çaylı kavurma çorbası yaptı. Çevredeki böcekler ateşi görerek ona yakın gelseler de 'bu yaratıkları iyi bildiği için avcı onlardan rahatsızlık duymuyordu. Yoksa kertenkeleler sanki gözü yokmuş gibi o kadar yaklaşıyorlardı ki, neredeyse heybenin gözlerine girecek gibiydiler. Ortadaki ateşi» ışığı sürünerek bir yerlerden gelen zemzenin¹ gözünde yansıyarak, ikinci bir ateş olarak parlıyordu. Koca, çayım bitirdikten sonra, yaktığı ateşi kum seperek söndürdü.

¹Dev kertenkele

Çünkü geceleyn çölde ateş yakmanın o yaratıklar için “Gelin buraya!” dercesine bir davetiye olduğunu gayet iyi biliyordu.

O yatmak için başını yere koydu koymasına, fakat uzak uy uyamadı. Rüzgar hafifleştikten sonra sazaklığın içi daha da bunaltıcıydı. Yakınlara bir yere baykuş konarak çirkin çirkin ötmeye başladıktan sonra, kocanın uykusu tamamen kaçtı. Baykuşları iyi tanıdığı için onun kolay kolay sesini kesmeyeceğini biliyordu. Uzun gece çirkin çirkin öterek, çevredeki kuşları yanına toplamak onun adeti idi. O hep gevezelik yapardı, diğer kuşlar ise onun etrafında adeta ateş gibi yanan büyüğü gözlerini şaşkın şaşkın izlerlerdi. Baykuş ancak tan ağarıp etraf aydınlandıktan sonra kuşların arasından sıyrılarak uçup giderdi.

Biraz gökyüzünü seyrederek yattıktan sonra koca, burada kestiremeyeceğini kesin olarak anladı. Sızlayan bacaklarını ovarak bir müddet oturduktan sonra, biraz rüzgarlı bir yer aramayı kafasına koydu. O gecenin bir vakti, tozlu açık bir araziye geldi. İlk önce odun toplayıp çay içerek yorgunluk atmaya düşündü. Eşekten adeta sürünerek yere indikten sonra, çay içmeye de pek hevesi kalmadı.

Ağzına nas¹ koyarak eğilerek oturduktan sonra su kabındaki kan gibi ılık suyla ağzını çalkaladı, istemeye istemeye bir iki yudum içti. Altına döşөгünü sererek, başını heybesine koyduktan sonra, çabuk uykuya daldı.

Ama beterin beteri var, denen oldu. Çıplak bir kadın koca'nın yanı geldi, önünde oturdu. „Beni tanımadın mı Kurban, ben senin eşinim“. Kadın gülümsedi, kucağını teklif etti. Bu kadının ne kaşı vardı, ne de saçları, kocaman yuvarlak gözleri ise bembeyazdı. Koca ürkerek uyandı.

¹Orta Asya ülkelerinde genellikle yaşlı insanların dil altına koyarak kullandığı, doğal bitki karışımından elde edilen bir tür hafif uyuşturucu madde.

Gördüğü şeyin bir rüya olduğunu anladı ve buna kendisi çok sevindi. „Bela beterden uzak eyle“ diyerek homurdandı. Sanki o çirkin kadın gelip ona sarılacakmış gibi uzun bir süre gözlerini kırpmadan oturdu.

Koca nas kabını almak istediğinde yan tarafına bıraktığı hırlısını görüp içini çekti. Nas atma isteğiyle dişlerinin gıcırdamasını da unuttu. O, tuzlu vadide bulunduğunu daha şimdi anladı. „Tuzun üstünde yatmışım, bunuyor muyum acaba?“ diyerek kendinden memnun olmayarak homurdandı. Tuz hırlının büyük bir bölümünü yutmuştu, şimdi ise onun kalan bölümü ile mücadele ediyordu.

Tuzun üzerine düşen her şeyi yuttuğunu, yavaş yavaş kendi gibi tuza çevirdiğini koca iyi biliyordu.

„Tuza düşen tuz olur“ atasözünü de aklından geçiriyordu.

- Ben hırılıyı torunuma verecektim! diye, tuza gömülmeğe olan hırlısına çaresizce elini uzattı.

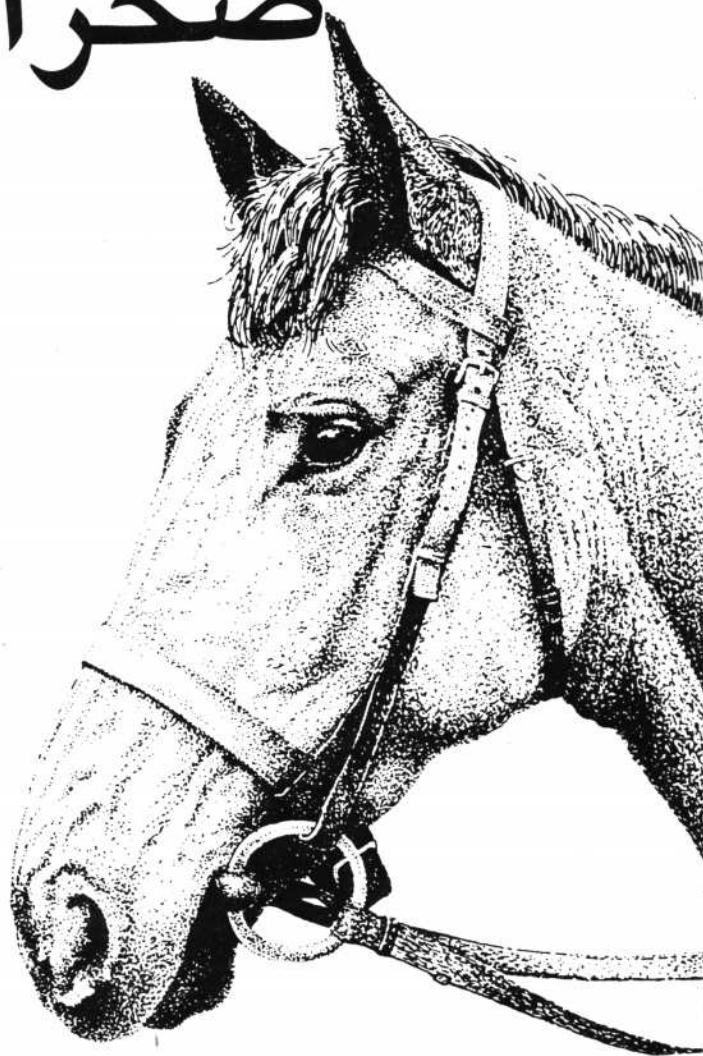
Aniden beyaz gömlekli çocuğun daha dünyaya gelmediğini, onun hayallerinde yaşadığını hatırladı. Gerçeği kabul etmek kocaya ağır geldi. Gözü karararak yere oturdu. Korkunç bir ağrı ile kaşlarını çatı.

Koca, bir süre sonra dengesiz bir şekilde yerinden kalkarak, elini hırkasının cebine sokup çıkardı.

Avucunu açığında son yuvarlak fişekler tuzun üzerine saçıldı.

*Türkmenceden aktaran
Cepbarmamet Göklenov.*

داستان صحرا

آقا گلدى الله نظرف (ترکمنستان)

ترجمه عبدالرحمن ديه جى

صدای سم اسب غریبه را قبل از هر کس، صحرا با پوست و استخوان خود حس کرد و لرزشی در اندام زمینهای بایر دوید. «چاوداری» در لحظه اول خیال کرد که این صدا از زیر زمین به گوش می رسد. او که به همراه گله اش مشغول چرا بود، با شنیدن صدا اشتهايش برید و گوش به زنگ ماند. چشمان دوربینش را به طرفی که صدای غریب، از آنجا به گوش می رسید، به آن سوی زمینهای بایر دوخت...

اسبها در جای جای صحرای «بادخیز» در دسته های پراکنده، چرا می کردند. در هر دسته ای اسبی تنومند آنها را رهبری می کرد.

چاوداری هم سرکرده یکی از گله ها بود. او تمام اسبهای گله خود و همچنین میدانی را که باید در آنجا به چرا می پرداخت، می شناخت. محل چرای او از پای کوه جنوبی آغاز می شد و تا شوره زار پایین پیش می رفت و از سمت شرق در سه - چهار کیلومتر آن طرفتر، به دو زمین بایر ختم می شد. مرز میان گله ها به راحتی مشخص نمی شد. اگر هم کسی آن را نادیده می گرفت، اختلاف را باید سرکرده ها حل می کردند.

گاه و گدار «چاوداری» در آن نزدیکیها با همسایه خود اسب کهر، برخورد کوتاهی داشت. آنها به قصد پاره کردن یکدیگر، چون دو خروس آماده هجوم، رودرروی هم می ایستادند و بعد از لحظاتی هر یک راه خود را می گرفتند و به میان گله خود برمی گشتند...

... صدای سم غریبه نزدیک و نزدیکتر می شد. چاوداری از صدای آن فهمید که اسب بی هیچ سواری گاه چراکنان و گاه نه تاخت پیش می آید. با بی صبری انتظار رسیدن او را کشید...

چاوداری، اسب باتجربه و تنومندی بود. در ماههای بهار چشم می خواست که او را ببیند. بدنش چون پولک ماهی می درخشید. چوپانهایی که هر چهار پنج روز می آمدند و از اسبها خبری می گرفتند، با دیدن چاوداری که چون پرچمی درباد، موج می خورد، به وجد می آمدند.

با این حال، چوپانها نزدیکش می آمدند و از فاصله ای دور از او می گذشتند و می رفتند. چاوداری گله خود را نه تنها از اسبهای رقیب خود، بلکه از دست چوپانها نیز در امان نگه می داشت. اگر می فهمید کسی قصد دارد به گله نزدیک شود، به سویی هجوم می آورد. برای همین چوپانها هرگاه می خواستند گله را به جای دیگری بکشند، اول گله های دیگر را جمع می کردند و به سوی گله چاوداری می راندند و به این صورت چاوداری هم مجبور می شد به همراه همه اسبها، به جایی که آنها می خواستند برود.

اسبهای زیبا همیشه جلب توجه می کنند. چوپانها همین که آنها را می گیرند، به سواری دادن عادتشان می دهند. اما به چاوداری نمی شد چیزی گفت.

سه - چهار سال قبل چند نفر سواره، برای گرفتن او یک روز تمام به دنبالش تاخته بودند. اما موفق نشده بودند و بالاخره تصمیم گرفته بودند که دو اسب جوان دیگر را بگیرند و ببرند و رامشان کنند.

آنها بعد از آن چاوداری را به حال خود رها کردند. مثل اینکه تصمیم گرفته بودند او را به عنوان اسب نژادی نگاه داشته باشند.

... صدای سم اسب غریبه که در صحرا می پیچید، چاوداری را بی قرار کرده بود. اسب غریبه که از فاصله به نسبت دوری پیش می آمد، با

دیدن چاوداری از حرکت باز ماند و نتوانست خود را به میان گله او برساند. همانند چاوداری با گوشهایش هوا را قیچی کرد. وقتی که دو اسب با خشم به یکدیگر حمله کردند، مادیانهایی که با شکمهای سیر از علف، روی زمین لم داده بودند، روی پا بلند شدند و با کنجکاوی آنها را تماشا کردند.

دو اسب درحالی که روی پاهایشان خیز برداشته بودند، شروع به زد و خورد و گاز گرفتن یکدیگر کردند.

صدای سرهای اسبها که به یکدیگر می خورد، چون دردی در استخوانهای اسبهای دیگر می پیچید. علفهای نرم، زیر پای آن دو اسب لگدمال می شدند. کره اسبها که چنین مبارزه ای را برای اولین بار در عمرشان می دیدند، خود را عقب می کشیدند و کنار مادرهایشان پهلوی می گرفتند. اسب غریبه، انگار که چیزی جا گذاشته باشد، ناگهان برگشت و فرار کرد. چاوداری هر قدر با سرعت به دنبالش دوید، نتوانست خود را به او برساند. اسب سفید غریبه، اسب ضعیفی نبود. او خیلی جوانتر از چاوداری و شاید هم نیرومندتر از او بود. درست در سنی که می توانست سربلند و مغرور گام بردارد و بتازد.

چاوداری با اینکه اسب سفید را فراری داده بود، با حالی گرفته به میان گله برگشت. مادبانها با افتخار و کره ها با حیرت نگاهش می کردند. چاوداری از گله دور شد و روی تپه رفت. اسبهایی را که به صورت پراکنده چرا می کردند و کره هایی را که به جست و خیز پرداخته بودند، از نظر گذراند. یک سرکرده باید تمام اسبها را زیر نظر می گرفت. اما آسودگی خاطر چاوداری طولی نکشید. یکی - دو روز بعد باز اسب سفید را دید که اسبهای گله را زیر نظر گرفته است و چرا می کند. با اینکه چاوداری خیلی انتظارش را کشید، او به موقع برای مبارزه پیش نیامد. بالاخره وقتی که خود به سوی او رفت، اسب سفید، رو به آن سوی دشت شروع به تاختن کرد و گریخت.

چاوداری در سراسر عمرش با چنین اسب نامردی مواجه نشده بود. اسبهایی که تا به حال با او مبارزه کرده بودند. . . بله چاوداری در طول عمرش دوبار تا پای مرگ جنگیده بود. مبارزه ای که در آن یا باید می کشت یا باید می مرد. البته تا به حال خیلی از اسبهای دیگر هم هوای سرکردگی گله او را در سر پرورانده بودند. آنها پس از لحظاتی ایستادن رودرروی چاوداری، فهمیده بودند که کار، کار آنها نیست و اسب زورمندتری پیش روی آنها می گردد. از تصمیم خود پشیمان شده، برگشته بودند و به این صورت خیلی از مبارزات هم به وقوع پیوسته بود.

اولین بار چاوداری با اسبی از میان گلّه خود که ادعای سرکردگی گلّه را می کرد برای دفاع از مقام خود جنگیده بود. آن بار چاوداری پای رقیب خود را برای همیشه لنگ کرد و بعد دست از سر او برداشت. دومین مبارزه با یکی از اسبان غریبه بود که از جایی دیگر آمده بود. آن اسب غریبه در برابرش مردانه ایستاد و با او درگیر شد. سرانجام وقتی فهمید که دیگر توان مبارزه ندارد، فرار را بر قرار ترجیح داد و بعد از آن دیگر پیدایش نشد.

به نظر چاوداری هر دوی آن مبارزات، مبارزه ای مردانه و حقیقی بود. اما جنگی که این بار با اسب سفید جوان در پیش گرفته بود، برایش نامانوس بود. اسب سفید که گاه گلّه را به دنبال خود می کشید، آرامشش را برهم زده بود.

چاوداری با تمام وجودش دریافت که آن اسب غریبه سرچنگ بر سر مقام او را دارد و برای همین آرام و قرار نداشت.

* * *

ابرهای سیاهی که آسمان را پوشانده بودند و از سویی به سویی در حرکت بودند، نیمه شب از تردید بیرون آمدند و بر زمینهای بایر باریدند و تن صحرای «بادخیز» را تکانی دادند.

صدای باران، صدای سم اسبانی را که تمام جلگه را گرفته، به پیش می آمدند، به یاد می آورد. صبح روز بعد، هوا روشن و آفتابی شد. قطرات نشسته بر علفها زیر نور خورشید می درخشیدند. حشراتی که هنگام بارش، به زیر علفها و گیاهان پناه برده بودند، بار دیگر با گرمای خورشید به جنب و جوش درمی آمدند و از علفها بالا می رفتند. . . . وقتی که اسب سفید غریبه از آن سوی گلّه به این سو تاخت،

چاوداری به همراه گلّه مشغول خوردن علفهای خیس و تمیز بود. مادیانها به صورت گروههای دو - سه نفری رفته رفته آن اطراف پراکنده می شدند. کره ها، پیش روی چشم مادرهایشان، جست و خیز می کردند. چاوداری مقصود اسب سفید را دریافت و مجبور شد در آستانه جلگه از او استقبال کند.

صدای سم اسبها و شیهه هایشان سکوت دشت را شکست. دو اسب جلوی چشمان نظاره گر اسبهای گله که درجا میخکوب شده بودند و انتظار عاقبت کار را می کشیدند، به جان یکدیگر افتادند. چاوداری چند بار نزدیک بود اسب غریبه را نقش بر زمین کند، اما اسب غریبه هربار راه گریزی می یافت و باز برمی گشت و مبارزه را از سر می گرفت. یک بار که به روی هم خیز برداشتند، ضربه سر اسب غریبه، خون از بینی چاوداری جاری ساخت بعد از آن انگار بر تعداد گللهای لاله آن اطراف افزوده شد.

تمام اندام چاوداری به لرزه افتاد. در عمرش برای اولین بار، کنترل پاهایش را از دست داد. اسب سفید که فهمید رقیبش از توان افتاده است، دوری گرفت. چاوداری هرچه سعی کرد، بعد از آن نتوانست خود را کنترل کند. وقتی که اسب سفید با تمام نیرو خود را بر سینه او کوبید، چاوداری برای لحظه ای نقش بر زمین شد.

مادیان پیری که جلوی گله ایستاده بود، با چشمانی لبریز از سخن، به او زل زده بود. آن مادیان شاهد روزهای جوانی و زورمندی چاوداری بود. تا به حال چاوداری در مقابل چشمان او این قدر خوار نشده بود.

چاوداری شکست خورده بود. حرمتش زیر سم اسب غریبه له شده بود. حالا چاوداری حتی حق سرکردگی گله ای را که از گوشت و خون خود او شکل گرفته بود، نداشت.

نگاههای کنایه آمیز مادیانهای جوان و نگاههای نگران کره اسبها، بار دیگر چاوداری را روی پا بلند کرد. او تمام نیرویش را در بدن جمع کرد و به سویی تاخت. یکی از کره هایی که همیشه دوست داشت به دنبال چاوداری بدود، این بار هم گردنش را جلو داد و در پی او رفت. وقتی که کره اسب، با تلاش بسیار بالای تپه ای رسید، چاوداری را دید که از آن سوی تپه، چون گلوله ای می چرخید و به پایین سرازیر می شد.

کره اسب یکه ای خورد و قدمی به عقب برداشت. لحظه ای چاوداری را نگریست و لحظه ای گله ای را که پشت سرمانده بود، و بعد سر به آسمان گرفت و شیهه بلندی کشید. □

ПОЭТ ИЗ ПЛЕМЕНИ ОГУЗОВ

В 1973 году, поступив в Литературный институт имени М.Горького, я познакомился с будущим известным писателем Агагельды Алланазаровым. Он был физически развитым, подтянутым, красивым, приветливым парнем. Сразу угадывалось, что служил в десантных войсках. Жили мы в общежитии института в соседних комнатах.

Агагельды Алланазаров родился в 1948 году в селе Марчак Тахта-Базарского этрапа. После окончания Марыйского педучилища год работал учителем в школе № 6 г. Мары. С 1969-го по 1971 гг. служил в десантных войсках. После службы в 1971 году поступил в Московский Литературный институт им. А. М. Горького и окончил его в 1976 году.

В этом же году начал работать в издательстве. В 1983-1988 гг. возглавлял Бюро пропаганды Союза писателей Туркменистана. В 1988-1992 гг. работал в издательстве «Туркменистан» главным редактором. В 1992 году был назначен заместителем председателя Комитета по печати при Кабинете Министров Туркменистана. С 1995-го по 2001 гг. работал директором издательства «Туркменистан», затем был назначен директором Государственной книжной палаты Туркменистана. В настоящее время работает в системе Туркменской государственной издательской службы.

Его своеобразные стихи еще в 80-е годы прошлого века обратили на себя внимание известных писателей и большой аудитории читателей. В разные годы были выпущены как в

Ашхабаде, так и в Москве несколько книг на туркменском и на русском языках: «Дом солнца», «Три веселых капитана», «Пишу «А»», «Собака, которая летала однажды», «Сказки», «Весёлая азбука», «Играй, моя дудочка», «Выше, чем гора», «Догоняю ветер», «Вам такое и не снилось» и др.

Его первая повесть «Семь зёрен» была тепло встречена читателями и высоко оценена известными писателями. После, в различные годы, издавались прозаические произведения: «Поклажа для инера», «Разбитые вёрсты», «Путешествие к себе и в даль», «Письмо с дороги», «Мгновение любви» и др.

По повестям Агагельды Алланазарова сняты три художественных фильма: по повести «Семь зёрен» - фильм «Прощай, мой парфянин»; по повести «Разбитые вёрсты» - фильм «Дестан», по новеллам «Брат» - фильм «Брат». Его пьеса «День рождения Лиса», написанная для детей, поставлена на сценах Дашогузского, Марыйского, Ашхабадского театров, в Израиле и на Украине. Произведения писателя переводились на многие языки народов мира.

В годы независимости Туркменистана Агагельды работает особенно плодотворно. В течении более 20 лет - он создал три романа: «Очаг», «Тюлень», «Жаркое лето Хазара» и цикл новых рассказов-новелл.

Во время учебы Агагельды дружил со многими студентами. Наш общий хороший друг, известный русский поэт Геннадий Касмынин посвятил Агагельды свое стихотворение. Стих назывался:

АГАГЕЛЬДЫ АЛЛАНАЗАРОВ

*Туркмен Агагельды Алланазаров
Мне вспомнился не знаю почему,
В промозглой осени,
Вблизи молочных зарев
Предвестий снежных,
Тягостных ему.*

*Такая осень: слякоть, неуютно,
На палый снег ложится мокрый снег
И листья проступают поминутно
Из-под снегов,
Как слезы из-под век.*

*Агагельды из племени огузов
Идет по скверу в тоненьком пальто,
И взгляд его блуждает в мокрых бликах,
И что он видит не поймёт никто.*

*И жёлтый лист, уже от влаги бурый,
Песок аллей и желтые дома,
И все вокруг сливается с фигурой
Туркменского поэта...
Всё.*

*Такая прибыль снега, так-то круто
Растут сугробы, тянутся ко мне,
Как старый друг, студент Литинститута,
Тянулся к листьям желтым,
К желтизне.*

Классики советской литературы Чингиз Айтматов и Агния Барто произведения Агагельды Алланазарова высоко ценили, писали о нем прекрасные отзывы.

Я был на Родине моего студенческого друга Агагельды в городе Мары. До поступления в Литинститут он там работал школьным учителем.

Сегодня я очень рад, что Агагельды Алланазаров стал крупным писателем Туркмении, и мы вместе крепим дружбу литератур братских туркменского и якутского народов.

Иван Мигалкин,
народный поэт Якутии,
председатель Союза писателей РС (Я)
Журнал «Полярная звезда» №4, 2014г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЮЛЕНЬ (Роман) (пер. Б.Оразкулыева).....5

НОВЕЛЛЫ

Новогодняя любовь (Киноновелла) (пер. Б.Оразкулыева).159

Миска Рекса (пер. Б.Оразкулыева)197

Велосипед (пер. Сергей Каратов)212

Брат (пер. Б.Оразкулыева)216

Мать (пер. Б.Оразкулыева).....225

Белый парус (пер. Сергей Иванов).....229

Женское счастье (пер. Екатерина Гельдымырадова)237

Конь Берды - спорщика (пер. Р. Каныгина).....241

Однажды на кануне Нового года (пер. Б.Оразкулыева) ... 244

Сладкая дыня Вахарман (Сказка)..... 264

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ (пер. Аннаберды Гочаманов)

Цена Родины..... 285

«А» на возвышенности 286

Сложная задача..... 287

Приятная встреча 288

Коллеги 289

Ага и дедушка мороз 289

У-у-у-у..... 290

Смотри, кого ожидали..... 290

Самое лучшее село..... 291

MAGYARORSZÁG

Az öregember 294

EESTI

Vanamees..... 304

ТОЧИКИСТОН

Ойини биёбон (Мария Салим)..... 314

Барфи аввал (Ато Хамдам) 330

TÜRKİYE

Koca (Сербармамет Гöklenov) 336

ПОЭТ ИЗ ПЛЕМЕНИ ОГУЗОВ (Иван Мигалкин) 355

АГАГЕЛЬДЫ АЛЛАНАЗАРОВ

РАДУГА

Произведены их трёх книг.

Вторая книга.

Редактор. А Гочаманов

Дизайн. Д. Сеидкулиев

Формат 60х90. Офсетная печать.

Печ. лист 23.